

Ивлев К.
Смерть в темпе «аллегро»
М.: Эксмо, 2022

Константин Ивлев

Смерть в темпе «аллегро»

Посвящается Дарье Завьяловой

Прелюдия

«В понедельник нас с вами ждут горы трупов, любовь и коварство, измены, предательства и самые гнусные пороки, какие бывают у человека... запишите тему и подготовьтесь: 'Шекспир как оперный драматург'».

Именно эти слова произнес довольно молодой человек перед тем, как сойти пятничным вечером с кафедры в одном из лекционных залов Санкт-Петербургской консерватории. В аудитории рассмеялась, хотя слушатели давно привыкли, что лекцию профессор обязательно закончит новой шуткой.

Если бы он знал, что удачные шутки имеют обыкновение сбываться, то наверняка придумал бы какую-нибудь другую – но что сделано, то сделано. По крайней мере утром 14 сентября 1895 года по дороге на загородную дачу он думал о вещах, совершенно никак не связанных с Шекспиром, убийствами или хоть каким-то нарушением Уголовного уложения.

– Вы слышите? Кажется, выстрел... – спросил извозчика тот же высокий молодой человек, резко дернув головой влево. К сожалению – или, может, напротив – к своему счастью он ничего не увидел: повозка проезжала мимо тонкой густой полоски леса и заметить сквозь нее хоть что-то едва ли было возможно.

– Не могу знать, барин, – медленно и лениво хотел ответить возница. – Охотники, должно быть...

Молодой человек покачал головой, предугадав ответ, и полез в карман за часами. Снова раздался выстрел.

– Нет, на охотников не похоже – это пистолетный выстрел, не ружейный, – подумал пассажир и взглянул на циферблат. – Будьте любезны, отвезите в ближайший полицейский участок, не нравится мне...

Раздался третий оглушительный выстрел, словно бы усиленный прошлыми звуками.

– Гони быстрее! – приказал пассажир, перейдя на крик и на «ты», что совершенно ему было несвойственно. – Здесь явно что-то произошло. Быстрее!

Извозчик пожал плечами, но развернул повозку и свистнул кнутом. Экипаж помчался в обратную сторону, оставляя позади подозрительное место. Вполне возможно, там и в самом деле свершилось преступление, но оно также могло быть обычным местом для охоты. Звук выстрелов растворился в огромных пространствах, отразился от высоких сосен и медленно стал затихать.

Часть первая

Экспозиция

Глава 1

Залитая солнечной позолотой опушка леса казалась безжизненной, тревожным ре-минором шумели старые сосны. Еще теплое сентябрьское солнце медленно поднималось и неспешно пряталось в облаке, рассыпавшемся мягкой хлопковой ватой на сером небе. Подгоняемые осенним ветром, рано утром убежали грозовые тучи, оставив после себя только сырую траву на поле. Та, что уже пожелтела, сверкала желтоватыми бриллиантами, а зеленая напоминала изумрудные россыпи – такие яркие, будто их вымазали анилиновой краской.

Идиллию нарушали лишь три человека, стоявшие около полицейской кареты, да два трупа, безмятежно лежавшие перед ними.

– Уваров, Владимир Алексеевич, надворный советник, – отрекомендовал себя следователь – довольно высокий, но сутулый господин в мундире. – Это дело, полагаю, буду вести я – и вы, профессор, должны понимать: ваши показания чрезвычайно важны. В первую очередь – для вас самого. Интересная, видите ли, картина получается: убийц вы не видели, убитых тоже, преступления не застали – однако ж явились в участок и привели нас – заметьте, безошибочно привели – к месту убийства. Очень интересная картина получается, не находите? Нет? Профессор?

Тот и ухом не повел: по всей видимости, он не слышал ни одного слова, а только туповато смотрел куда-то вдаль и едва слышно намурлыкивал себе под нос увертюру из «Фенеллы».

– Профессор? – еще раз спросил его следователь и легонько дернул свидетеля за рукав плотного пальто, которое больше подошло бы на раннюю зиму, чем на осень, даже самую холодную. А, между тем, осень 1895 года была для Петербурга довольно теплой.

Молодой человек, которого пока что почтительно называли профессором, напоминал собой знаменитого в свое время тенора Энрико Кальцолари – «завернутого в вату, и кушающего с ложечки манную кашку, подносимую нежной рукой супруги». Под зимним пальто профессора, который боялся всякого сквозняка, виднелся опоясывающий шею шерстяной шарф и утепленная жилетка, не считая всего остального. Он нервно дернулся, голова его так резко повернулась и так громко произнесла реплику, что даже опытный полицейский невольно отступил на шаг: «Да? У вас... ко мне вопросы?»

Не то, чтобы сыщик возмутился – скорее, опешил: что, в конце концов, этот субъект себе позволяет? Мало того, что он завалился рано утром в участок, ничего толком не объяснил – теперь, когда есть все основания считать его главным подозреваемым, еще и ничего не слушал. Он промедлил с ответом.

– Так чем обязан? – сделав секундную паузу, переспросил нагловатый профессор. – Если у вас есть вопросы, извольте – можете задавать.

Что греха таить? – в тот момент Уваров хотел в открытую сказать все, что думал на этот счет – а думал он о свидетеле в выражениях исключительно непечатных – но все-таки сдержался. Обычным ровным голосом, который подобает чиновнику среднего ранга, он сказал: «Вопросы есть и множество, господин профессор. Прежде всего, мне бы хотелось знать, как вы в такой ранний час тут оказались?»

В отличие от него господин профессор не счел нужным скрывать недовольство. Капризным – как у всякого тенора – голосом он обиженно проворчал: «Вам не доложили...». И хоть это было утверждением, а не вопросом, чиновник все же безмолвно ответил, слегка покачав головой. Означать это должно было «нет, не доложили – да и не такая ты птица, чтобы о тебе еще докладывать».

– Значит, не доложили, – по второму кругу начал заносчивый тенор.

– Нет, не доложили, профессор. Можете рассказать все сейчас?

Тот скроил презрительную мину, хмуро посмотрел по сторонам и, шумно вздохнув, как-то неожиданно даже для самого себя вытянулся в струну: «Нет. Не могу! Я уже все рассказал в участке. А я не попугай, знаете ли, чтобы по десять раз одно и то же говорить. И, к тому же, я спешу – если у вас нет других вопросов, тогда разрешите, что называется, откланяться».

Неприятнь к наглому типу быстро сменилась подозрением – и не без оснований. Что и говорить: первым обнаружил, первым заявил, алиби у него нет. К тому же характер вздорный... Проще простого: поспорил с этими убиенными, достал револьвер – хлоп-хлоп! – и готово. Потом сообразил, чем ему это грозит, прилетел в полицию и заявил о стрельбе, чтобы отвести от себя подозрение. Старый трюк...

Но Уваров, будучи профессионалом своего сыского дела, все же попытался дать ему еще один шанс все объяснить:

– Давайте, профессор, без всего вот этого. Вы же образованный человек – преподаете, должно быть. Вы не можете не понимать, что числитесь по этому делу главным подозреваемым. Так что же вы упорствуете, ответьте на пару...

Лицо ученого мужа вытянулось в прямоугольник, небольшие глаза вылезли из орбит и пару секунд смотрели на сыщика не моргая. Что и говорить: шансом своим профессор не воспользовался. Наоборот – он воспринял это как вызов.

– Я? Подозреваемый? – завопил он. – Это уже нестерпимо! Я на свой счет оплатил пролетку, приехал в полицию, первым сообщил о выстрелах, дал показания, привез вас к месту преступления – а теперь какой-то... Какой-то... – он открыл рот, чтобы набрать побольше воздуха в легкие и хорошо поставленным голосом произнести наиболее подходящее, однако все еще цензурное слово – но договорить ему не удалось.

Полицейский только и ждал, что свидетель сделает паузу для изливания очередной порции гнева. Пока тот опускал диафрагму и раздувал как кузнечные меха тренированные легкие, сыщик повернулся к помощнику и добродушно – не в первый раз все-таки – скомандовал: «Михал-Антоныч – доставь господина профессора до участка, в предварилровку. И запри нашего красавца пока что. Только ты поаккуратнее с ними – они ж интеллигенты, нежные. К уголовникам не сажай».

Новоиспеченный узник со свистом выпустил весь запас воздуха и пытался что-то возразить – но мало ли что лепечет в свое оправдание подозреваемый в двойном убийстве. Сделав какой-то издевательский реверанс, Михаил Антонович пригласил арестованного пройти в карету.

– Реверанс больше не используют, – машинально поправил профессор. – Ему на смену пришел книксен. Это во-первых. А во вторых, милостивый государь, это женский поклон...

Полицейский возразил на замечание тем, что достал наручники и защелкнул их на руках профессора. Тот, кажется, впервые за весь день сообразил, что даже такие невинные споры с властями чреватые не только закованными руками, но и общей камерой с карточными шулерами и убийцами – настоящими убийцами. Он вяло поплелся к пролетке и негодование свое выразил только глубоким вздохом.

– Минут за тридцать обернемся! – крикнул подчиненный. – Кого сюда везти, Владимир Алексеич? Фотографа, врача?

– Вези обоих! – ответил сыщик и, чуть помедлив, добавил. – И труповозку возьми. А то эти ангелочки так и останутся тут лежать. Я пока начну составлять протокол и изучу тут все. Давай, поторапливайся!

Пролетка неспешно развернулась и направилась в город. Надворный советник осторожно подошел к трупам, но ничего не стал трогать: постановлением самого высокого начальства требовалась фиксация места преступления на фотопластины. Сам Владимир Алексеевич расценивал это как знак недоверия – можно подумать, что опытный сыщик пропустит то, что какой-то парень с камерой найдет. Руководство считало иначе – и не без оснований.

Уваров же любой фотографии предпочитал протокол: он подложил под разлинованную бумагу сумку и вытащил эбонитовый «Уотерман». Новенькая авторучка – дорогая, с золотым пером – была подарком жены, причем поводом стал такой же выезд на природу. Вернувшись с синими руками, сыщик однажды услышал от жены «Гангрена! Срочно за врачом!»

Никакой гангрены, разумеется, не было: было обычное убийство в чистом поле, где ее благоверный заполнял протокол и случайно облился чернилами. На очередной праздник он получил от жены двадцатирублевый непроливаемый «Уотерман» – и был бесконечно счастлив.

Если убрать все лишнее, но сохранить свойственную протоколам лексику, при осмотре места преступления было написано примерно следующее: «в субботу, в четверть девятого утра 14 сентября 1895 года обнаружены двое убитых. Свидетель, сообщивший о преступлении и указавший место совершения оно, не стал давать показания. Он утверждал также, что не видел убийц и самого убийства – а потому препровожден в полицейский участок для дачи показаний, по результатам которых может быть арестован как основной подозреваемый. Свидетелем выступает профессор Санкт-Петербургской консерватории Николай Константинович Каменев, бывший солист Мариинского театра, 1862 года рождения.

Первый убитый – молодой человек, брюнет возрастом лет около 25. Его труп располагается примерно в десяти метрах от дороги, которая закрывается от места преступления узкой лесной полосой. Предварительно можно заключить, что смерть его наступила вследствие одиночного ранения в область сердца из огнестрельного оружия.

Второй убитый – также молодой человек с русым цветом волос примерно того же возраста, возможно несколько старше. Его труп лежит на расстоянии около восьми метров от первого и, соответственно, примерно в 18 метрах от дороги. Предположительная причина смерти – та же самая, что у первого: пулевая рана в груди, в области сердца. Последующая судебно-медицинская экспертиза должна подтвердить или опровергнуть предварительный вывод о том, что смерть обоих была мгновенной или наступила чрезвычайно быстро. Примятая трава около первого убитого позволяет предположить, что имела место непродолжительная агония.

Поза убитых позволяет также выдвинуть гипотезу, что они двигались на обозначенном расстоянии друг от друга от дороги в сторону поля. Убийства предположительно совершены неизвестными лицами, подошедшими с разных сторон.

Других возможных причин гибели при первичном осмотре не обнаружено. Учитывая, что оба убийства произошли в одном месте и в одно время, представляется очевидным, что между собой оные связаны. Не исключено также, что они совершены лицами, связанными преступной организацией воедино.

Единственное, что вызывает сомнения при первичном осмотре места преступления – наличие примятой травы и следы крови на удалении пяти метров от убитых. Труп предполагаемого третьего убитого на данный момент не обнаружен, поэтому из следственных мероприятий временно исключается за недоказанностью самого факта убийства...»

В тот момент, когда в протоколе была поставлена последняя точка, полицейская карета подъехала к участку, выгрузила там господина профессора и взяла на борт фотографа с новеньким «Гёрц-Аншутц» и медика. Карету для перевозки покойников, как сказали в участке, буквально пять минут назад забрал начальник городского сыскного отделения, который сам поехал на выезд. Что могло заставить грузного и неповоротливого статского советника Филимонова в такой час самолично поехать на труп? – не иначе как случилось что-то серьезное. Впрочем, дискуссию на этот счет не разводили: младшие чины начальство не обсуждали, а новых пассажиров больше заботило другое.

– И как, осмелюсь спросить, нам теперь этих убиенных ко мне в медицинскую везти? – без кареты... – нарушил тишину врач – старичок Иван Аронович.

– Да довезем, папаша! – ответил фотограф. – Накинем на них плащи – и в пролетку. Если что, скажем, что пьяных везем очухаться. Перебрали, теперь лыка не вяжут – они ж тихие...

Старик ничего не ответил и лишь укоризненно посмотрел на молодого фотографа. «Что этот парень понимает в покойниках? Думает, что если побывал на трех убийствах, пощелкал своим аппаратом, извел горку магния – так, значит, жизнь узнал? Ни разу на вскрытии не бывал – а о покойниках рассуждает, будто... Да ну его – может поумнеет еще».

Когда экипаж вернулся на место, там стояла труповозка, которую четверть часа назад увели из-под носа у Михаила Антоновича. Рядом стоял статский советник Филимонов – руководитель городского сыска, – а перед ним, вытянувшись в сутулу, но все же струну, докладывал об обстоятельствах дела Уваров.

– Это что, снова дуэль? Уже третья за последний месяц... Что им не удается стрелять друг в друга? Судов, можно подумать, не хватает.

– Никак нет, не похоже на дуэль.

– Жаль, списали бы на нее. Значит... Имена убитых известны? – пророкотал статский советник.

– Никак нет, ваше высоко... – зачастил Уваров. Филимонов прервал его:

– Полно! Полно через слово «высокородие» вставлять. Давай, переходи к делу, Володь. Чай, не первый год знаем друг друга. Без официальной мишуры: проверяли насчет документов, имена известны?

– Никак нет... – начал Уваров, но исправился. – Пока не проверяли – ждали фотографа. Сами понимаете, постановление – все обстоятельства сначала фиксировать на камеру, а только потом начинать осмотр. Подписано...

– Сам знаю, кем подписано...

О таком постановлении Филимонов помнил – подписывал его он. Более того, он был одним из инициаторов проекта по изучению иностранного опыта в криминалистике: выяснилось, что там ружья кирпичом не чистят, а места преступлений фотографируют. Приказ оказался отнюдь не бесполезным: много дел удалось раскрыть именно благодаря фиксации. Но вот теперь это было не очень к месту – несмотря на то, что фотосъемка посадила на скамью подсудимых не один десяток преступников, сейчас что-то заставляло статского советника быстрее перейти к проверке документов покойных.

– Володь, а можно съемку как-нибудь ускорить? Надо срочно выяснить личность жертв.

«Ничего себе! – пронеслось в голове сыщика. – Да он ли это? Человек дотошный и пунктуальный, он придирается ко всему – но не ко срокам. Любой его сотрудник слышал «Сколько вам времени надо, чтобы все сделать как надо?» Если давило начальство, подчиненные слышали другую фразу: «Делайте качественно, о сроках я договорюсь». И договаривался, и от начальства защищал – а тут вдруг несколько минут подождать не может.

– Колька! – окрикнул фотографа Уваров. – Тебе долго еще?

– В десять минут управлюсь – если меня никто не будет отвлекать... – начал занудничать тот. – А если будут, у меня из-за этого дрогнет рука. А запасных пластин у нас с собой нет...

– Понятно-понятно, – недовольно пробурчал сыщик и повернулся к Филимонову. – Десять минут нас не устроит? Да и что там такого срочного? Им торопиться уже некуда.

Статский советник ничего не ответил, а только взял сыщика за плечо и предложил немного пройтись.

– Ну раз уж есть десять минут, расскажу тебе одну историю, сегодня приключилась, – начал он. – Но пока трупы не опознаны, пожалуйста никому о ней...

– Обижаете, Антон Карлович, – отозвался сыщик. – Неужто когда...

– Да никогда, никогда – знаю. Просто если я ошибся, не хотелось бы панику разводить. В общем, сегодня утром – было часов шесть, может еще раньше – я, как обычно, сижу в кабинете, работаю.

– У вас снова бессонница?

– Снова... С нашей профессией здоровый сон – это что-то из разряда романов Хаггарда или Уэллса. Заходит слуга, докладывает: к вам посетитель, очень желают видеть... Я спрашиваю: кому я вдруг понадобился в такой час? Он протягивает карточку. Знаешь, у меня крепкие нервы, но тут сердце в пятки ушло.

– Никак кто из начальства?

– Начальство... Не приведи господи такого начальства. Собственной персоной Павел Андреевич Васильевский, не слышал?

– Не доводилось, Антон Карлович. Большая птица?

– Это, Володь, очень большой человек. Одно время он был на первых местах при дворе, потом что-то произошло – и теперь он просто очень видная фигура. Настолько видная, что неугодные ему генералы могут уехать куда-нибудь в Ташкент. О судьбе человека пониже, из старшего офицерского состава говорить излишне.

– Понял. Что ему понадобилось? Такие люди – да еще лично – в шесть утра просто так не поедут.

– У него пропал сын. Знаешь Дмитрия Павловича – его отпрыска?

Сыщик начал мысленно перебирать в голове свою картотеку – раз начальник Сысского спрашивает о ком-то, то, видимо, есть основания. Когда убийцы и грабители закончились, Владимир Алексеевич сдался.

– На память не жалуюсь, склероза у себя не припомню – но такой мне, кажется, не попадался. Дмитрий Павлович Васильевский... Либо что-то незначительное, либо не попадался.

– Странно, – искренне удивился шеф. – Очень странно: как раз ты его и должен знать. Дмитрий Павлович – беспокойный тип. Картежник, пьет много, во всяческих заведениях известного рода бывает – ну ты понимаешь, о каких заведениях идет речь.

Надворный советник не удержался и все-таки спросил, что речь, должно быть, идет не залах филармонии, а о публичных домах. Речь шла именно что о них; кроме того, на счету Дмитрия Павловича были приводы в полицию за дебоши, хулиганство, публичный цинизм и тому подобные инциденты.

– Соврал... – медленно протянул сыщик. – Соврал, Антон Карлович. Старую – была с месяц назад история: в бардаке на Мещанской случилась кража. Мы туда поехали – а среди посетителей Дмитрий Павлович собственной персоной с девицей Серовой. Девицей, опять-таки, известного рода – желтобилетницей.

– Узнаю, узнаю Дмитрия Павловича...

– Мы начали опрос свидетелей, показания по всей форме – а он безобразничал, пытался рукоприкладствовать. Его, естественно, взяли, довели до участка – и в камеру очухаться... На следующий день я с лихорадкой свалился, отлеживался дома – а его отец пришел разбираться в участок. Говорили, что шуму было немерено: там такой тип старого помещика, что со злости стальные прутья гнет...

Отец безобразника и гуляки в этот раз снова грешил на полицию: забрали, заточили! Держите взаперти невинного человека! Лишь бы посадить кого-нибудь, другой заботы нету!

– Говорю ему: спокойно, сейчас все выясним, – продолжил историю Филимонов. – Звоню по телефону в управление, спрашиваю: не было ли такого за сегодня? Нет, говорят, не было – еще не все сводки поступили, но в имеющихся не значится. Хорошо, говорю: если появится, позвоните мне домой. В любое время дня и ночи звоните. Я последнюю неделю с грудной жабой из дома работаю.

– И сердце прихватывает?

– Неважно. Я начинаю Павлу Андреевичу объяснять – а он ни в какую: у вас он, сидит, страдает, лишь бы только посадить... В прошлый раз вы забирали? Вы! – и теперь ваша работа!

На том отец благородного семейства и ушел. Странно, что он забеспокоился так рано: Дмитрий Павлович не был дома всего только вечер и ночь. И ладно бы не было повода думать, что наследник просто напился и сейчас спит где-нибудь в публичном доме – а тут ведь сколько угодно. По пальцам одной руки можно было пересчитать случаи, когда Дмитрий Павлович в том году возвращался домой до полуночи – а случаи, когда он возвращался трезвым, можно было не считать – по причине отсутствия таковых.

– Кстати, насчет филармонии ты не ошибся: он большой любитель музыки, собственную ложу в Мариинке имеет. Так вот: полчаса не проходит – снова докладывают о посетителе.

– Снова он же? Васильевский?

– В том-то и дело, что нет.

– О как! – только и выдавил Уваров. – И кто же?

– Профессор Званцев. Этого знаешь?

– С такой фамилией – из некриминальных – знаю только одного научного деятеля. Где-то при Академии служил в том году. Тогда у них случилась кража...

Он был прав: не было и нет в образованном обществе Петербурга человека, который не знал бы Петра Казимировича Званцева – председателя музейного комитета при Академии Наук, большого ученого, коллекционера и мецената.

– Это он, все верно. Простите, говорит, что я в неурочный час – мне, право же, очень совестно – но у меня пропал сын. Алексей. Вечером пошел в оперу – и до сих пор не вернулся. Не случилось ли, часом чего – или какая ошибка? Я ходил в участок – но там могут начать розыски только спустя двое суток. Не у вас ли он? – не будете ли столь любезны, если это не слишком затруднительно... Я

снова звоню – нет такого. Он опять начал извиняться – а я как-то непроизвольно спрашиваю: а в оперу один пошел или с кем-нибудь? А то мало ли – у друзей решил остаться?

Старичок подумал несколько секунд – и вспомнил, что действительно пошли они вдвоем вместе с Михаилом, братом Алексея – но тот тоже не вернулся. Пошли они в Мариинский театр, на «Гугенотов» с Мазини. Своей ложи не имеют, их пригласил Васильевский, Дмитрий Павлович.

– Вы, наверное, правы, говорит, – продолжил Филимонов. – Наверное у него и остались. Простите, что потревожил в такой час... Он ушел – а подозрения у меня нехорошие. Ты Алексея Званцева знаешь?

Уваров снова начал перебирать в голове картотеку. Званцевых он встречал. Первым в голову пришел Тихон Званцев – прошлогодний душегуб. Был Васька Званцев, который работал раньше на вокзалах якобы носильщиком – а теперь и в самом деле работает носильщиком – но только уже на рудниках. А вот Алексея в богатой памяти сыщика не было.

– Нет, Антон Карлович, не доводилось пересекаться.

– Если его нет среди убитых, то и не доведется, – предположил Филимонов. – Милейший человек – скромный, начитанный, плохого слова ни о ком не скажет. Патологически честный. Практически не пьет... Служит по ученой части в Университете. Совсем молод, однако уже титулярный советник. Полная противоположность Дмитрия Павловича – хотя они очень дружны.

Уваров как-то не решался задать этот вопрос, но любопытство все же взяло верх:

– Антон Карлович, мне даже неудобно спрашивать, но... как вы оказались тут? Никто же не знал...

– Да это моветон – подозревать начальство в убийстве... Да я пошутил, – рассмеялся Филимонов. – На самом деле никакой загадки: не выходит у меня это дело из головы, в четверть девятого звоню в управление – осведомиться, нет ли сведений об этих двоих. Говорят, что нет, ничего такого. Я только хочу трубку повесить – слышу: «Ваше высокородие, вы еще на связи?» Да, – отвечаю, – говорите. Только что сообщение с участка Уварова: говорят, есть подозрение на убийство, возможно даже двойное. А вы, ваше высокородие, о двух пропавших спрашивали. Вот, решили доложить. И я тут же к тебе.

Тем временем фотограф закончил со съемкой и крикнул: «Прошу, господа! Они в вашем распоряжении». Он хотел еще добавить, что фотографии будут к обеду, но статский советник, который успел отойти с сыщиком на порядочную дистанцию, рванул к месту так, как раньше, будучи городовым, бегал за карманниками. Не скажешь, что он почти не спал вот уже третьи сутки и уж точно не заподозришь грудную жабу. Очевидно, фотографии понадобятся быстрее.

Вслед за Филимоновым к покойным подбежал и Владимир Алексеевич.

– Посмотрите в карманах! – есть ли карточки или паспорта?

Уваров достал две карточки – по одной от каждого трупа, мельком взглянул на них... И молча передал их статскому советнику. Карточки показали, что пропавшие перешли в категорию покойных.

Доктор тем временем подтвердил, что оба мертвы и дал предварительное заключение. Судя по всему, оба были убиты совсем недавно, не раньше семи утра, а, скорее всего, даже несколько позже. Причиной смерти в обоих случаях выступило ранение в область сердца из огнестрельного оружия обычного калибра. Оба, судя по всему, умерли тут же, на месте – никаких шансов у них не было.

Филимонов снял пенсне и недовольно потер нос.

– Кладите в труповозку. Нам тут делать больше нечего, улики осмотрим в участке. Фотографии там же рассмотрим. Что-нибудь примечательное нашли?

Уваров хмуро покачал головой: ничего интересного, кроме странно примятой травы под мистическим третьим убитым и бутылки шампанского. Да и она, учитывая склонности покойного Дмитрия Павловича, не вызывала вопросов.

– Пустая?

– Нет, полная, – ответил надворный советник. – Какой-то «Вдове Кликуот Понсардин».

– «Вдова Клико», – поправил шеф.

– Это кто ж такая? – свидетель или подозреваемая?

– Это марка шампанского, французского. Странно, что она полная: зная пристрастия Дмитрия Павловича, подозрительно видеть ее в полной неприкосновенности и неоткупоренности.

Уже садясь в фиакр, Уваров откровенно сказал, что дело кажется ему простым и даже банальным – не стоило ездить. Двойное убийство на почве личной неприязни. Бах-бах – и вот, готовы. Теперь лежат в труповозке, а через четверть часа будут прохладиться на леднике в покойницкой.

– Логично излагаешь... Логично, Володь, но слишком просто, – с сомнением покачал головой Филимонов. – У кого такая личная неприязнь могла возникнуть, чтобы сразу двоих? Да еще в такой час? И в таком месте? Ладно, я понимаю еще неприязнь к Васильевскому – там поводов хоть отбавляй, сам без проблем мог напроситься. Но Лешка-то Званцев кому помешал?

Сыщик по привычке сначала подумал, что не любое преступление достойно пера Габорио и набирающего популярность Конан-Дойля – есть дела, где нет никаких тайн. Потом он вспомнил неприятного профессора и поморщился: «Ну, знаете, этот тип мог и убить. Мне кажется, он не в своем уме...»

– Какой тип? Тут кого-то застали?

– Да свидетель... То есть говорит, что он – свидетель. Мерзкий тип: прилетел в участок, кричит «давайте быстрее, там выстрелы, наверно убийство!» Вот приехали – и правда. А потом он начал дерзить... В общем, я его отправил в участок – пусть посидит, подостынет в предварилковке: вдруг на самом деле это его работа?

Филимонов одобрительно кивнул – приедем, а там разберемся, что за свидетель. «Трогай! – и побыстрее», – крикнул он.

Недавнее место преступления, где погибли как минимум двое молодых людей, снова стало обычной лесной опушкой. И часа не прошло, снова сюда зачастили грибники, которым мешали шумные компании, приехавшие на пикник. Вряд ли кто задумался, что огненно-рыжая шляпка подосиновика в корзине или тростинка в зубах выросли, быть может, на той жидкости, которая когда-то бежала в жилах человека, кипела от негодования, любила, радовалась и ненавидела – и которая называлась кровью.

Глава 2

Недовольно скрипнули ржавые петли на двери полицейского участка. Из него вырвался, словно отбив срок заключения, клубок папиросного дыма, высоко взлетел в небо и тут же растворился, исчез.

– Опять надымили, не продохнуть, – огрызнулся на дежурного Владимир Алексеевич. – Я сколько раз просил курить на улице? Ладно я... Или вот – Антон Карлович...

Дежурный, завидев самое высокое начальство, вытянулся по стойке «смирно» и принял вид еще более виноватый, чем прежде. Уваров продолжал отчитывать его:

– Ладно, не нас табачным дымом пугать, в конце концов. А если барышня какая придет? Она же у вас тут в обморок рухнет!

Дежурный стоял и молча кивал, как бы признавая правоту шефа. И правда: за густым смогом можно было различить только стойку у входа и очертания железной решетки, за которой нервным призраком ходила из стороны в сторону высокая фигура.

– Виноват, ваше высокоблагородие! – Это они накурили, – дежурный показал в сторону решетки, которая благодаря сквозняку понемногу становилась виднее, хотя и не сильно. – А арестантов никак нельзя выводить, правила-с... Однако же курить им совсем не воспрещается: напротив, в камерах к тому все удобства есть – спички, пепельницы.

Уваров понял, о ком идет речь – и, кажется, начал не только подозревать его – так по должности полагается, – но и недолюбливать этого вздорного типа.

– Ну что вы как дети малые, ей-богу... Ни на шаг в сторону от предписаний. Хоть окна открыли бы... – пробурчал он и пригласил начальника управления к себе в кабинет.

Там сыщик распорядился привести арестованного и принести чаю. Чай – а вместе с ним бутылочку коньяка, нарезанный лимончик и ореховый пряник – доставили быстро, в отличие от

заклученного. Тот всячески отказывался идти на допрос и вообще куда угодно, кроме свободы. К следователю он не собирался выходить, пока не приедет адвокат, пока не позовут прокурора и пока, наконец, не дадут позвонить жене – сообщить, что он задержится.

– Может статься, что задержитесь вы у нас лет на десять, господин хороший, – пошутил охранник. Профессор позеленел – то ли от страха, то ли от возмущения – и выпустил очередную клубу дыма: «Учись вы у меня на курсе, вы бы задержались там еще дольше».

Наконец стражу правопорядка, этому недремлющему Аргусу тюремной решетки надоело препираться, и он сделал ход конем – поистине, троянским конем: «Да что вам мешает сходить к следователю? Вы же можете ничего не говорить. Просто сидите, ждите адвоката... Вас же не на допрос ведут. Так, посмотреть...»

Профессор уже открыл рот, чтобы ответить «Ну пусть сами приходят, если не терпится на меня посмотреть», но охранник точно знал, что делает – и как бы промежду делом добавил: «Вы же не слон африканский в зоосаде, чтобы на вас из-за решетки глядеть». Самолюбие ученого мужа – а какой тенор не любит себя и свою верхнюю ноту? – не выдержало, и он добровольно вышел из камеры.

Дверь кабинета пропела совсем другой звук – мягкий и уютный, как теплая середина гобоя. По привычке чуть пригнувшись, профессор вошел в кабинет – и не успел ни выразить возмущения, ни потребовать адвоката – которого, говоря откровенно, так пока и не позвали, ни даже пожелать доброго дня – хотя этого он и не собирался делать. Но к удивлению Уварова, господин статский советник поднялся с кресла и протянул арестанту руку: «Николай Константинович! Какими судьбами ты к нам? Не случилось ли чего?»

– Случилось! Очень даже случилось! – залился канареечным тенорком профессор. – Я, Антон Карлович, насколько понимаю, числюсь под арестом.

– Опять? – утомленно бросил Филимонов. – И что же в этот раз? Николай, пора заканчивать в полицию попадать.

Из последовавшего монолога стало понятно, что тенор понятия не имеет, за что его арестовали и почему он оказался тут, если ни к чему не причастен.

– По какому он тут делу? – повернулся к Уварову шеф. – И где твой подозреваемый по этому то ли двойному, то ли тройному убийству?

– Собственно, вот он, – указал на профессора тот.

Он заметив недовольство шефа – и недовольство вполне оправданное: профессора консерватории, уважаемого человека, его ученика, в конце концов – и посадили в предварилку? Уваров за минуту рассказал всю историю, как знал ее со своей колокольни. Филимонов громко, больше для вида откашлялся и поправил пышные рыжие усы.

– Интересная история. Интересная – но, Николай, не очень-то хорошая для тебя. Не в твою пользу все пока оборачивается. Ну, рассказывай, что произошло, что ты делал?

Профессор начал с самого конца: «Преимущественно я сидел. Когда стоял – тоже сидел. И – поверите ли? – даже когда пытался скоротать время и пытался читать вашим сотрудникам лекцию по драматургии большой оперы, тоже сидел».

– Да не принимай ты это все близко к сердцу, – успокаивал его Антон Карлович, пытаюсь вывести на нормальное, связанное изложение. – Ну подумаешь тебя задержали: велика прямо беда. Да и с кем не случается? Студенты твои – и то наверняка у нас бывают: то шумят, то посуду бьют, а в Татьянин день-то – уж вообще промолчу. Ты же пойми! – ну какие выводы должен был сделать Владимир Алексеевич? Убийства не видел, а сообщил о нем...

– Пардон, я сообщил лишь о стрельбе! Кстати, сотрудники участка даже не стали меня слушать! Вообразите: я им рассказываю про Россини и Обера – а они зевают, хлопают дверьми...

– Непорядок, разберемся. Ну допустим, ты сообщил о стрельбе... Что из этого? Что меняется? Утро, лес – какой-нибудь охотник увидел птицу...

– Исключено: пауза между выстрелами слишком большая: пока готовился второй выстрел, все птицы бы улетели.

– Стрелял вдогонку? – предположил Уваров.

– Позвольте не согласиться, – повернулся к нему тенор. – Кто же с пистолетом на охоту ходит?

– Почему с пистолетом? Мы не говорили про пистолет.

– Николай, ты же ничего не видел? Густая лесополоса...

– Не видел – но я, извините, профессор музыки, а до того выступал на сцене. И мой тонкий музыкальный слух еще ни разу меня не подводил. Если угодно, я вам на слух всю «Африканку» воспроизведу, все четыре часа.

– Ну и что же с этого? – ухмыльнулся надворный советник.

– Выстрелы не ружейные. Звук у них другой.

– Экспертиза покажет... – хотел закончить тему Уваров и перейти наконец к самому началу.

– Да не надо никакой экспертизы! Я же говорю вам: не ружейные это выстрелы. А, впрочем, как хотите – можете проверять.

– Хорошо, хорошо... Насчет этого понятно, – согласился Филимонов. – А потом? Почему ты на вопросы Владимира Алексеевича отвечать отказался? Он у меня самый опытный человек, он такие дела десятками раскрывает, если не сотнями – а ты что?

– Ну я же все...

– Рассказал все... повторять неохота было? А ты по сколько раз одно и то же студентам в голову вбиваешь? Это ты у нас гений – с первого раза все соображаешь, но будь снисходителен к простым чинам полиции. Что бы ты подумал на нашем месте?

Профессор поводил глазами по потолку, как-то замялся и ответил, что не знает методов работы полиции. После этой фразы Филимонов тут же перевел ситуацию на понятный профессору язык.

– Вот что бы ты сделал, если на экзамене какой-нибудь студент вместо нормального ответа заявил: я все это на лекции слышал – и повторять второй раз не намерен.

– Поставил бы кол, разумеется, – не без оснований отчеканил тот.

– Ну, вот: считайте, что экзамен на месте преступления вы провалили, – подвел итог Уваров. – Как насчет пересдачи здесь?

– Я понял... С чего мне начать? – развел руками профессор, поняв свою ошибку.

– С самого начала: что вы делали утром, как оказались около места преступления?

– Все очень просто: мы с женой летом снимали дачу за городом. Недалеко, всего с полчаса езды. Вернулись оттуда на позапрошлых выходных: начинается учебный год, да и погода уже не летняя. Но когда приехали домой, я понял, что забыли несколько вещей: книги, партитуры, еще пара мелочей – но, главное, мою рукопись. Я сейчас пишу доклад для Академии по истории становления большой оперы – знаете, от «Фенеллы – *La muette di Portici*» 1828 года, через «Вильгельма Телля», поставленного годом позже...

– Мы поняли, профессор, что это очень важный доклад, – прервал его Уваров. – Так что с дачей?

– А что с дачей? Я в первую же свободную субботу – то есть сегодня – поехал их забирать. На прошлых выходных никак не получалось: начало года, вся кафедра шумит... Поэтому договорился с хозяйкой, что приеду около восьмью... Боже мой! – который час?

– Без четверти десять, – посмотрел на часы Уваров.

– Катастрофа... – поник профессор. – Она же все выкинет!

Николай Константинович заверили, что все с его бумагами будет хорошо и никакая – даже самая вредная – хозяйка не посмеет к ним притронуться. Ей позвонят и сообщат, что вещи без распоряжения полиции или квартиранта не трогать: тот задержался в городе из-за чрезвычайно важного дела.

– У нее ведь телефон есть?

– Да-да... 20–20. Сиповская Корделия Михайловна, – ни секунды не думая, выдал профессор. – И будьте столь любезны – позвоните жене, а то она, наверно, уже волнуется.

Филимонов похлопал его по плечу: «Николай – она давно привыкла, уверяю тебя. После того как ты заблудился в своей же консерватории, она ничему не удивляется».

Прежде чем дальше углубляться в подробности дела, нужно сказать пару слов о самом профессоре Каменеве, главном действующем лице и виновнике этой шумихи. Николай Константинович три года преподавал в столичной консерватории, где успел стать ординарным профессором: настоящей живой легендой он стал задолго до этого, когда лучшие театры мира становились в очередь, чтобы послушать, возможно, самый красивый тенор в мире. Знатки говорили, что голос его на порядок лучше, чем у легендарных Кальцоляри или Марио де Кандиа – и уж точно не уступает Мазини, этому архангелу, спустившемуся с небес.

Когда будущий профессор только поступал в консерваторию и впервые спел там совсем коротенькое «*Ascolta, o padre*» из «Бьянки и Фернандо» Беллини – там всего-то пара минут – со всеми фиоритурами и сверхвысокими нотами, старика-вахтера пришлось приводить в чувство и отпаивать коньяком. Тому почудилось, что он умер и снова слышит Рубини – того самого «единственного и несравненного Рубини», который приезжал на гастроли за сорок лет до того.

А потом случилась катастрофа: через семь лет после дебюта он заболел. Обычная простуда, плевое дело – но она перешла в воспаление легких, которое уже ударило по сердцу. Консилиум врачей не колебался ни секунды: никаких спектаклей, опера для организма – слишком высокая нагрузка. А вот отдельные номера, концерты, преподавание – это сколько угодно. «Пожизненная ссылка в профессоры» – мрачно шутил он тогда. Каменев по-прежнему пел в концертах, на благотворительных вечерах и для студентов, когда надо было показать правильный звук, но главным его делом теперь была педагогика. И вот уже три года Николай Константинович читал ученикам историю искусства, историю оперы, эстетику, занимался с ними всяческими упражнениями и прочими вещами музыкального свойства.

Когда сердце несколько окрепло, профессор хотел было вернуться на сцену, но в тот год как раз поставили «Тристана и Изольду» Вагнера – которого Каменев не переносил. «Или я – или Вагнер: нам двоим не место на одной сцене! Любовный дуэт не может длиться сорок минут, – кипятился он. – За это время влюбленные обсудят все – даже последние новости и погоду».

Выбор сделали в пользу Вагнера – и тенор торжественно пообещал, что на сцене Мариинского театра «ни одной ноты моей не будет до тех пор, пока там идут эти циклопические уродцы музыкальной драмы, этот невыговариваемый гезамткунстверк¹».

– Я вышел из дому в 7:27. Взял извозчика за номером 01–11 и отправился на дачу. Проходит четверть часа этой пытки, подъезжаем к опушке – выстрел...

– Почему пытки? Он что, плохо ехал? Или ям много?

– У него два колеса скрипят по правой стороне. Заднее на четверть тона выше. Совершенно отвратительно...

– Во сколько прозвучали выстрелы, вы не заметили? – уточнил Уваров.

– В 7:44 и в 7:45.

– Вы смотрели на часы?

– Да, специально посмотрел после первого звука. Но давайте на всякий случай сверим часы, – Каменев достал золотой хронометр с 16 бриллиантами, подарок Маргариты Савойской. – На моих теперь 10:02.

Оба сыщика подтвердили, взглянув на свои карманные часы, что так и есть.

– Итак, вы услышали выстрелы... – вернул его на путь истинный – то есть путь дачи показаний – Уваров.

– Не совсем: я услышал один выстрел и взглянул на часы. Потом, через два такта услышал еще один, второй выстрел.

– Что? Какие два такта? – не понял Владимир Алексеевич.

– Повозка ехала неспешно, поэтому, пожалуй, на четыре четверти, в темпе *moderato*...

– Николай!

– Пардон, я хотел сказать «секунд через шесть, может семь». По звуку выстрел был таким же, как и первый, а...

– Понятно, – звуком задумчивого и гнусавого фюгота прервал его статский советник. – Значит, задержка между выстрелами. Ну, в таких обстоятельствах практически нереально сказать, кто был убит первым, а кто – вторым. Насчет третьего, правда, еще есть сомнения... Да и был ли он вообще?

– Вообще-то...

Филимонов встал и протянул профессору массивную ладонь: «Спасибо, Николай, я думаю, на этом можно...» Уваров незаметно подал знак: «Можем выйти в коридор? Есть что обсудить».

– Ах, да... Я забыл, – Антон Карлович направился к двери. – Касательно хозяйки дачи, подожди нас пару минут. А лучше возьми пока перо, бумагу – нам бы не помешали твои письменные показания.

¹ Концепция Вагнера о едином произведении искусства

Сыщики вышли в коридор и направились к телефонному аппарату.

– Антон Карлович, мне кажется, рано исключать его из числа подозреваемых, – настаивал Уваров. – Надо опросить кучера, который его вез. Больно он точно излагает – и номер извозчика знает, и время запомнил...

– Опросим-опросим, не беспокойся. И говори вдвое тише, – ответил тот и снял трубку. – Барышня, будьте любезны: двадцать-двадцать. Благодарю вас! Корделия Михайловна? Доброе утро! Прошу извинить за ранний звонок, полиция беспокоит. Статский советник Филимонов Антон Карлович, начальник городского сыскного управления. Вы сегодня должны были встретиться с профессором Каменевым... Нет-нет, с ним все в порядке – мы его попросили задержаться в качестве консультанта, очень его помощь нужна. Убедительная просьба – он может к вам завтра приехать? Благодарю! Всего наилучшего!

Филимонов повесил трубку и повернулся к Уварову: «Как он запомнил время и номер? Володь, тебе о нем надо кое-что узнать. Он наш главный свидетель – и тебе много придется с ним общаться. Имей в виду: он поразительно неприспособленный к жизни человек. Страшно рассеянный. О том, как он пару лет назад был заместителем на кафедре и заполнял финансовые бумаги, до сих пор ходят анекдоты. Один только всемогущий Господь, наверное, знает, что он там понаписал – бухгалтерия до сих пор не разобралась с этим. Он легко задумывается на полуслове, бывает резким и своевольным – это ты и сам заметил. В общем, тебе достался очень хороший, но очень проблемный свидетель».

– То, что он проблемный – это я заметил, этого не отнять. А вот чем он хорош – этого пока не понимаю.

– Знаешь, дар не дается человеку бесплатно, за него всегда приходится как-то платить. И чем больше дарование, тем больше плата за него перед Всевышним, – негромко объяснил Филимонов. – Морфи – гениальный американец, знавший наизусть гражданский кодекс Луизианы, с успехом игравший вслепую на восьми досках против сильнейших шахматистов Европы – страдал психическим расстройством. Цукерторт, помнивший все свои партии, и едва не обыгравший на чемпионате Стейница, доверял только одному врачу – себе. В 45 лет – смерть от болезни сердца. Какую угодно область науки или искусства возьми – тебе встретятся чудачковатые таланты.

Я к чему: и скверный характер, и страшная рассеянность – как раз плата за то, что его память и слух легендарны, просто какого-то гомерического масштаба. И я не преувеличиваю. Если с пониманием отнестись к его причудам, не перечить во что бы то ни стало – он массу ценного тебе расскажет. Если он помнит звуки выстрелов – а он помнит – считай, что мы знаем орудия убийства.

Надворный советник непроизвольно рассмеялся – сначала беззвучно, словно давась воздухом, а потом не сдержался и после прорвавшегося короткого смешка залился во весь голос. Ему было стыдно, что он смеется над словами начальства – но так смешно, что прекратить он не мог.

Когда приступ веселья закончился, он вытер слезы и поднял глаза на Филимонова. Тому было не до смеха: «Что, что тебя так развеселило, Володь?»

– Оpoznать оружие по звуку выстрела? Он судьбу по линиям на ладони не предсказывает? – давась, спросил он и снова едва не свалился в истерический смех.

– Понимаю, звучит смешно. Но ты не представляешь, с профессионалом какого уровня мы столкнулись.

– Все мы как профессионалы вполне состоятельные, мне кажется, – откашлявшись, заметил Уваров.

– Не веришь, да? Не убедил? Тогда вот тебе два небольших примера про него – просто, чтобы понимать, с кем мы имеем дело. Лет двадцать назад я преподавал у него в гимназии. Услышал какие-то жуткие звуки из музыкального класса. Поднимаюсь: там толпа во главе с учителем за роялем, а Николай, совсем мальчишка еще, стоит к ним спиной. Что происходит? – спрашиваю; ваше высокоблагородие, вы посмотрите – это чудо какое-то!

– А что там было?

– Он ноты угадывал.

Уваров был явно разочарован:

– Антон Карлович, я в музыке не разбираюсь, но, насколько знаю, это вполне рядовое явление – абсолютный слух. Встречается не сказать, чтобы часто, но бывает. Моя жена, кстати, «абсолютница» – как она сама говорит.

– Так и я точно так же подумал. Абсолютный слух... Это не абсолютный – это на какие-то порядки острее. Ты прав: если бы они просто нажимали ноту, ничего выдающегося. Но они сразу вдвоем-втроем нажимали клавиш двадцать-тридцать – определяет с точностью до ноты. Усложняют: дают звук, а потом один палец убирают. Он по отзвуку говорит, какую клавишу отпустили.

– А вот это уже впечатляет... Вы в самом деле это вживую видели?

– Да, иначе не рассказывал бы. Он ни разу не ошибся. О его слухе ты теперь имеешь представление. Теперь второй пример – о памяти: он, кажется, не запоминает вообще ничего, если ему это неинтересно. Но если интересно – тут другая история. Тогда он превращается в какого-то Шампольона или Мирандолу – как губка впитывает в память информацию и хранит сколь угодно долго. У меня племянница училась в консерватории у него – и рассказывала, сама видела это... Это чудо – по другому не назовешь. То, что он читает лекции без конспектов, это нормально. То, что он легко вспомнит что угодно из сотен опер – это можно отнести на счет профессиональной памяти. Я думаю, ты сам легко вспомнишь детали из массы уголовных дел. Но то, что однажды произошло на экзамене... Это объяснить почти невозможно.

Поясню: он на экзаменах, судя по рассказам – тиран. Студентов и учеников не жалеет. Получить у него четверку с первого раза – это редкость. У меня племянница, чтобы получить пятерку, чуть ли не сутками сидела с книгами, читала, выписки какие-то делала.

– Поздравляю... – неуверенно пробормотал сыщик, не понимая, как это связано с делом.

– Она зашла в класс – а наш профессор издевается над троечником. Тот ничего не знает, а Николай сам рассказывает билет и периодически спрашивает «Так?» Троечник отвечает: «Так...» – и опять профессор вместо него отвечает по билету. Добрался до какого-то пункта и таким же ровным голосом: «Персдача, так?» – а тот машинально «Так».

Уваров пожал плечами: «Ну, в самодурстве ему не откажешь... Это и я заметил за время нашего знакомства. Нет бы сразу поставил два и выставил за двери».

«Да слушай дальше... Все засмеялись – а потом, как и ты, кстати – возмутились: зачем вы над студентами издеваетесь? Почему такие высокие требования предъявляете? Любой преподаватель ему бы поставил тройку. А иные, может, и «хорошо». Он в ответ: я и к себе такие предъявляю. Они: докажите! Он: хотите меня проэкзаменовать, проверить? «Да, кричат, – хотим!»

Он пару секунд подумал и говорит: пойдете в библиотеку. А библиотека у консерватории нашей – это тысячи томов, может десятки тысяч. Каких угодно – от восьмитомника с биографиями... как его, черта? – француз какой-то – и сборников лекций до какого-нибудь экземпляра, в средних веках отпечатанного, или авторской рукописи. И вот пришла вся эта толпа в библиотеку, Каменев говорит: прошу, задавайте вопрос. Любой.

Студенты посоветовались, открыли несколько томов разных, выписки какие-то сделали, пару раз подбросили монетку – чтобы выбор вопроса был случайным – и говорят: «Николай Константинович, мы готовы» – и называют какую-то фамилию. Там какой-то вообще третьесортный композитор, живший лет триста назад. На всю столицу найдется десяток человек, которые о нем просто слышали. А наш профессор эту биографию из книги чуть ли не наизусть...

– В его слух поверю, вопросов нет, – покачал головой надворный советник и, усиливая голос, возразил. – Но по поводу памяти – извините, Антон Карлович, не поверю: не может человек всю библиотеку знать, чтобы такие споры вести. Я понимаю еще, в общих чертах рассказать биографию – но дословно? Нет, быть такого...

Из кабинета послышался хрустящий звук расколовшегося фарфора, не до конца парламентские выражения – и через секунду из дверей выскочил Каменев: «Что значит 'не может быть'? Именно! – именно так все и происходило. Антон Карлович, великодушно извините, я, кажется, чернильницу опрокинул. Два года назад это было... Там на столе какие-то бумаги – их надо спасать? Да, и она сама к тому же вдребезги – я новую... На экзамене по истории музыки!»

– Третья чернильница за год... – прошипел Уваров...

– Нет, ничего серьезного, не волнуйся. Николай, это когда было? Два года назад, говоришь, у тебя племянница училась?

– Да, 24 мая был экзамен. А у Натальи, насколько помню, лирико-колоратурное сопрано от си малой октавы и вплоть до фа-диез третьей. Только переходные ноты большой секундой выше обычного. Она продолжает заниматься? – Филимонов проигнорировал вопрос: «Ты не помнишь, какой они тебе вопрос в библиотеке задали?»

– Разумеется, помню: они спросили, кто такой Гостена.

– И что же вы ответили? – не удержался Уваров. Фамилию он эту прежде не слышал, и хотя в музыке разбирался плохо, этот Гостена явно не был фигурой, равной Моцарту, Бетховену или Верди.

– Ответил, что Джованни Баттиста далла Гостена – это композитор, сочинявший мадригалы. Он родился в Генуе в середине 16 века, а сочинений от него нам остался как минимум один сборник четырехголосных мадригалов. Его издал ин-кватро Анге Гардане – венецианский издатель – в 1582 году. Есть сведения, что смерть композитора была не вполне естественной – но никаких доказательств на этот счет нет.

Филимонов довольно улыбнулся и несколько раз кивнул: я же говорил. Уваров уже с небольшой долей восхищения спросил: «Позвольте, но они же наверняка захотели проверить, откуда вы это знаете?»

– Разумеется. Я отметил, что им стоит обратить внимание на четвертый том Фетиса. Только, Антон Карлович, он был бельгийцем, а не французом. Это на 63-й странице, вторая колонка посередине. Странно, что у Размадзе в курсе лекций этого нет – Гостена был отнюдь не незначительным композитором в свое время. Спасибо, что подсказали мысль – я ему напишу в Москву, чтобы включил во второе издание.

Сыщики не успели сказать ни слова, а тенор уже исчез за дверью, намереваясь без промедления послать письмо Александру Соломоновичу.

– Как видишь, и с памятью и со слухом у него полный порядок. Вернемся к его свидетельству: кстати, я уверен, что он слушал наш разговор и параллельно еще писал показания, он умеет... – заметил Филимонов и шепотом сказал. – Давай говорить потише на всякий случай и отойдем подальше. Он сказал, что выехал из дому в 7:27, чтобы к восьми быть на даче – о чем заранее договорился. Теперь давай представим, как будут разворачиваться события, если он виновен: он подъезжает к месту убийства – и?.. Что дальше?

Владимир Алексеевич все понял. Никакой критики не выдерживает сценарий, что тенор случайно застал там двух человек, попросил кучера подождать, застрелил эту парочку, вернулся – и сказал «Трогай, голубчик! Вези в сыскное!» Абсурд, никакой критики не выдерживает.

Другая версия была не менее абсурдной: допустим, что наш подозреваемый и вправду хотел убить этих двоих – правда, совершенно непонятен его мотив. Получается, на извозчике он доехать не мог – иначе все сводится к первой версии. Но и пешком он пройти не мог: путь в одну сторону занял бы от дома не менее получаса. Получается, если он в 7:27 нанял извозчика около дома, то перед этим ему надо было потратить полчаса на дорогу до дома и еще сменить верхнюю одежду. На нем сейчас ни пылинки – пешком так не походишь. Следовательно, совершить убийство он должен был где-то без четверти семь. А это уже противоречит заключению доктора.

– Врач не мог ошибиться? – прокрутив в голове этот сценарий, спросил Филимонов.

– Иван Аронович? – почти возмущился Уваров. – Исключено. Можем дождаться официального экспертного заключения, можем так спросить – но я знаю, что он ответит – он всегда так отвечает: «Спрашивается вопрос, кто бы мне тут стал держать, если бы были ошибки? Я вам заявляю, что их таки нет».

– И еще момент: если мы опросим его жену, горничную и вахтера у дома, они сто процентов подтвердят, что в семь утра он еще спал. Тогда что это значит?

Владимир Алексеевич выдохнул, слегка кивая головой: «Ну... как что? – это значит, что наш профессор говорит правду – и его надо отпускать. Только... Антон Карлович – может мы для порядку хотя бы спросим – знает ли он убитых? Вдруг что интересное? А вот сладить с ним – это будет проблематично: я же его в предварилровку запер».

– Показания мы сейчас возьмем, это само собой. А вот то, что ты его посадил – да, тут проблема, – статский советник покрутил ус. – Давай-ка вот как сделаем: не будем говорить о выводах, к которым сейчас пришли. Пусть он пока считает себя подозреваемым, а не свидетелем.

Тогда он сам будет заинтересован идти на контакт. Это ему горькая пилюля – так что подсластим чуть-чуть: придумай ему какой-нибудь титул погромче для этого дела.

– В смысле – титул?

– Он же тенор! Любит знаки внимания, когда им восхищаются, когда ценят, обожают, превозносят. Дай ему за участие в концерте тысячу рублей – может отказаться, а если на афише его крупным шрифтом напечатают и регалии упомянут, то за сто согласится. Вот и придумай ему что-нибудь вроде «главный консультант Санкт-Петербургского полицейского департамента по музыкальной части».

– Антон Карлович, нас на смех поднимут за такое, с позволения сказать, «должностное лицо»...

– Володь, это лучше, чем если нас закопают за это дело. Ты помнишь, кто убитые? Дворяне, причем самого высокого ранга. И если Званцев мстить не будет, то Васильевский нас как белугу с хреном съест.

Они вернулись в кабинет, где Каменев снова оккупировал рабочий стол сыщика и перо. На пол из расколотой чернильницы продолжала капать жидкость. Тенор, отложив три исписанных страницы показаний и периодически окуная перо в синюю лужу, писал с чистого листа. Быстрый, тонкий и витиеватый почерк разлетелся по бумаге россыпью слов, над которыми стоял обращение и несколько первых строк «Дорогой Александр Соломонович! Совершенно внезапное обстоятельство напомнило мне о вашем прелестном курсе лекций, в которых волею случая не был упомянут итальянский сочинитель мадригалов Гостена. Позвольте мне предложить вам несколько фактов из его биографии, которые, возможно, пригодятся для второго издания...»

– Все хорошо, Николай Константинович, – начал попытку сближения Уваров. – Мы поговорили с дачной хозяйкой, она ничего не тронет. Можете заехать завтра.

Профессор расплылся в улыбке: «Благодарю! Очень вам признателен. Понимаете, восстановить в случае чего не проблема, но... – он замаялся, подумав, что проявил бестактность. – Но это масса времени, сил... Нервы, опять же – так что крайне признателен».

– По поводу этого дела, профессор. Смотрите, пока мы не можем перевести вас из подозреваемых в свидетели, просто недостаточно фактов: еще надо опросить свидетелей, зафиксировать все это... Но и в статусе подозреваемого вам, уважаемому человеку, быть нельзя. Можем записать вас в протоколе как «главного консультанта Санкт-Петербургского полицейского департамента по музыкальной части». Не возражаете?

Каменев не только не возражал, напротив – высказал готовность помогать и консультировать столько, сколько потребуется.

– Единственный вопрос, профессор. С вашего позволения... – продолжил Уваров.

– Конечно, чем могу.

– Вы знаете Званцева? Может, доводилось встречаться?

– Как же! – восторженно воскликнул Каменев. – Конечно знаю: правда, он не у меня, а у Льва Ивановича.

Оба сыщика переглянулись: какой еще Лев Иванович? Новый фигурант в деле? Есть ли у этого Льва Ивановича фамилия? Знаком ли он с Васильевским? И что этот таинственный Лев Иванович вообще делал со Званцевым? А вдруг это тот самый третий убитый, чей труп таинственным образом исчез.

– В смысле? – Филимонов объединил все эти вопросы в один.

– Ему Лев Иванович Джиральдони дает уроки, из Московской консерватории. Однажды он приезжал на концерт – такой, характерный баритон. Голос не сказать, чтобы очень красивый, зато мозги есть...

– Алексей Званцев?

– Нет, Николай...

Продолжать опрос было бессмысленно: профессор был верным рыцарем искусства и вряд ли знал что-то об этом мире кроме того, что в нем есть музыка.

– Супруге вашей мы звонить не стали – вы ведь сейчас же домой? – спросил статский советник. Каменев кивнул. – Сами и расскажете, что произошло – только пока что без подробностей, это тайна следствия. Договорились?

– Конечно-конечно, – зачастил профессор. – Я ни слова.

– Тогда до встречи, Николай Константинович. Надеюсь, вы нас порадуете на концерте?

– Непременно! Концерт в следующий четверг, обязательно приходите. У Габеля есть студент – Митя Бухтояров – мы с ним поем дуэт из «Роберта».

– Вагнера?.. – попытался быть учтивым Владимир Алексеевич: сокращенное название оперы «Роберт-Дьявол» он слышал впервые.

– Вагнер? Чтобы я пел Вагнера?! – вскочил тот. – Я тут послушал его «Тангейзера». Знаете, он действительно гений... Только гений может растянуть четыре темы в увертюре на пятнадцать минут. Четверть часа! А звучание? – Россини был прав: как будто поднос с посудой уронили. Темы попадают очень красивые, не поспоришь – но эта оркестровка? – это же неуважение к голосу как инструменту! Хрупкому и тонкому инструменту, на котором нельзя заново поменять струны!

Фон Карольсфельд – первый исполнитель Тристана – выдержал всего четыре представления, а потом отдал богу душу. Что там было – последствия ожирения? инфекция? – или колоссальная трата энергии во время спектаклей?

А лейтмотивы в позднем Вагнере! – какая прелесть, когда одно и то же по кругу, одно и то же звучит три с половиной часа! Чтобы я пел эту шарманку?.. Куда уж блистательному разнообразию Россини или Доницетти. Да, из любой мелодии Россини сделает арию, Мейербер – марш, Бах – фугу – а Вагнер из одной мелодии сделает два акта!

И что это за акты? – последние его опусы длятся по пять часов – и это сочиняет тот, кто большую французскую оперу того же Мейербера за тяжеловесность упрекает! Такое ощущение, что у него были поминутные гонорары. Впрочем, у этих опер и вправду есть прекрасное свойство. То, что происходит там за полчаса, можно описать буквально в двух словах: «почти ничего».

– Николай, ты не дослушал, должно быть, – Володя спрашивает, Вагнера, надеюсь, не будет?

– Ах, вы об этом? Я-то думал... Нет, не беспокойтесь, – тут же сменил гнев на милость тенор. – Только старая школа. Из певцов будут Фигнер, Михайлов. Может Баттистини приедет...

– Превосходно, мы будем, – кивнул Филимонов, лишь бы тот отстал. – Ну, ступайте, нам еще пару мелочей обсудить надо.

Вновь мягко скрипнули петли массивной двери, барабанным щелчком она закрылась. Получалась неприятная история: свидетель ничего не видел, никаких улик на месте, ни одной зацепки. Конечно, что-то появится позже, что-то расскажут родственники – но пока не с чего даже начинать.

Вдвойне печально было то, что жертвы – люди знатные: начальство поставит дело на особый контроль и будет требовать результата – быстрого и точного. А надежд пока что не было ни на то, ни на другое.

– Вот что, Володя, – начал выстраивать план действий статский советник. – Во-первых – при нем не употреблять фамилию «Вагнер». Это приказ. Не так много вещей есть на свете, которые Николай не переносит. Оперы Вагнера – одна из них.

– Почему?

– Неважно, долгая история.

– Понял, не буду.

– Вообще, не перечь ему. Попастся ему на язык очень просто, у него ядовитый ум. Остроты его разлетаются по столице моментально, и если попался ему, живым не выпустит. Ты с этим Вагнером только что получил разнос – но он далеко не всегда так многословен. Чаще это несколько слов, которыми просто убивает. Чтобы ты представлял: я с ним был на сочинении какого-то модного современного композитора. Отыграли сорок минут первого отделения, объявили антракт. Около Николая как всегда собралась толпа, к нему подходит автор, спрашивает: ну как вам? Тот в ответ: а музыка будет только во втором отделении?

– Ну он зараза, Антон Карлович...

– Не спорю, зараза... Но – и это во-вторых, за делом точно будут следить большие шишки, это как пить дать. Но о том, что произошло, пока не знает никто, кроме нас и него. Нам это на руку. Поэтому главная задача: надо раскопать как можно больше, пока все пребывают в блаженном неведении. Потом будут зажимать и поторапливать, давать минимум времени. А пока что у нас есть день. Может быть – полтора. Отправь своих людей проверить извозчиков – все-таки покойные вряд ли сами дошли туда пешком. Наверняка заметил, что у покойных обувь чистая? А я пока у наших тайных агентов узнаю, бывали ли они вместе в последнее время – Лешка Званцев и

Васильевский. Если бывали – где, когда, с кем. С агентами поговорю сам, чтобы без утечек. Но это потом – пока что в морг. Узнаем, что Иван Аронович...

В дверь тихо постучали и, не ожидая ответа, в кабинет вернулся профессор Каменев.

– Простите, что беспокою еще раз, господа... Просто я когда рассказывал, меня прервали. Может, что и правильно, ничего такого. Может быть, что это совсем неважно – но... вам нужно рассказать про третий выстрел?

Глава 3

– Значит третий выстрел все-таки был? – после долгой паузы Уваров, вспомнив помятую траву и следы крови на ней, смог ответить только это. – Почему вы сразу не сказали?

– Я собирался. Когда я говорил о втором выстреле, я хотел... а потом меня прервали.

– Так что же вы... Почему потом не рассказали?

– Как же не рассказал? – вот, только что...

Антон Карлович, сидевший за рабочим столом сыщика, негромко хлопнул по нему рукой. Пора было прекращать совершенно бесцельный спор: какая теперь уже разница, тогда бы он рассказал или сделает это сейчас? Важно просто узнать об этом странном обстоятельстве как можно больше.

– Николай, давай по порядку, – прервал спорящих Филимонов. – Первый выстрел прозвучал в 7:44, так?

– Верно, – закивал тот.

– А второй прозвучал спустя шесть-семь секунд – на часах было уже 7:45, так?

– Нет, не так, – ответил профессор. – Не совсем так. Второй выстрел действительно прозвучал спустя два такта – но на часах было еще 7:44. А вот третий был примерно через пять секунд после второго, тогда на часах было уже без четверти.

Все замолчали: сыщики пытались понять, как третий выстрел укладывается в картину преступления, а профессор словно бы обдумывал что-то, что не сходилось у него в голове. Мутные, словно смотрящие куда-то внутрь глаза он обратил на стену, руки машинально наигрывали на дубовом столе какую-то мелодию.

– Тот выстрел был странным, – нарушил тишину кабинета профессор. – А, может быть, предыдущие были странными? Видите ли... Не знаю, как это объяснить.

– Объясните как можете, – предложил Уваров и начал аккуратно льстить. – Вы ведь музыкант с мировым именем – так кто, как не вы, сможет наиболее точно рассказать о звуке? Антон Карлович, вы ведь потом переведете?

Пояснение Каменева сводилось к следующему: представьте себе, что вы играете на каком-нибудь инструменте. Скажем, десять лет вы играли на своем домашнем рояле «Шиллер-Бек». И тут – например, в гостях – вас просят сыграть какую-нибудь вещь, которую вы сто раз уже играли у себя дома. Вы начинаете – и просто по самому звуку понимаете: не просто другой рояль – другая фирма. Даже если настроить инструмент один в один – все равно: и дерево другое, и лак другой, и дека другая – все это слышно.

– Так вот, – подвел итог Николай Константинович. – Я об заклад бьюсь, что третий выстрел совершили из другого оружия. Первые два очень своеобразны по звучанию – такая маленькая пушка как будто бы. Третий – он несколько глуховат был, но зато громче и как будто бы ближе. Я еще засомневался – может он вообще не относится к делу? Мало ли: вдруг у какого охотника и в самом деле патроны к ружью кончились?

Но от дороги опушку отделяла лесная полоска, и свидетель ничего не видел. А идти смотреть, в кого там стреляли – довольно сомнительное предприятие, особенно если у тебя нет оружия. Филимонов понимающе кивнул: «Это верно: там, где убили двоих, и третьего бы не пожалели – или уже четвертого?»

– Похоже, что обстоятельства серьезно изменились, – заметил Уваров. – Нам как минимум есть с чего начать. Извините, профессор, – повернулся он к Каменеву, – но вам придется задержаться. Вы наша основная надежда.

– Ничего, я всегда готов помочь полиции, – нервно проговорил Каменев, ожидая нового ареста. Почему ему было знать – может быть вся надежда сыщиков сводилась к тому, что он и есть убийца?

– Как главный консультант по музыкальной части – сможете опознать выстрелы по звуку? – все еще не питая особой надежды, спросил Владимир Алексеевич. – Помните их?

«Обижаете... – огорченно ответил тенор. – Все-таки профессор музыки, должен различать звуки. Да и на память не жалуюсь. Единственная просьба: разрешите я воспользуюсь вашим телефонным аппаратом – видимо, я все-таки задержусь у вас. Надо предупредить жену».

Они вышли втроем в коридор, Каменев снял трубку и попросил соединить с 25–09. Барышня на коммутаторе в две секунды нашла нужный разъем, прошло еще секунд десять – и, наконец, в трубке послышался матовый голос меццо-сопрано.

«Варя, это я, – начал он. – Я так и не попал на дачу... Что значит 'предсказуемо'? Я почти доехал... Звоню из полиции. Нет-нет-нет, я никого не убивал, не грабил и не терялся. Тут случилось одно обстоятельство, пока нельзя разглашать подробности... Ну если только в двух словах сказать: я выступаю как консультант. Да, представь себе – главный консультант Санкт-Петербургского управления полиции по музыкальной части. – Он повернулся в сторону сыщиков, лицо его сияло; те в унисон довольно кивнули. – Да ничего серьезного, двойное убийство в лесу, как раз по дороге на дачу... К ужину? Да, вероятно успею. И напомни, пожалуйста, чтобы я завтра все-таки доехал до дачной хозяйки. Надеюсь, в воскресенье по дороге убийств не будет. Хорошо, до вечера».

Уваров качал головой, закатив глаза к небу. Кажется, прозвучало безмолвное «Вот идиот...» Филимонов опустил голову и прикрыл лицо массивной ладонью.

– Благодарю, я в вашем распоряжении! – чирикнул Каменев, отойдя от телефона.

– Так... Для начала мне тоже надо позвонить, – сдерживаясь, начал статский советник. Он попросил соединить все с тем же номером. – Варвара Георгиевна, доброе утро. Филимонов беспокоит – да, Антон Карлович, он самый. Благодарю, здоров... Как вы? Рад слышать... Тут ваш супруг обмолвился насчет преступления – я на всякий случай предупредить: об этом пока нельзя упоминать в разговорах. Понимаете, тайна следствия... Да, благодарю вас за понимание. А что Николай? – он и не такие трюки выделывает. Привезем – конечно, привезем, как только закончим.

В связи с появлением в деле третьего выстрела план действий поменялся: Филимонов с трех часов дня запланировал встречу с агентурой, которая вхожа была практически куда угодно. Уварову надо было проинструктировать сотрудников, чтобы те опросили извозчиков: видели или не видели, подвозили кого то-то или нет – и если да, то куда. Надворный советник выпросил на все про все четверть часа и убежал инструктировать подчиненных; статский советник в это время приказал взять со склада улик все огнестрельное оружие за последний год. После морга все втроем они собрались опять ехать на ту же опушку – поставить следственный эксперимент, когда новоиспеченный главный консультант должен был по слуху определить орудия преступления.

Когда вернулся Уваров, Антон Карлович на всякий случай спросил тенора: «Ты нас здесь подождешь – или с нами в морг?»

– Я с вами, – несколько посеревав, проговорил тот. – Все-таки, раз уж я консультант – я должен знать все? Даже это, полагаю...

Обшитая сталью дверь покойницей издала звук холодный и колючий, как некоторые ноты кларнета. Судебный медик Иван Аронович сидел за письменным столом, заканчивал писать протокол осмотра двух убитых и неприятным гнусавым голосом – хотя довольно чисто – напевал «Подружки мои, приходите – я буду лежать на столе...» Как раз позади него на столах расположились трупы.

– Особенно порадовать нечем, – посмотрел из-под толстых очков доктор, которому быстро рассказали несколько деталей. – Как и предполагалось, причина смерти обоих – пулевое ранение в область сердца. Стреляли, скорее всего, из револьвера. Скончались сразу же.

– Не совсем – один из них успел побиться в судорогах.

– Странно, весьма странно. При таком ранении я бы им и секунды не дал. Но возможно всякое, шанс один на сотню готов допустить. Впрочем, это вам устанавливать, я продолжу о своем. Пуль в груди нет: очевидно, из-за близкой дистанции прошли насквозь. Следов алкоголя нет или очень незначительны. На правой руке есть свежий след от выстрела...

– Пойдите, доктор, – прервал его Уваров. – Какой след от выстрела? Рука так близко была к стволу револьвера, что туда попали следы пороха?

– Нет, определенно нет, – уверенно сказал доктор. – Выстрел был, конечно, с близкой дистанции – метров семь, может восемь – но даже если убийца с убитым протянули друг к другу руки, этого бы не хватило. И потом: мы не можем пока находить какие-то мельчайшие следы порохового газа. По крайней мере мне не доводилось видеть таких исследований. А тут без лупы видно: небольшие частицы неразорвавшегося пороха. Первый раз с таким сталкиваюсь...

Тут голос подал новоиспеченный консультант, который все это время с ужасом и любопытством осматривал покойных.

– Простите, доктор – у меня три вопроса...

Иван Аронович узнал в посетителе человека, которого час назад препроводили в камеру предварительного заключения, и вопросительно посмотрел на Уварова: «Можно? – ему-то? Бывшему задержанному?» Уваров слегка кивнул головой и незаметно улыбнулся: «Можно, это свой». Доктор повернулся обратно к Каменеву: «Прошу вас, чем смогу...»

– Видите ли... Я не знаком со спецификой работы полиции и уж тем более медицинской экспертизы – поэтому мои вопросы могут быть дилетантскими. Но я все же рискну. Мне показалось? – или действительно их раны несколько странные?

Доктор заметно оживился: он хотел придержать эту новость для конца разговора – для пущего эффекту, но теперь пришлось выкладывать в середине. Возможно, что он ожидал этого вопроса от сыщиков, а не от совершенно постороннего человека, первый раз пришедшего в покойницкую. Потому он и не отказал себе в удовольствии проверить внимательность тенора:

– А что такого странного вы заметили?

– Понимаете, у них ранения разные... Тут прямо-таки получается инверсия, обращение: тема та же самая, интервалы те же – а ноты другие. Вы разбираетесь в музыке?

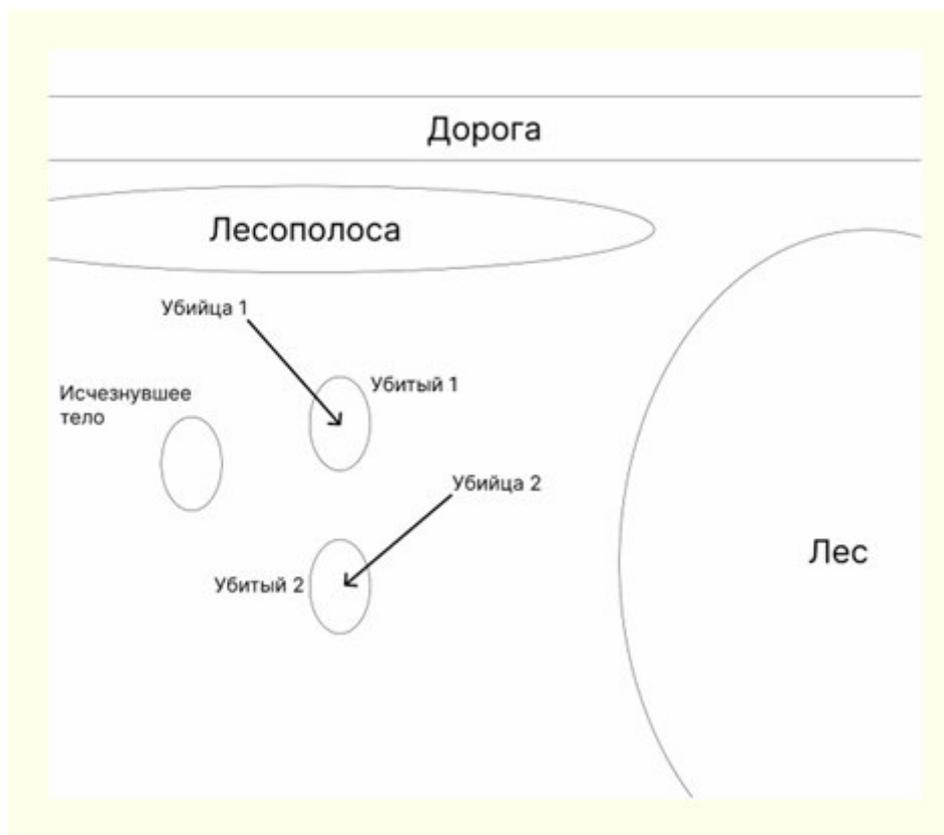
Доктор снисходительно посмотрел на него и ответил так, как сделал бы это раньше – когда еще жил на Новой улице в Одессе, которую буквально через два месяца переименуют в Маразлиевскую: «Молодой человек! Вы посмотрите на меня внимательно – и рискните сказать, что я не знаю скрипки!»

– Так-так-так... Так что вы обнаружили? – продолжил, заинтересованно глядя на него, Иван Аронович. – И какую инверсию вы увидели тут?

– Вот этот, брюнет, – он лежал справа относительно нашей кареты. Который с русыми волосами – слева. У обоих ранение в грудь – только у первого оно идет слева направо, а у второго – справа налево. Это значит, либо одному стреляли в спину, либо – если оба входных отверстия у ранений были в грудь – с разных сторон?

Доктор засиял от счастья и вдохновенно выдал: «Да, молодой человек! Вы правильно заметили – вы очень внимательны. Им не стреляли в спину, стреляли в грудь».

Таким образом, картина преступления должна выглядеть следующим образом: убитые следуют друг за другом с поля в сторону лесополосы. И тут первый убийца из этой самой узкой полоски леса, стреляет в ближайшего к нему. Второй убийца, вышедший, должно быть, со стороны дороги, стреляет во второго. Таким образом, первый убитый – это Алексей Званцев – получает от первого убийцы пулю слева направо, а Дмитрий Василевский – зеркально, справа налево – от второго.

– Из сего со всей очевидностью, господа, следует также и то, что в нашем деле не могло быть одного убийцы, – заключил доктор. – Вы сообщили, что все выстрелы были произведены в течение менее чем пятнадцати секунд – но посмотрите на схему. Может ли один человек с той позиции, где он стреляет в первого убитого, за это время переместиться на вторую точку, откуда убивает второго? Нет, это решительно невозможно – как невозможно и обратное.

Ответить сыщикам было нечего, они промолчали. Профессор задал второй вопрос, который должен был прояснить ситуацию с третьим выстрелом: «Когда на руке должны были появиться пороховые следы, чтобы они не успели исчезнуть?»

– Хороший вопрос... – задумался доктор.

Вопрос был хирургически точным: правильный ответ позволил бы получить тенору непробиваемое алиби. Если такие следы легко смывались грозовым ливнем, профессор был вне подозрений – его показания о времени убийства становились бы проверяемыми и подтверждались бы еще и заключением врача. Впрочем, сам тенор вряд ли об этом задумывался.

– Я бы сказал, что... – начал Иван Аронович и хотел обратиться к Каменеву по имени и отчеству, которых не знал. – Простите, как вас величать? Мне кажется, я все-таки вас где-то видел до сегодняшнего дня. И голос очень знакомый...

– Каменев Николай Константинович, ординарный профессор нашей консерватории, – хотел он отрекомендовать себя, но не успел закончить и половины фразы.

– Боже ж мой! – Это же вы пели с Женечкой Нравиной, когда в «Роберте» она была Изабеллой? – вскинул руки доктор и полный гордости отметил. – Вы знаете, она-таки моя дальняя родственница... Ой, какой вы тогда выдали до-диез в третьем акте! Слушайте, такого до-диеза я не слышал даже у Тамберлика!

Нельзя сказать, что Николай Константинович отличался скромностью хоть в какой-то степени. Напротив, славу и почести он любил, но всегда делал вид, что его они не прельщают. Только иногда как бы промежду делом он отмечал «У вас, коллега, сегодня успех невероятный – почти как у меня был в Театре Реал». Но чтобы его сравнивали по силе голоса с Тамберликом и даже ставили выше? – это явно перебор.

– Ну вы преувеличиваете, Иван Аронович... Я его слышал – мой до-диез по силе звучания даже рядом не стоял...

– Где же вы его могли слышать? Вы же совсем молодой человек! А он приезжал к нам в последний раз... Ой, когда же это было?

– С до-диезом – в шестьдесят третьем, – дал как всегда точную справку профессор. – Но вы правы – я тогда практически только родился. Зато двадцатилетним мальчишкой специально ездил в Испанию – слушать Гайарре, который, увы, недавно скончался. И вот, идя из Театра Реал, я случайно увидел афишу: прощальное турне дает сам легендарный Тамберлик. Знаете, когда он запел, я не понял, почему все им так восхищаются. Конечно, я тогда не понимал, что в шестьдесят два года петь – это не то же самое, что в тридцать: и середина качается, и нижний регистр подводит. Верха сохранились, но уже какие-то скрипучие.

– Он и в шестьдесят третьем был уже не тот, честно говоря, – грустно заметил доктор. – Вот в пятьдесят седьмом – я был совсем молодой – я его слышал... Жаль, что вы получили о нем такое представление. Поверьте – это был выдающийся певец!

– Я убежден, что это был великий певец – и был живым свидетелем. Представьте, дают последний номер – это была ария из «Вильгельма Телля», из четвертого акта – и тут он открывает все свои клапаны, и весь театр заполняется серебристым звуком: оглушающим и великолепным. Вот это было грудное до! Ни до, ни после я такого не слышал – даже у Преображенского. А в восемьдесят четвертом он снова приезжал к нам – с верхним «си». Успех был огромный...

Доктор вскинул руки к голове, планируя сказать что-то вроде «Ну не скромничайте – вы же не хуже моего знаете...», но Филимонов решил прервать этот спор музыканта с тонким ценителем: «Так что же по поводу пороха?»

Иван Аронович улыбнулся и развел руками так, как будто он пытался что-то продать с очень большой наценкой на Привозе – и очень убедительно говорил, что это непременно надо брать: «Ладно-ладно, вы не хотите про музыку – поговорим про трупы».

Заключение доктора было таким: буквально любой дождь, кроме самого мелкого, очень быстро смыл бы такие частицы пороха. К тому моменту, когда трупы были обнаружены, дождь уже прекратился: следовательно, алиби в очередной раз подтверждается со стопроцентной вероятностью, а время убийства установлено с точностью до минуты – показания становятся подтвержденными.

– Ясно, – протянул тенор, снимая очки. – Вы меня успокоили, доктор. Чрезвычайно вам признателен.

– Какой у вас третий вопрос? – напомнил Иван Аронович.

– Третий вопрос... А у меня был третий? Ах да! – конечно! Скажите, доктор – у кого из убитых на руке был порох? Кто из них, получается, стрелял?

– Как кто? – переспросил тот. – Я разве не говорил? Оба.

Глава 4

– Как это понимать? – еще не истерически смеясь, но улыбаясь как-то не очень весело, выдавил Уваров. – Что это значит, как это вообще возможно?

– Вы уверены, что это не дуэль? – переспросил доктор. – Очень ведь похоже, хотя капсюльное оружие не дает нагара.

– Похоже-то похоже... Но откуда бы тогда взяться исчезнувшему третьему телу? Это же не дуэль миньонов...

– Подождите, все ли мы правильно поняли? Получается, кто-то должен был убить этих двоих и затем сделать непонятно за какой надобностью третий выстрел? – начал рассуждать вслух начальник Сысского управления. – Нет, стоп – опять не сходится: порох на руках у них, значит стреляли они. Но если в них стреляли с разных сторон, тогда нужен еще и четвертый выстрел! Вы что-нибудь понимаете?

– Нет, Антон Карлович, не понимаю, – откровенно признался Уваров.

– Вот и я, Володь, не понимаю. А ты, Николай?

Тот подошел к покойным, еще раз посмотрел на раны. «Нет, господа – я тоже пока ничего не понимаю, – ответил он и, чуть помедлив, почти машинально произнес: пока ничего не понимаю». Очевидно, убийцей тут был совершен какой-то трюк в стиле Гудини: невозможно произвести тремя выстрелами четыре манипуляции – и получить два трупа. Но, тем не менее, они налицо.

– А четвертого выстрела не было? – спросил Филимонов.

– Нет, – ответил тенор. – Как минимум в течение следующей минуты не было.

– Тогда, может быть, первый убитый застрелил второго... Нет, не так: первый застрелил третьего – который исчез, второй – первого... Стоп, а кто тогда второго убил? – строил догадки надворный советник. – А, может быть, тело третьего потому и исчезло, что его ранили, но не убили? Тогда получается так: первый ранил третьего (теперь на руке есть нагар), второй убил первого (теперь и у него тоже) – а дальше раненый третий убивает второго и сбегает. Все логично! – торжествующе закончил он.

Первое же, что увидел Уваров после этого – лицо профессора, выражавшее совершенное удивление быстрой работой мозга при переборе вариантов. «Знай наших, – подумал сыщик. – Не гении, конечно, но тоже соображаем».

Иван Аронович в свою очередь покачал головой и протянул надворному советнику начерченную схему.

– Это была бы интересная версия, Владимир Алексеевич. Но в ней есть, как вы можете видеть, неустранимый порок. Извольте видеть: ни в одного из убитых нельзя попасть под нужным углом, если расположиться на месте исчезнувшего тела – это во-первых. И, во-вторых, ни один из убитых не мог под нужным углом выстрелить в противника.

Кроме того, есть еще одно препятствие – нагар. Понимаете, в чем проблема: представим на секунду, что один из них, – доктор показал на труп, – застрелил другого. В результате он каким-то чудом получил на руке следы пороха. Но смертельная рана произведена из обычного современного оружия, которое не дает таких следов.

– Скажите, доктор, – пораженный неожиданным открытием, схватил руку убитого и выпалил Уваров. – А может быть так, что отдельно подожгли порох – и несгоревшие частицы нанесли на руки убитым?

Доктор колебался несколько секунд, но в итоге подтвердил, что такое возможно. Если бы существовали методы более глубокого анализа, можно было бы сказать, стреляли они сами или нет. Но таких методов в распоряжении Ивана Ароновича, увы, не было.

– А какое оружие может дать такой нагар?

– Не знаю, – ответил врач. – Какой-нибудь мушкет или аркебуза... Там, где порох загорается вблизи руки.

– Ну вы скажете, доктор... – буркнул Филимонов. – Это какой век? Пятнадцатый? Шестнадцатый? Ну не царь Горох же их застрелил!

– Послушайте сюда, молодой человек! – ответил врач. – Такое оружие до первой трети нашего века все-таки применялись. Тогда капсюлей еще не было.

– Какие-то раритетные, хотите сказать? Коллекционные?

– Возможно... А сейчас, как видите, стандартный патрон с металлической гильзой используется, – он достал из ящика маленький цилиндр и поставил на стол. – Вот такой вот пулей их, судя по всему, и застрелили.

– Из одного оружия стреляли или из нескольких?

– Не могу сказать уверенно. Калибр, судя по ранам, одинаковый – 7,62 мм. Учитывая расположение тел, я бы предположил, что выстрелы произвели из двух разных пистолетов одной марки.

– Именно пистолетов?

– Я сомневаюсь, чтобы кто-то стрелял в них из «берданки». По крайней мере, на расстоянии в десять метров в этом нет нужды.

– А что показал осмотр одежды? – спросил Филимонов.

Доктор пожал плечами: ничего не показал, его еще не проводили, дожидались вас. Вчетвером они подошли к отдельному столу, на котором лежали одежда и вещи убитых.

Уваров кинул взгляд на два плаща, висевшие на гвозде, продырявленные фраки и жилетки, карманные часы, обувь, в которой только театры посещать и с сомнением буркнул себе под нос: у них точно следов алкоголя нет? Что они могли делать в лесу за городом в такой одежде? В такой одежде ходят во дворец или, на худой конец, в оперу.

– И, тем не менее, они были именно в этой одежде, – прозвенел высокий тенор.

– Да я помню, что их нашли как раз в этом, но... Черт возьми, как и зачем они явились в лес в такой...

– Володя, вернемся в участок – распорядись опросить извозчиков, – секунду подумав, сказал статский советник. Он, видимо, позабыл, что это уже сделано. – Вряд ли они пешком пришли: утром гроза была, все дороги в грязи, а у них на ботинках – ни пятнышка. Вы их не отмывали?

– Как можно? – удивился доктор. – В каком виде привезли, в таком находятся.

Уваров немедленно начал выстраивать гипотезу: они побывали вдвоем на какой-то пирушке. Где-то под утро все разошлись – а наши герои взяли бутылку шампанского, нашли извозчика и поехали продолжать на природу. Приехали, только расположились – их укокошили. Извозчик быстро сбежал, чтобы не отправиться на тот свет за компанию, а грабители забрали все, что смогли.

– Похоже на правду? – развел он руками.

– Не очень, – задумчиво начал Филимонов. – Если они пировали, должны были и выпить. Следов алкоголя нет. Это во-первых. А во-вторых: ты говоришь, грабители забрали все, что смогли – а часы? Карманные часы, две штуки – это не мелочь, – увлекшись, он схватил Уварова за руку и потащил к столу. Тенор засеменил за ними. – Гляди, у Званцева – это «Павел Буре», извини меня. Несколько сотен стоят. А у Васильевского в кармане лежали несколько тысяч – «Брегет». Сомнительно, весьма сомнительно...

Владимир Алексеевич попытался спорить в том ключе, что дорогие часы – вещь штучная и запоминающаяся. Попробуй грабители ее продать, на них было бы очень просто выйти.

– Николай Константинович, представьте себе, что вас... ограбили, – спросил Уваров, а тенор невольно поморщился. – Вот украли у вас эти прекрасные часы – их быстро найдут?

– Моментально, – ответил он и вернулся к осмотру вещей. – Они с дарственной надписью... Да любая собака в городе вам скажет, что эти часы мне подарила Маргарита Савойская, жена короля Умберто. Это было... в сезоне 1890-го года в театре Костанци в Риме. У Станьо тогда открылась простуда и меня попросили его заменить в «Сельской чести» на один спектакль. Не особенно люблю я эту оперу, но...

– Ну вот – я же говорю! – торжествующе заметил надворный советник, пропустивший трогательную историю болезни мимо ушей, и продолжил что-то доказывать.

Каменев тем временем начал крутился около плащей. Из правого кармана плаща Васильевского он вытащил лайковые, безумно дорогие перчатки. У Званцева нашлась только баночка леденцов от кашля да по лайковой перчатке в каждом из карманов. Ничего больше.

Почесав затылок, он вернулся к сыщикам и услышал, как Филимонов продолжает опровергать гипотезу.

– ...и еще обрати внимание: брюки. На них есть частицы грязи. Такое ощущение, что убитые долго шли, а затем поменяли ботинки. Но это же ерунда какая-то... Ладно, обсудим наши гипотезы потом, – подвел промежуточный итог статский советник. – Поедемте на следственный эксперимент. Благодарю вас, доктор – вы очень помогли.

– Об чем речь. Правда, я вас больше запутал, – пожал плечами тот и повернулся к Каменеву. – Очень рад был познакомиться лично! Вы ведь знаете, наверное, поговорку, что у тенора в голове нет мозгов, потому что там вместо них резонаторы? Так вот – у вас там очень даже мозги!

– Доктор, что вы такое говорите? – улыбнулся тот. – Откуда бы у меня верхние ноты взялись, будь у меня мозги? В четверг у нас концерт, не желаете ли посетить – я бы приберег билет...

Медик рассыпался в благодарностях, и Каменева пришлось уводить не то за шиворот, не то под конвоем: разговор меломанов грозил затянуться до вечера. По дороге в участок тенору пришлось услышать от сыщика пару упреков, что полицейское расследование он сводит к воспоминаниям и музыкально-критическим лекциям. Филимонов слегка шикнул на него, и Владимир Алексеевич умолк.

Когда троица вернулась в участок, сыщики думали о деле, а тенор... кто его знает, о чем он думал. Может быть, что о странных выстрелах – а может быть, что о гастролях Таманьо – легендарного исполнителя Отелло из миланского «Ла Скала».

Дежурный встретил начальство запыхавшимся, довольным и с ящиком, полным револьверов. В нем лежали все модели, которые были на складе улик и которые фигурировали в делах с убийствами за последний год – от старинного «Кольта» на пять патронов до самого новенького, только что сошедшего с конвейера бельгийского «Нагана».

– Поедемте, Николай Константинович – будете слушать. Вспомните звуки выстрелов? Не забыли еще?

– Прекрасно помню, ваше высокоблагородие, – холодно кивнул тенор, вспомнивший упрек в пролетке.

– Ой, высокоблагородие... Просто Владимир Алексеевич. Мир? – протянул он руку.

– Перемирие, – улыбнулся тенор и пожал ее. – А там и до мира дойдет. Что до выстрелов, такое трудно забыть. Да и память профессиональная – куда же я ее дену?

Карета довезла всех троих на опушку, где уже успела разместиться молодежная компания с плетеными корзинами закусок, покрывалами и гитарой. Звучал какой-то романс в исполнении молодого и статного баритона. «Хороший голос, – отметил Каменев. – Но уж больно кривляется. Кто так поет о любви? Такими гримасами змей заклинают...»

Оставив профессора около кареты, сыщики зачем-то направились в сторону участников пикника – и через минуту возвратились вместе с миловидной юной барышней и баритоном.

– Милостивый государь, так романсы не поют, – не смог промолчать тенор. – Дайте гитару!

– Коля! – крикнул на него Филимонов.

Но было уже поздно. Не обнаружив у баритона гитары, Каменев махнул рукой и без сопровождения запел серенаду Эрнесто. На всю опушку разлетелось нежнейшее «Чудесна ночь – чар весенних полна» из «Дона Паскуале». Почти пасторальное звучание серенады сменилось тревожным припевом «Когда умрет твой милый – пожалеешь, но жизнь вернуть мне снова ты не сумеешь». Грянуло вставное «си» – и тут же затихло, магически став тихим, почти флейтовым звуком.

– Николай, ты закончил? Не помешаю? – снова вмешался сыщик. – Прошу извинить, дамы и господа, что нарушаю ваш концерт, но вы, профессор – свидетель, а вы, судари мои, понятия. Убедительная просьба некоторое время не шуметь: мы проводим следственный эксперимент. Как только мы закончим, я сообщу. И просьба не пугаться выстрелов – мы стреляем в рамках эксперимента, стреляют специалисты.

– Не беспокойтесь, с револьверами сами умеем обращаться, не боимся! – прозвенел голосок девушки. – Мне, например, подарили двуствольный дерринджер!

Она моментально вынула из ридикюля небольшой, поблескивающий хромированным стволом на солнце пистолетик с белой ручкой: вот, мол, полюбуйте, гражданин из полиции – мы тоже с оружием знакомы.

Впрочем, даже если бы у всей компании было по пистолету, там не было бы такой коллекции, какую привезла полицейская карета. В ящике лежало 36 моделей: швейцарский «Шмидт» 1882 года, по две модели «Смит и Вессон» и «Лефоше», «Уэбли», «Энфилд», древний «Кольт Патерсон», еще 15 моделей полковника Кольта и другие, несколько менее популярные системы.

Профессор встал на дороге примерно там же, где проезжал сегодня без четверти восемь. Уваров по очереди доставал один револьвер за другим и дважды стрелял из каждого с небольшим перерывом – примерно те же 6–7 секунд.

– А из чего стреляете? – бойкая курсистка подошла к ящику и один за другим начала перебирать пистолеты. – Вот этот похож на «Вебли-Скотт». А можно тоже пострелять?

– Мадемуазель! – грозно, хотя беззлобно рявкнул Филимонов.

– Что такое? – спросила барышня, покрутив очередной револьвер и положив его на место.

– Ничего, – вмешался Уваров. – Застрелитесь ненароком – а нам отвечать. К тому же оружие лежит в строго определенном порядке, прошу не нарушать...

Уложились быстро, в какие-нибудь десять минут: все оружие заранее подготовили к испытаниям – почистили, зарядили и пронумеровали. в описи – которую тоже сделали заранее.

– Последний стреляем, профессор! – крикнул сыщик и дважды нажал на спусковой крючок. – Готово! Можете спускаться к нам.

– Да что вы меня за чахлый цветок принимаете, – с ноткой обиды заметила барышня. – Вы про всех девушек думаете, что они только о погоде и пустяках на французском умеют говорить? А я вот умею стрелять...

– Мадемуазель! То, что у вас в сумочке есть пистолет, ничего не значит.

– Очень даже значит, меня брат научил. Сводишь целик и мушку...

– Думаете, так просто? – взорвался Уваров и показал на недалекую сосну. – До этого дерева метров семь. Не попадете.

– Посмотрим, – заявила курсистка и достала дерринджер.

Тенор решил сократить путь, пройдя сквозь лесную полоску. Пройдя от дороги уже метров пятнадцать и выйдя из-за дерева, он внезапно увидел небольшой хромированный пистолет, направленный в его сторону, а через мгновение прогремел выстрел. Каменев встал столбом и схватился за грудь, посмотрел на руку: крови на белой сорочке не было. Голова работала, глаза не остекленели, горло давало чистый звук. «Значит я не убит?» – подумал он.

Нужно было повернуться и бежать, но он не мог. Вдруг первый выстрел всего лишь случайно не стал для него последним? Он увидел, как черное дуло пистолета направлено на него – А каково это: смотреть в этот длинный черный тоннель? Не во время чистки, а так – когда напротив стоит человек и направляет тебе его в голову. Поневоле задумаешься: когда же все закончится? Лучше пальни уж, но не мучай: нельзя, невыносимо долго смотреть на ствол – но и отвернуться не получается. Какой-то магнетизм, право.

Значит надо бежать – бежать по синусоиде, чтобы тяжелее было прицелиться. У нее двустольный дерринджер, осталась одна пуля, а дальше его надо перезаряжать. Это еще несколько секунд.

В мгновение пронесется перед глазами вся жизнь – а дальше что? О чем думать дальше, пока мучительно долго тянутся доли секунды? Мозг и так работает быстро, а уж теперь-то, в чрезвычайной ситуации, он должен тарыхтеть как новенький «Даймлер». И он беззвучно тарыхтит, так что очень быстро задается вопросом «А можно ли было этого избежать? Ведь все же могло быть по-другому?»

Вот она, первая мысль – жестокая и глубоко трагичная, потому что в сослагательном наклонении. А мозг наш, если верить учению физиологов, не любит думать о плохом. Как знать – может на этом построен весь инстинкт самосохранения?

Так вот: серые клеточки, которые, может, разлетятся через секунду, придумывают план спасения. Всего-то надо чуть-чуть поменять вопрос: «можно ли этого избежать сейчас?» Жаль, что эта мысль приходит в тот момент, когда избежать гибели почти никому не удается – о таких вещах надо думать значительно раньше.

И вот теперь, когда человек еще не готов перейти в лучший из миров, а мозг уже все просчитал, он дает последнюю мысль – гуманную и успокаивающую: «запомнят ли меня?» Раз уж нельзя удовлетворить инстинкт самосохранения, нужно хотя бы пожалеть гордость.

«Да, наверное запомнят – ведь я... Кому я вру? – тем более сейчас! Жить осталось... сколько? Секунду? Две? Вся память про меня – набор афиш да воспоминания. Что я для будущих поколений? Исполнитель, о котором никто ничего не знает. Рубини был прав: от художников остаются полотна, скульптуры живут в веках благодаря мрамору. А что остается от певца?»

Значит надо бежать или скрыться за деревом. Там двое сыщиков, целый склад оружия. Почему же они медлят? Почему не стреляют в ответ? Почему не скрутят ее? Даже навстречу не бегут! Пропал... Или повернуться? Нет, если уж помирать, то хотя бы смотря в лицо убийце. Да стреляй уже, черт возьми!»

И снова все помутнело перед глазами, в голове остался только черный ствол. На заднем фоне нестираемая память дорисовала фигуру в «рациональном костюме» по новой моде – специально для поездок на велосипеде – и с симпатичной шляпкой «Губерт» из майского «Вестника мод».

Длинный и тонкий палец на спусковом крючке почти судорожно дернулся; в ответ грохнул второй выстрел. В глазах у профессора потемнело, из горла вылетел фальцетный стон. Он уже не искал вида крови: глаза и руки перестали подчиняться ему. Он рухнул на землю – и только теперь двое сыщиков кинулись в его сторону. Бросилась к упавшему навзничь и вся компания.

– Что с ним? – взвизгнула владелица дерринджера. – Он жив?

– Жив, – заключил Уваров, пощупав на шее пульс и не найдя следов крови. – Обычный обморок. У вас есть бренди или какое вино?

Баритон на всех парах добежал до корзины и схватил металлическую флягу. Глоток коньяка подействовал на тенора благотворно: он открыл глаза и добродушно прошептал: «Меня убили?»

– Николай, живой? – взволнованно спросил Филимонов. – Порядок, ты на земле. В раю коньяком не отпаивают.

– Сомнительное замечание, – парировал баритон.

– А кто в меня стрелял? – Каменев осмотрел склонившихся над ним и задержал взгляд на высокой рыжей девушке в зеленой шляпке, владелице карманного пистолета. – Вы? Как вас...

– Миронова, Юлия Викторовна, курсистка, – дрожащим голосом зачастила она. – Зачем мне в вас стрелять?

– Не знаю, вам виднее.

– Я не в вас – мы с господином Уваровым поспорили, получится ли у меня с семи шагов попасть из дерринджера в ствол дерева, – она поднялась и посмотрела на ствол. – Я дважды попала.

– Вы молодец, продолжайте... упражняться, – глухо похвалил ее Каменев, словно ученицу, чисто спевшую трель. Даже теперь профессор консерватории оставался педагогом. – Извините, что заставил из-за такой ерунды всех вас всполошиться, мне, право...

– Что скажете, Николай Константинович? – баритональный бас Филимонова просто звенел надеждой.

Тот полуобморочно задумался: «Порадовать особенно не смогу. Честное слово – дело полно загадок. Первые два выстрела были из одного оружия. То есть, из оружия одной марки. Точно таких я сейчас не слышал...»

– Вы уверены? – спросил, мрачняя на глазах, Филимонов – хотя прекрасно знал, какой ответ последует.

– Абсолютно. Ближе всего был, пожалуй, тридцать седьмой и семнадцатый номера. У тех выстрелов звук был, словно маленькая пушка стреляет. А тут практически у всех: хлоп – точно газетой по мухе.

– Так... Ладно, с этим потом разберемся. А третий выстрел? Его опознали?

– Да, двадцать второй экземпляр. Но теперь он был тише. Странно – как будто бы... К нему еще остались патроны? Можете пострелять, когда я буду ближе?

Из двадцать второго номера выстрелили еще четыре раза, всякий раз приближаясь к Каменеву, но его вердикт был однозначным: «Оружие это, звук не тот». Тот был как бы с синкопой – словно он очень быстро отразился эхом и из-за этого звучал чуть дольше.

– Простите, а какие номера я называл? – сменил он тему. – Можно их посмотреть?

– Пожалуйста, – разочарованно буркнул Филимонов. – Семнадцатым номером идет «Кольт» 1836 года. Редкая штука... А двадцать второй – это «Наган» нового образца. Года еще не прошло как бельгийцы сделали новую модель – и вот она! «Прикажете получить!», как говорится.

«Кольт» и впрямь был нечастым гостем в полиции: по нынешним меркам он казался неудобным и слишком громоздким. Одно то, что для выстрела недостаточно просто нажать на спусковой крючок – перед этим приходится вручную курок взводить – делало его устаревшим. В деле эта редкая вещица оказалась в связи с гибелью одного купца: револьвер был у того в коллекции – и его аккуратно из этого револьвера и хлопнули грабители. «Наган» – дело другое. Самовзводящийся, надежный револьвер на семь патронов и неубиваемый как «мосинка».

– Вот этот был последний, – Уваров протянул «Уэбли Бульдог». – Тридцать шестой.

Тенор замотал головой и сделал попытку вскочить с земли:

– Какой тридцать шестой? Что вы мне суετε? Я же ясно сказал – тридцать седьмой.

– Тридцать седьмого не было... – растерянно проговорил статский советник и, секунду подумав, повернулся к курсистке Мироновой.

– Вы думаете? Я не... Правда не стреляла!

– У вас есть с собой еще патроны? – Миронова растерянно кивнула. – Заряжайте, быстрее заряжайте!

– Николай Константинович, что случилось? – растерянно спросил Уваров.

– Еще раз надо услышать. Мне кажется... – заговариваясь и тяжело дыша, начал тот. – Нет, мне не кажется, я уверен. По крайней мере похоже, очень похоже. Я отойду метров на тридцать, как остановлюсь – стреляйте, только не в меня.

По ушам ударил двойной выстрел: рука девушки так дрожала, что она невольно нажала на оба курка. «Простите, – крикнула она. – Я сейчас перезаряжу».

– Не нужно! – крикнул тенор. – Этого достаточно! Благодарю вас!

Он вернулся к собравшимся и сказал, что из этого пистолета выстрел похож. Не совсем то, что надо – но гораздо ближе, чем все остальные. В этот момент действие адреналина (или это было вдохновение?) подошло к концу, и недавно лежавший в обмороке тенор вновь попробовал рухнуть на землю.

Его поддержали, и единственное, на что у него хватило сил – глухо обратиться к Юлии: «Благодарю, вы нам очень помогли». Дальнейшего он не помнил, потому что, погруженный в пролетку, он уснул спокойным сном нервного человека. Для него так и осталось загадкой, как утром следующего дня он проснулся дома.

– Ну и куда его вести теперь? – кивнул на спящего Уваров – В участок?

– Домой, пусть отоспится, – ответил Филимонов и сказал кучеру адрес: Театральная, 6. Доходный дом Варгина.

Повозка медленно, не привлекая внимания, тронулась. Ее провожал единственный взгляд любопытной курсистки. Впрочем, и она недолго смотрела вдаль, а вскоре совсем выкинула из головы странного профессора с ангельски красивым голосом.

Глава 5

Половину дороги сыщики молчали и только у наплавного Троицкого моста Уваров не выдержал: «Антон Карлович! Я и раньше в этом деле мало что понимал, а теперь вообще перестал хоть что-нибудь понимать. Вы тоже?»

– Не совсем, Володь. Сначала я мало что понимал, потом мне показалось, что я все понял – а теперь я ничего не понимаю, – ответил статский советник и изложил свое видение ситуации.

А ситуация была по меньшей мере странной: из чего они убиты? Иван Аронович говорит, что из револьвера или чего-то подобного. Николай уверенно опознал «Наган» – но это третий выстрел. И как одним выстрелом убить двоих? Или где еще один такой же, который нанес бы смертельное ранение второму убитому? И что с первыми двумя выстрелами? Откуда они взялись? Зачем дважды выстрелили?

Один вариант, впрочем, походил на правду – тот, что рассказали Ивану Ароновичу, и который доктор раскритиковал. Одного из фигурантов могли просто ранить. Теперь остается лишь добавить четвертого участника в это дело – и все становится возможным: и выстрелы, и траектории пуль.

– В общем, Володя, сегодня-завтра нужно будет докладывать, от нас потребуют рабочие гипотезы. Это как минимум. Ты сегодня подумай над разными вариантами, а завтра соберемся и обсудим – годится?

– Годится, – ответил не по правилам Уваров. – Мы сейчас куда после Театральной?

– Ты езжай к себе в участок, там уже должны быть первые данные на счет извозчиков. А я поеду в центральное управление, опрашивать агентов и составлять рапорт. Затягивать нельзя, подозрительно будет. Надеюсь, с извозчиками что-нибудь выйдет. И завтра же начнем опрос родственников.

Тем временем пролетка доехала до Театральной площади. Сыщики взяли под руки все еще лежащего в обмороке профессора и понесли к дверям. Путь им преградил внушительного вида швейцар, решительно заявивший, что пьяным сюда никак нельзя – не пивная и не бардак, все-таки, а приличный дом. Ни удостоверение сыщика сыскальной полиции, ни даже мундир статского

советника – а на гражданской службе это почти что генерал – на Цербера в ливрее не действовали.

– Он тут живет, – наконец догадался сказать Владимир Алексеевич и поднял за волосы голову тенора. – Музыкант, профессор Каменев. Плохо ему!

– Батюшки, Николай Константинович! – вскинул руки швейцар и невольно исковеркал фамилию прославленного итальянского певца. – Кальцорали наш! Что сразу-то не сказали? Пожалуйста, на третий этаж налево. Ай-ай-ай...

Высокого и худого тенора – с таким сложением ему надо было идти в басы и петь Базилио – без труда дотасили до двери, Антон Карлович нажал на кнопку звонка. Дверь открыла молодая женщина лет тридцати с длинными огненно-рыжими волосами.

– Здравствуйте, Варвара Георгиевна... – извиняющимся тоном начал статский советник, не очень понимая, что надо говорить. – Принимайте супруга... Вот.

Она бросила чуть надменный взгляд на сыщика – так местная прима смотрит на талантливого гастролера. «Прошу вас, господа, – сказала она шелковым – то есть красивым, мягким, но холодноватым голосом. – Что случилось? В его любимом 'Роберте' кто-то сфальшивил?»

Тенора положили на кровать, где он, не приходя в сознание, уснул. Перебивая друг друга, Уваров с Филимоновым объяснили ситуацию во всех деталях, за теми только исключениями, что составляли тайну следствия.

– Выходит, завтра на дачу он поехать не сможет, – задумалась супруга, перелистывая календарь. На его листах попеременно возникали то каллиграфия с обилием росчерков и петель, то непонятный набор символов, за который не взялись бы все криптографы Генерального штаба. – Придется звонить хозяйке, завтра я не могу – «Трубадур» по расписанию.

Антон Карлович попытался возразить: почему же Николай не сможет? Обычный обморок, ничего серьезного. Отоспится – и завтра будет на ногах.

Варя со знанием дела ответила: «Вы моего супруга знаете, он человек увлекающийся. Если он завтра будет на ногах, то только у вас в управлении – будет решать эту вашу головоломку».

– Вообще-то там двое убитых. Вряд ли это можно назвать головоломкой, – возразил Уваров.

– Справедливая мысль, – согласилась супруга. – Для кого угодно справедливая – но не для него. Для него несправедливость – это как диссонанс: непременно надо разрешить. Вы же знаете Николая, Антон Карлович. Если он вздумал помочь, то как бульдог не отцепится. Помните, в его светлую голову пришла мысль найти рукописи Боршнянского по архивам? Говорили, что их нет, что пропали, сгорели – а он? Просматривал опись за описью, в неразобранных фондах копался, в трех хранилищах побывал – и нашел ведь. Не удивляйтесь, если и убийцу найдет...

На этом аудиенция была окончена. Все протокольные вопросы были решены, а бесчувственное тело сыщики передали жене на ответственное хранение. Супруга перелистнула пару листов в настенном блокноте, подняла с «кофемолки» трубку – все верно: так называли телефонный аппарат в форме цилиндра с ручкой – и попросила 20–20. Корделия Михайловна была не в восторге, что это барахло придется держать еще неделю, но вспомнила просьбу полиции и смиловилась.

Сыщики в свою очередь попрощались с Варварой Георгиевной и вернулись в пролетку.

– Снежная королева какая-то, – заметил Уваров. – Только волосы подвели.

– В смысле? – Филимонов не сразу понял собеседника.

– Ей полиция привела мужа без чувств, а она даже бровью не повела. Не мое это дело, конечно, но, кажется, она его не очень-то любит.

– Ошибаешься, Володь – очень любит. И он ее. Только у них это как-то странно, не понимаю я этого. Казалось бы, он – тенор, романтический герой. Вертер – как у Гёте. Она – меццо, как Лотта у того же самого Гёте. Должны быть бурные объяснения, обнимания, поцелуи – а их нет. И не было никогда, насколько знаю... Впрочем, это действительно не наше дело. Тебе где остановиться?

– До участка добросите? – уже первые отчеты, наверное, есть.

– Не вопрос!

Пролетка неуклюже затормозила у дверей, задержалась там на секунду и налегке бросилась вперед, точно это она спешила опросить агентов, а не растянувшийся на заднем сидении пассажир.

Владимир Алексеевич поспешно миновал пустую стойку дежурного и направился в кабинет. За прошедшие полтора часа там ничего не изменилось, только на столе возник листок бумаги. Красивые, хотя довольно неуклюжие буквы сообщали, что к опросу извозчиков подключили всех, кого возможно – и даже сотрудников из других участков.

Уваров недовольно поморщился на этом моменте – не потому, что его заела гордость за свой родной участок, а из соображений чисто практических: «Растрепали! А ведь Антон Карлович просил...»

Он продолжил читать рапорт и постепенно оттаивал: дежурный писал, что никому не говорили подробностей и ограничились тем лишь, что «возможно убийство». Это «возможно» было особенно к месту. И правда: возможно, что да – но черт его знает – может статься, что и нет.

Просто идеальный вариант: если найдут что, так зацепка будет – и не просто зацепка, а доказательство. Если не найдут, так и спрашивать не будут, а спросят – можно и не отвечать: с какой это стати, вы же ничего не нашли. Тайна следствия и всё тут.

Тем временем приближался обеденный перерыв, и, поскольку сообщений о новых злодеяниях не было, сыщик со спокойной совестью отправился в новый трактирчик на углу. Там он заказал какой-то недорогой и на удивление вкусный восточный суп, пару печеных, маслянистых, еще горячих пирожков и кружку пива. Во-первых, что с ним станет от одного стаканчика? Тем более, что с закуской. Во-вторых, есть повод: хорошо поработали сегодня. И в-третьих – а почему бы и нет?

Но пиво произвело эффект необыкновенный: вместе с наваристым супом – жирным и пряным, – золотистыми пирожками с картошкой и зеленью, оно на редкость сильно ударило в голову. Со второго глотка Владимиру Алексеевичу внезапно стало тепло и уютно, в голове носился приятный шумок, который не позволял серьезным мыслям не только задерживаться, но даже появляться. Холодное пиво, проливаясь в желудок, казалось по-своему обжигающе-горячим и странно напоминало кипяток – вот только пузырьки совсем мелкие.

На лице сама собой расплылась довольная улыбка, которая бывает у человека, впервые узнавшего вкус шарантского коньяка или «Понсарден-Клико». С одной кружечки – поллитровой, не больше – Уваров развеселился и как-то неожиданно заказал вторую. Немного позднее, направляясь к участку, он не только зарекся пить в обед, но даже стал довольно чисто, хотя и не в меру громко, напевать «Я люблю вас, Ольга».

По возвращении выяснилось, что обед растянулся на полтора часа – но донесений по-прежнему не было и заниматься было нечем. Оно понятно – извозчиков в столице море разливанное, и пока их всех опросишь.

Владимир Алексеевич сел на диван и, сам себя не контролируя, тут же наполовину лег – а потом, чтобы устранить недосказанность, лег полностью. Не прошло пяти минут, как он задремал, позабыв и про убийства, и про сегодняшней выезд, и даже про чудаковатого профессора, который все еще казался ему странным, но теперь почему-то вызывал у него симпатию.

А пока холодное пиво в трактире переливалось из высокой конической бутылки в пухлый бокал и осаждалось сверкающим янтарем под белой пенной шапкой, пока оно смешивалось с горячим, только с огня, супом, Антон Карлович ждал у себя первого агента.

Тот заставил себя ждать с полчаса: высокий, но из-за своей сутулости кажущийся много ниже ростом письмоводитель библиотеки робко заглянул в кабинет: «Разрешите? Виноват-с, начальство не отпустило, ваше высоко...»

– Видел кого из них? – Филимонов протянул чиновнику две фотографии с убитыми.

– А как же-с? Видел, обоих знаем-с. Первый – это сын господина профессора Званцева, регулярно видели в читальной зале. А второй – сын Павла Андреевича Васильевского.

– Тоже в читальне бывает – со Званцевым?

– Никак нет-с, они больше по кабакам специализировались, – потупившись, через силу выдавил чиновник.

– Вместе их видел?

– Никак нет-с! Ни разу-с.

Филимонов задал еще пару вопросов и отпустил письмоводителя: ничего нового его показания не дали. Второй, третий, четвертый агенты знали еще меньше. Наконец очередь дошла до старика Каримерова, служившего в Мариинке вечным вахтером.

Антон Карлович в очередной раз протянул две фотографии. Он уже потерял надежду узнать что-либо – его всезнающие агенты знали либо одного, либо другого, а то сразу обоих – но вместе их в последнее время не встречали.

Старик бросил взгляд на карточки: «Ну как не знать? Васильевский, – ткнул сухим пальцем. – Известный баловник. А это Званцев».

– Верно, – подтвердил сыщик. – Видели кого-нибудь из них в последние дни?

– Вчера видел, на «Гугенотах». В одной ложе сидели. А что, ваше высококордие? – судя по карточкам, оба нынче уже покойнички?

Филимонов пробурчал в ответ что-то неопределенное: это была первая и единственная пока зацепка, не попытаться потянуть за эту ниточку, уходить куда-то в сторону было бы просто глупо.

– Где они сидели?

– В ложе Васильевского, сидели вместе.

– Дамы были?

– В опере? – удивился вахтер. – А как же! Были – и множество.

Кому другому из агентов Антон Карлович ответил бы без церемоний: «Дурак, соображать надо», но старику он просто, без доли иронии или недовольства ответил «в ложе».

– Нет, в ложе не было. Двое мужчин было, кроме убитых.

– Узнаете, если увидите? – не скрывая надежды, спросил сыщик.

– Да что их видеть-то? У нас в ложах всегда одни и те же лица: Виктор Васильевский – кузен первого, и брат второго покойника, Михаил Званцев.

Статский советник записал оба имени и постучал карандашом по столу. Самое время было задать вопрос, не случилось ли вчера чего-нибудь необычного. Собственно, это он и спросил.

– Необычного? Пожалуй, что и нет... Все как обычно: они пришли к первому акту, послушали, заказали шампанского в первом антракте, во время третьего акта его выпили. После второго антракта – он у нас перед четвертым актом идет – ушли.

– Все вместе?

Старик на секунду задумался: глаза сощурились, а голова как-то по-совиному повернулась вбок. «Нет, – заметил он, медленно выговаривая каждое слово. – Ушли в антракте только Званцевы. Васильевские досидели до конца. Ну и дал вчера Мазини, доложу я вам: пел как никогда».

Филимонов мрачно отстучал бетховенское «так судьба стучится в дверь». Она действительно стучала: до тех пор, пока не найдут извозчика, она делала это в мрачном до-миноре.

– Поменьше о Мазини и побольше об убитых, попрошу вас.

– Так больше ничего и не произошло, ваше высококордие. Званцевы ушли, а те остались, дослушали до конца.

– А дальше? – нетерпеливо продолжал гнуть линию допроса Филимонов. – На чем они уехали? И те, и другие – знаете?

– Не могу знать, ваше высококордие. Я до конца пятого акта не выходил. Можете у швейцара на выходе спросить, да только пустой номер – он же из молодых, никогда ничего не помнит. Это мы, старая школа...

Старик еще долго бы упрекал молодежь во всех смертных грехах, но статский советник поднялся из-за стола и пробасил: «Ясно. Если еще что узнаете про этих двоих или убитых, сообщите. Мало ли – фраза какая, упоминание – что угодно. А я пока поговорю со свидетелями».

Агент неслышно вышел из кабинета, а Филимонов снова сел в кресло и недовольно пошевелил усами. Поводов быть довольным – а уж тем более радоваться – не было. Что он в конечном счете узнал? Да ничего особенного. Узнал про двух человек – возможных фигурантов дела? – так он узнал бы то же самое при опросе родственников убитых. А теперь он знает об этом ценой нескольких часов – часов, которых вот-вот будет не хватать.

Это с одной стороны. С другой: а что было делать? Откуда еще что-то узнать? Опрашивать извозчиков? – этим Уваров занимается, ему помогать – только мешать. Что еще? – метнуться к родственникам? Тогда весь запас времени пойдет псу под хвост. Опера? Кто там сейчас их вспомнит, кроме старика – а его как раз и расспросили?

Статский советник сел в пролетку и поехал в участок забирать Уварова, который в тот момент под действием пива и горячего обеда крепко спал. Увидев сию прелестную картину, Антон

Карлович понял, что ехать нет никакого смысла. Он похлопал по плечу спящего, который сначала скроил недовольную гримасу, а затем чуть ли не подпрыгнул с дивана.

– Лежи-лежи... – сказал Филимонов и посмотрел на часы. – Все равно сейчас к свидетелям ехать поздно. Давай завтра сбор здесь, в участке – отсюда и поедем.

– Во сколько? – едва шевеля языком, проговорил Уваров. Ему было одновременно хорошо и стыдно.

– Давай к девяти. И убедительно прошу: не продолжай вечером с пивом. У нас и без того мало времени.

Сыщик хотел только одного: провалиться со стыда куда-нибудь поглубже. Он потряс головой, что должно было означать «Буду к половине девятого». В принципе, он мог бы сказать это и вслух, но тогда до шефа снова долетел бы запах пива – а это снова муки совести.

– Ладно, мне пора, – Филимонов снова похлопал сыщика по плечу. – Раз уж такой случай, поеду домой, открою бутылочку кахетинского.

Часть вторая

Разработка

Глава 6

К половине девятого утра следующего дня Уваров примчался на пролетке к зданию участка. Мысль, что он вчера выпил на работе, всё ещё тяготила его. С другой стороны, то, что начальство тоже осушило благодаря ему бокал – а, может статься, что и всю бутылку кахетинского вина – эта мысль согревала и успокаивала.

Извозчик высадил его метрах в двадцати от дверей и Владимир Алексеевич быстрым шагом направился ко входу. На другой стороне дороги уличный музыкант крутил ручку шарманки, которая выводила «Полет Валькирий».

Не дойдя трех шагов до двери участка, он резко остановился и, кажется, даже отпрянул назад. Что угодно он был готов там увидеть: ящик с оружием, бомбу, его высокопревосходительство генерал-губернатора в гробу... Но около дверей ходила из стороны в сторону долговязая фигура, которую явно что-то расстроило.

– Доброе утро, Николай Константинович, – пожимая руку, сказал сыщик. Он впервые обратился к профессору почтительно. – Что-нибудь случилось?

– Утро, которое начинается с Вагнера, не может быть добрым. И да, случилось! Вы знаете, я не мог уснуть полночи. Засыпал – и снова просыпался. Мне не даёт покоя это дело...

Уваров ожидал продолжения в двух вариантах. Либо профессор задаст вопрос, который действительно поможет делу – все-таки он умный человек. Либо он выскажет гипотезу, которая окажется такой феерической дичью, что будет формальный повод падать в обморок. За последнюю версию свидетельствовал характер Каменева. Но тенор вдруг поменял тему.

– Кстати, почему меня не пускали? Я тут с добрых полчаса хожу у дверей, стучался – не пускают. А вот вчера пустили с превеликим удовольствием – правда, я тогда был под конвоем.

– Приказ есть приказ – никого утром не пускают, если только...

– Никого не пускают... – надулся тенор. – А я ведь замерз, даром что осень. У меня же горло! Как я буду с простывшим горлом на концерте выступать? Ладно бы Вагнера пел – там никто не заметит, списали бы на немецкий язык – а у меня же дуэт из «Роберта».

Сыщику невыносимо захотелось посадить профессора еще раз, но он вспомнил, как его отрекомендовал Антон Карлович: своевольный, резкий... Как найти общий язык с таким персонажем? Попробовать поддакнуть?

– Согласен, порочная практика. Но сколько времени уйдет, чтобы все менять... Да и получится ли? Доложить начальству, оно – своему. Так дойдет до министра, а ему и особой надобности ездить по участкам нет. А зачем вы меня дожидались? У вас есть какие-то сведения? Что-то, что может помочь расследованию?

– Да, у меня есть пара гипотез. Вот только их бы проиллюстрировать... У вас в участке есть пианино?

– Пианино? Откуда? – удивился Уваров.

– Не знаю, мало ли... Мне кажется, в любом приличном заведении есть инструмент... Да и всякое случается, оно могло бы быть уликой. Им ведь можно убить.

– Подозреваю, что можно, – не стал спорить сыщик. – Но в последнее время у нас таких дел не было.

– Жаль, очень жаль... Нам бы помогла одна штука – я в марте был в Париже, видел там. Знаете что придумали? Берут...

– Профессор, у вас же горло. Пойдемте внутрь?

Николай Константинович не ожидал подобной любезности со стороны того, кто вчера еще посадил его в «предварилку». Удивление, едва ли длившееся больше полусекунды, сменилось

пониманием, что в четверг концерт. «Да-да, спасибо!» – ответил он, и они наконец зашли в помещение. С порога караульный заявил:

– Ваше высокоблагородие, они уже с полчаса назад пытались зайти, – показал он на Каменева. – Говорили, у них к вам дело.

– Ну и пустил бы! Тоже заставил человека полчаса на улице ждать. Это хорошо еще сейчас осень тёплая, а что зимой будет? Тоже на морозе людей держать будешь?

– Ваше высокоблагородие, так ведь постановление же...

– Постановление, знаешь, постановлением – а голову на плечах тоже иметь надо. А вообще-то, Бог с ним, с постановлением – завари-ка нам, голубчик, чаю. Николай Константинович, вам с коньяком? Или, может, молока добавить – чтобы как по-английски?

Профессор попросил чаю с коньяком. Тот одновременно и согревает, и горло расслабляет от зажимов, и на связки не сильно действует – но только если коньяка совсем чуть-чуть. «Распорядись насчет чая», сказал Уваров дежурному и пригласил Каменева в кабинет.

Попивая чаек, тенор между прочим припомнил, что встречал убитых вместе, когда они приходили на репетицию «Пиковой дамы». Впрочем, ничего серьезного это не дало, их разговора профессор не слышал. Из этого следовало лишь то, что оба любили классическую музыку – но больше сказать было нечего.

В этот момент в открытой двери снова появился дежурный и сообщил, что обработана половина показаний извозчиков.

– Что там? Какие данные? – чуть ли не подпрыгнув со стула, спросил Уваров.

– Ничего нет, – пожал плечами дежурный. – Никто ничего не видел, никто никого не возил.

– Врут, мерзавцы! – рявкнул следователь.

– Может, что и врут. А может, что нет. Через пару часов закончим, посмотрим, что сказали остальные.

Дежурный собрался уходить, но, повернувшись, столкнулся со статским советником. Он оправдательно залепетал что-то, но Филимонов только махнул рукой: «Ступай-ступай, займись делом». Тот рысью улетел за свою конторку и не подавал виду.

– Доброе утро, Володя! Ожил? – усмехнулся Антон Карлович и только теперь заметил повернувшегося на голос Каменева. – Ну я же говорил, что утром ты будешь здесь. По поводу убийства, Николай Константинович? Наверняка какие-то идеи?

Попеременно перебивая и дополняя друг друга, Уваров и Каменев рассказали все, что произошло за это утро. «Ладно, – уже не очень довольно заметил Филимонов. – Насчет извозчиков будем ждать оставшиеся рапорты. А теперь поедемте к родственникам убитых. Посмотрим, что они скажут. Николай, вы с нами?»

– Разумеется! – почти взвизгнул от нетерпения профессор. – Я же консультант у вас по этому делу.

Конечно, профессор лукавил. Ему дела не было до того, что он консультирует полицию, и даже то, что он был одно время главным подозреваемым, казалось неважным – одна только загадка беспокоила его. Впрочем, обостренное чувство справедливости уравновешивало абсолютно аморальное стремление разгадать головоломку, предметом которой выступали жизни – желание наказать того, кто прервал их, навязчивой субдоминантой играло в его голове.

– А ваши агенты? – они что-нибудь интересное сообщили? – спросил по дороге Уваров статского советника.

– Так... – махнул рукой Филимонов. – Ничего интересного. Позавчера вечером были в опере вместе. С ними сидели еще двое – Виктор, двоюродный брат Васильевского, и Михаил Званцев – брат Алексея...

– У нас, в Мариинке? – немедленно вмешался Каменев.

– Да... Но они разъехались, есть тут смысл копать? Не знаю.

– Опросить точно не помешает, – заметил Уваров. – А известно, куда они поехали после спектакля?

– Нет, вахтер не видел, на швейцара никакой надежды. Остается надежда на кучеров. Званцевы ушли после второго антракта, и куда направились...

– Стойте! – гаркнул тенор, и послушный кучер остановил пролетку. – Нет-нет, я не вам. Прошу вас, езжайте... Подождите-подождите, что вы такое говорите? Этого быть не может! Такого не может быть!

Оба сыщика, которым по ушам ударил плотный и звонкий голос профессора, обернулись, не понимая, что могло вызвать такую реакцию. Сами они говорили о свидетелях совершенно спокойно и не находили ничего странного, а уж тем более – подозрительного.

– Николай, что вообще происходит – ты что взбесился? С чего такие крики?

– То, что сказали ваши агенты, невозможно в принципе. Позавчера вечером у нас шли «Гугеноты», Рауля пел Мазини, Валентину – Мей-Фигнер, а Маргариту – Нравина, – закончил он предложение. Пояснений не последовало.

– Прекрасно, – пожал плечами Уваров. – Что это значит и кто эти люди? В двух словах.

Последнее замечание было очень кстати: Николай Константинович успел набрать в тренированные легкие воздуха, чтобы прочитать полноценную лекцию на два часа. Услышав, что надо быть кратким, он печально выдохнул и в двух предложениях объяснил ситуацию. Выяснилось, что эти люди – лучшие исполнители «Гугенотов» в столице, а, может, что и во всей Европе.

– Николай, понятнее не стало. Что с того, что они лучшие исполнители? – все еще ничего не понимая, спросил статский советник. – Наши убиенные послушали любимые отрывки, потом поехали... куда-нибудь. Вернемся после опроса свидетелей – как раз данные от извозчиков будут, узнаем.

– Нет, вы не понимаете! – крутил тенор все ту же пластинку... Вернее сказать, поскольку пластинки тогда еще не были в ходу, он крутил все тот же фонографический валик. – У нас после второго антракта в «Гугенотах» идет четвертый акт и здорово сокращенный пятый. Терпеть не могу сокращения, но...

– Короче можешь?

– Не могу, – моментально ответил он. – Смотрите сами – у нас ввели из-за этих сокращений странную разбивку антрактов. Первый идет после увертюры и первых двух актов – это час двадцать. Потом идет третий акт – сорок минут, а дальше снова антракт. Четвертый акт длится сорок минут, а эти несчастные обрезки, которые остались от пятого акта, уместили в двадцать. При мне, между прочим, такого не было! – пятый акт играли нормально, с балетной сценой...

– Коля, в чем дело?

– Вы говорите, что они ушли после второго антракта. Получается, перед четвертым актом. А вы знаете, что такое четвертый акт в «Гугенотах»? Это же хорал с благословением мечей – и лучший любовный дуэт нашего века. Да еще в исполнении Мазини и Мей-Фигнер! А вы говорите, что они – любители оперы – просто пришли на пару актов, выпили шампанского, поглазели сверху из ложи на декольте дам и уехали? Нет, извините – не поверю. И почему уехали только Званцевы? Только они на дам насмотрелись, Васильевские продолжали любоваться?

Пролетка остановилась у резных чугунных ворот, с которых, высунув язык, на подъезжающих смотрел китайский дракон. Двери по распоряжению князя открывались в двух случаях: либо при выезде его сиятельства, либо на случай приезда Государя. Все остальные независимо от чина должны были выйти из экипажа и проследовать в дом пешком.

Стоило воспользоваться последним изобретением французов – проекционным кинескопом, чтобы, как стали говорить позже, «снять на кино» проход сыщиков от ворот до входной двери. Это определенно была бы комедийная зарисовка, которая имела бы коммерческий успех в «Синематограф Люмьер».

Шествие возглавлял невысокий плотный Филимонов с пышными рыжими усами. Если перейти на язык образов, массивная фигура и короткие ноги статского советника походили на самодвижущуюся запяную. За ней вопросительным знаком, почти нависая над начальством двигалась сутулая фигура его высокоблагородия надворного советника Владимира Уварова. Заканчивал процессию вытянутый вверх восклицательный знак в исполнении профессора Каменева.

Привратник узнал, зачем к его хозяину явилась эта толпа, и подчеркнуто вежливо пригласил пройти внутрь: «его сиятельство вас примет». Его сиятельство Павел Андреевич Васильевский

заставил себя прождать двадцать минут в богатом, но, по общему мнению собравшихся, весьма безвкусно оформленном зале.

Наконец дверь открылась и в помещение влетел князь. Оба сыщика встали из кресел, секундой позже за ними последовал и тенор. Его сиятельство мельком глянул на них, плюхнулся в кресло и громко спросил «Где Митька? Освободили?»

– Ваше сиятельство... – начал Филимонов.

– Я говорю, где Митька? Выпустили? Если нет, тогда вон отсюда! Слышали? Вон!

– Дмитрий Павлович вчера был убит. Ошибки быть не может, – быстро проговорил Уваров. – Вместе с Алексеем Званцевым.

Васильевский вскочил с кресла и метнулся к Уварову: «Убит?» Тот, потупив взор, кивнул. Князь медленно повернулся, прошел обратно несколько шагов и рухнул в кресло.

– Врача! – пискнул тенор. Васильевский властным жестом показал: «Не надо».

– Я всегда знал, что он доиграется. Мудрено ли при его образе жизни? Я сам любил покутить раньше – но меру знал. А он... – его сиятельство прикрыл лицо ладонью, но спустя несколько секунд взял себя в руки. – Я чем смогу буду содействовать вам в поисках. Какие у вас вопросы?

– Что вы знаете о последних часах Дмитрия Павловича? – спросил Филимонов. – Может быть слышали, куда он собирался?

– Уехал в пятницу днем. Разоделся, словно на какой прием собрался: фрак, плащ по последней моде.

– Куда собирался не знаете?

– Не могу сказать, не знаю.

– Возвращался?

– Не знаю, у слуг надо спросить, – ответил он и крикнул «Эй, сюда!». Прибежал камердинер, следом за ним в дверях появилась горничная.

– Митька вчера возвращался домой? – спросил князь. Слуги покачали головами.

– А утром? Вообще возвращался, как ушел? – позволил себе вопрос Филимонов. Снова в ответ качание головами. Васильевский жестом показал, что те могут идти.

– Ссорился с кем-нибудь в последнее время?

– С его-то характером? С половиной Петербурга сегодня поспорится, а завтра вечный мир, шампанское вместе пьют, – покачал головой князь. – Характер такой, не получалось на него долго сердиться.

– Насколько близкими приятелями они были с Алексеем Званцевым?

– Это странно, но довольно близкими. Характеры противоположные, но сдружились. Черт его знает на какой почве. Лешка-то он был тихий, скромный... Не то, что Митька.

– Можем осмотреть его вещи? – попыток Уваров.

– Смотрите, – махнул рукой отец. – Наверх по лестнице, направо.

Втроем следственная комиссия поднялась в комнату покойного, но каких-то особенных улик не нашла: наполовину пустой ящик шампанского прямо около кровати (той же марки, что и на поляне), фотографические открытки самого непристойного содержания общим количеством более сорока. В довольно большом книжном шкафу лежали и, что странно, не пылились Милль, Менгер, «Сатирикон» Петрония и многое другое.

К чести покойного надо заметить, что собрание нецензурных сочинений в рукописных сборниках и нескольких томах эмигрантской печати лежали не просто так: на рабочем столе лежала тетрадь, где быстрым угловатым почерком было выведено «Дм. Пав. Васильевский. Опыт изучения русской неподцензурной литературы XVIII–XIX вв.».

Найти хоть что-то полезное для дела в комнате не удалось: ни дневников, ни записок. Осмотр одежды показал, что покойный Дмитрий Павлович любил дорогие вещи – и только. Визитных карточек, писем также найти не удалось.

Когда сыщики вместе с профессором спустились вниз, его сиятельство встретил их с бокалом коньяка в руке.

– Я уже говорил вам, что помогу. Все, что требуется и что в моих силах – я сделаю... – рявкнул Васильевский-отец и залпом опрокинул всю рюмку. – Но если не найдете виновного, в порошок сотру. И вас, господин статский советник, и вас... – он мельком глянул на мундир Уварова, – господин надворный советник, и вас...

Он на секунду осекся. Филимонов и Уваров были при полном параде, в мундире и с орденами – а тут перед ним стоял какой-то субъект в сером штатском костюме-тройке, с цилиндром и тростью в руке.

– Вы кто такой? – недовольно бросил он.

– Я консультант по этому делу, – отозвался тенор, – профессор Каменев.

– И вас сотру, господин профессор, – заявил Васильевский. – Ищите, вашу ж...

Он повернулся к столу с коньяком, снова налил себе почти полный стакан. Когда следственная группа уже была в дверях, князь выдавил из себя не то крик, не то лай. Последнее, что они слышали – как звучно треснуло толстое богемское стекло коньячного бокала, столкнувшись с массивной дверью, и как оно, политое французским «Курвуазье», разлетелось по ковру тысячами осколков.

Глава 7

Напряженное молчание следовало за всеми троими, пока они не вышли из дверей особняка. Китайский дракон теперь показывал им на прощание язык: следственная группа стояла у дороги и ждала извозчика.

«Мне...» – начал Уваров, но за долю секунду до него первым начал говорить статский советник. Владимир Алексеевич замолчал – и потому, что заговорило начальство, и просто в силу воспитания.

– Вот нам очередной стимул работать быстрее и раскрыть это дело. У Павла Андреевича связи при дворе, – посмотрел на спутников Филимонов и начал медленно, но верно бледнеть. – Такие связи, что мы с тобой, Володь, будем расследовать кражу оленей в тундре. Таким будет наше следующее дело. А тебе, Николай, придется учить пению северные народности.

Тенор еще плотнее завернулся в осеннее пальто, которое он, впрочем, не снимал и летом. Мысль о поездке на Север давала следующую цепочку рассуждений: там холодно, следовательно простуда, следовательно нет голоса – а, значит, лучше повеситься заранее.

– Антон Карлович, это, конечно, безумие... Но в мире много безумия – взять хотя бы наше законодательство по финансовой части... – как обычно начал с китайских церемоний Уваров.

– Володь, давай короче. У тебя есть мысль?

– Есть. Его сиятельство мог убить этих двоих?

От неожиданности у Филимонова вырвалось негромкое «так...» на несвойственной даже ему контроктаве. Чего здесь было больше – ужаса или удивления – никто не знает. Причиной ужаса было то, что если ошибиться с подозреваемым и посадить князя, то расследование кражи оленей окажется не просто новым делом их жизни – такие дела им понадобится еще заслужить.

Что до удивления, то его причина была другой: «как я сам не догадался?» Горячий и неуравновешенный Васильевский элементарно мог повздорить с Дмитрием Павловичем. Как произошло убийство? Элементарно: в шесть утра Васильевский приехал к статскому советнику в поисках Митьки, получил ответ, что в списках задержанных Дмитрий Павлович отсутствует. После этого князь едет домой, там тоже не находит отпрыска и...

– Вот здесь проблема, – прервал свой поток мыслей Филимонов. – Как ему было знать, где искать Дмитрия? Алиби себе делал, думаешь?

– Мог. Вам сказал, что ничего не знает, что давайте ищите – а сам поехал и обоих укокошил. А теперь муки совести – вот и пьет коньяк, заглушает как может.

– Интересная картина. Знаешь, Володь...

Тенор, который, казалось, вообще не слышал диалога, прервал статского советника: «Антон Карлович, а вы хорошо Васильевского знаете?» Филимонов бросил в ответ, что встречались несколько раз. Уваров сегодня видел его впервые.

– Знаете, я тоже его вижу сегодня впервые. И мне кажется, что он тут не при чем.

– Интересное заявление, – дуэтом проговорили сыщики. Продолжил фразу Уваров: Это почему же? Время убийства не совпадает или что другое?

– Нет, видите ли... Причина иная. То, что я видел и слышал позволяет заключить, что его сиятельство имеет голову горячую и нрав бешеный.

– А, знаешь: ты прав в чем-то, – спросил Филимонов. – Хоть это и один из типичных портретов убийцы... Что ни день, как раз с такими сталкиваемся. Но в самом деле: ему просто недостает хладнокровия, умения держать себя в руках – а именно этого в нашем убийстве, как мне кажется, хоть отбавляй. Вот представь себе на минуту, что его сиятельство захотел бы нас сейчас убить. Как бы он это проделал? Неужели бы вынашивал две недели план, потом неделю готовился? Нет, конечно нет: его стиль – это схватить кочергу и избить до полусмерти, изрубить на куски топором или взять пулемет инженера Гатлинга и изрешетить жертву. А потом лежать в припадке на месте преступления и горько рыдать над трупом. Нет, наше убийство – это не дело рук безумца и оно не в аффекте совершено.

– Именно! – подтвердил тенор. – Соучастником его сиятельство мог бы быть, но совершить в одиночку? Мне кажется, что нет. Да и каков мотив мог бы быть у его сиятельства? Дмитрий Павлович был, конечно, хулиганом и человеком, надо полагать, морально не безупречным – но это был умный, очень образованный человек.

– Васильевский? Образованный и умный? – Николай Константинович, он был пьяницей и дебоширом.

– Одно другого не отменяет – я знал массу людей, которые бесконечно талантливы, но много пьют. Для иных это способ забыть о мировой скорби, отключиться от того, что видят вокруг себя, другие просто любят вкус алкоголя, третьи считают, что это нужно для их музы...

– С чего ты вообще решил, что Дмитрий Павлович – умный человек?

– Вы заметили, какие книги в его библиотеке? Миль, Мейстер Эккарт, Петроний Арбитр, свежие парижские издания двух книг Лебона... Зачитанный Менгер, опять же – в оригинале. Мне присуще то качество, которое в беллетристике называют умом – но даже я с трудом прочитал и понял эту книгу. Да, может быть Дмитрий Павлович не был очень глубокомысленным – на это намекает восьмитомник Дружинина, водевили и – простите – сборники нецензурной поэзии. Но совершенно отказывать ему в уме было бы неверно.

Уваров в ответ беззвучно пожал плечами, Филимонов неопределенно покачал головой. Произвели ли на них впечатление мысли Каменева? Нельзя сказать, что они отказались от своей гипотезы, но приняли во внимание и позицию профессора. В любом случае, улика для ареста его сиятельства не было, а, значит, нужно было просто продолжать работать.

В конце улицы показался свободный экипаж, и только надворный советник хотел махнуть рукой и остановить извозчика, как за эту руку его схватил Каменев: «Подождите! Вы слышите?»

Сыщики переглянулись. «Нет» – ответили они, – и буквально через секунду до них донесся едва слышный голос. Из дома по длинной тропинке к ним быстро приближалась высокая плотная фигура в распахнутом старомодном сюртуке.

– Кто это? – спросил Филимонов. Уваров с Каменевым промолчали. Очевидно было, что это не слуга, не камердинер и не секретарь Васильевского – даже издали были видны и дорогой покроем сюртука, впрочем, порядком износившегося, и трость, и цепочка для карманных часов.

– Господа! – запыхавшимся, дребезжащим от волнения баритоном крикнул на бегу человек. – Господа, хорошо, что я вас застал!

– С кем имеем честь, так сказать? – только и успел сказать подбежавшему субъекту надворный советник, как неизвестный продолжил тараторить.

– Скажите, неужели это правда? Я только пришел домой – и тут такая неожиданность, такая новость. Дмитрий Павлович действительно умер?

– Вы кем приходитеесь убитому? – продолжал настаивать сыщик.

Робкие овечьи глаза неизвестного субъекта вылезли из орбит, рот непроизвольно отворился: «Убитому? Дмитрия Павловича убили?» Владимир Алексеевич не знал, что ответить. С одной стороны, нельзя было продолжать разглашать информацию первому попавшемуся человеку – даром, что он выбежал из дома убитого. С другой – неизвестный субъект явно был на нервах, и на вопросы не реагировал – точнее, реагировал не так, как хотелось бы.

– Да, убит, – отрезал Филимонов. – Вы кем приходитеесь покойному?

– Я... я... секунду, сейчас соображу, – бессвязно, запинаясь через слово и неловко одергивая куртку, начал излагать тот, – я прихожусь кузеном. Дело в том, что у Павла Андреевича – это отец убитого – был брат, Владимир Андреевич, мой отец. Соответственно, я двоюродный брат Дмитрия Павловича. Что Павел Андреевич? Я вернулся домой, мне рассказали слуги – и я побежал за вами, даже не видел его еще... Как он?

– Переживает, – односложно ответил Антон Карлович – а как еще было отвечать в такой ситуации.

– Для него это, должно быть, страшный удар, – продолжал новый свидетель. – Он горяч, но мало кто его знает на самом деле, сердце у него не железное. Когда Дмитрий Павлович попал... простите, как у вас называются камеры, где... Впрочем, не суть.

Филимонов с Уваровым поняли, что речь идет о предварилровке, но прерывать свидетеля не решились. Он, кажется, начинал говорить более или менее внятно, так что пусть пока говорит – а там, глядишь, придет в себя. Понадобится – спросим.

– Павел Андреевич тогда глаз не сомкнул, пачку «Дуката» выкурил – одну за одной, дигиталис от сердца принимал чуть не до передозировки. Чего только не передумал. Наутро отправился в полицию...

– Вы – Виктор Васильевский, так? – сообразил Филимонов.

Молодой человек, не ожидавший вопроса, тупо уставился на сыщика. Потом в его голове, по-видимому, что-то щелкнуло, и он догадался ответить: «Да, Виктор Владимирович. К вашим услугам, что называется».

Филимонов довольно похлопал того по плечу, как хлопает по крышке нового рояля пианист: «Давайте найдем место, где сможем спокойно поговорить. Разговор будет долгим».

Каменев тут же предложил зайти в ближайшую чайную, рассчитывая на стакан теплого чая с медом. Предложение отвергли: слишком людно и шумно. Но профессор не оставлял попыток найти заведение с чем-то для своего золотого горла:

– Тут неподалеку есть хорошее местечко, «Кюба». Там как раз есть отдельные кабинеты, никто не потревожит. И кухня там приличная, и обстановка... я там бывал частенько, не откажут без записи. Доберемся за четверть часа пешком, а на пролетке – так совсем мигом.

Ничего удивительного, что в одном из самых дорогих ресторанов столицы кухня была приличной, скатерти – чистыми, а вилки с ложками – помытыми. Васильевский и Уваров решительно запротестовали: за стакан чая придется заплатить какие-то немыслимые деньги, не говоря уж обо всем остальном. Тенор махнул рукой: «забудьте, угощаю. Я хоть и ушел со сцены, но это заведение мне по карману – а уж тем более, что ради дела». Спротивление было подавлено: кто откажется от возможности побывать если и не в самом лучшем ресторане Петербурга, то уж наверное в самом дорогом. Да еще и с тем, что ему не придется платить.

Ресторан «Кюба» в доходном доме Руадзе по Большой Морской – это легендарное место. Посетителями за вечер там проедаются состояния, как в казино Монте-Карло они проигрываются. А буквально напротив располагается не менее дорогой «Дюссо» – видимо, на тот случай, если после «Кюба» остались деньги.

На голодный желудок да еще вчетвером, меньше, чем со ста рублями заходить туда особенного смысла нет. Можно обойтись и дешевле – но нужно ли? Только на пятьдесят рублей потянула бы рюмка французского «Мартеля», десяток императорских устриц – разумеется, свежих, под лимонным соком – к ним восьмирублевая бутылка бургундского Мерсо, котлета из молодой баранины, бутылка сухого «Поммери» за девять с полтиной, порция гурьевской каши да пряный имбирный кофе.

Спустя четверть часа вымуштрованные официанты стайкой черных грачей окружили стол. Антон Карлович, будучи человеком небедствующим, все равно кашлянул, как только заглянул в меню – но заказал паровую стерлядь и полубутылку Рислинга. Надворный советник, менее искушенный в кулинарии, спросил, не найдется ли тарелки борща и водки.

Официант едва заметно улыбнулся, хотя улыбкой это назвать трудно: он как-то снисходительно скривил уголок рта, но тотчас же исправился. Только выучка не позволила ему соорудить презрительную гримасу: после стерляди на пару под Рислинг – и вдруг борщ с водкой. Это ли не оскорбление высокой кухни?

– Борща сегодня не имеем, – аккуратно и твердо ответил он, чтобы не ставить гостя в неудобное положение.

– А что из супов есть? Вот этот... – Владимир Алексеевич показал пальцем в меню, – «Претаньер» – это что?

– Суп мясной с обилием овощей различного рода: репы, моркови, спаржи белой, картофеля свежего урожая...

– Хорошо, давайте его. И рюмку водки.

Официант повернулся к свидетелю, посмотрел на потертый сюртук и суховаато спросил: «Что прикажете вам подать?»

– Я? – поднял на него глаза Васильевский. – Я даже не знаю... Я никогда не пробовал... – он снова пару секунд смотрел в меню, а потом умоляюще взглянул на Каменева. Тот понял ситуацию и взял слово:

– Нам на двоих бутылку «Империаль» от «Моэт-Шандона», тарелку Бри и по порции «Персик Мельба». Только обойдитесь без фигуры из льда – просто в креманках.

Официант не ушел и не убежал на кухню. Нет, пятилетняя выучка персонала в «Кюба» дорогого стоит – он как Сильфида незаметно и почти бесшумно упорхнул на кухню. Кто-нибудь сказал бы, что в своем искусстве перемещаться по залу он не уступает Марии Тальони. Впрочем, это сравнение хромает: любители балета с гневом отвергли бы его, отдав предпочтение великой балерине, а завсегдатаи «Кюба» были бы на стороне официанта.

– Итак, вы только что – от нас – узнали о смерти Дмитрия Павловича? – начал допрос Филимонов.

– Не совсем, ваше высочородие, – ответил Виктор. – О смерти кузена я узнал от нашего камердинера. Но об обстоятельствах трагедии я не знаю до сих пор. Что же случилось? Когда?

Уваров в нескольких словах сообщил в общих чертах о преступлении, умолчав только об одном – что это было двойное убийство.

– Да... – протянул Виктор. – Но позвольте – как он там оказался? Что касается бутылки шампанского, тут я вопросов не имею: мой кузен, он любил выпить. Но место? Пил много, но всегда в заведениях или дома. Мог он идти из какого-нибудь ресторана в другой?

– По всей видимости, нет, – ответил сыщик. – Он был абсолютно трезв, судя по экспертизе. Да и ресторанов поблизости от места преступления как-то не было.

– Странно... Это очень странно, господа. Чтобы Дмитрий Павлович был трезвым?

– Очень странно, – подтвердил Уваров. – Но он явно намеревался выпить – иначе зачем ему при себе бутылка шампанского?

– Ладно, это мы сейчас выясняем... – перешел к следующему вопросу Филимонов. – лучше скажите: кто бы мог хотеть смерти Дмитрию Павловичу? Кто бы выиграл от его смерти?

Виктор Васильевич склонил голову и уставился в креманку с «Персик Мельба». Статский советник уже хотел прервать эту мхатовскую паузу, спросить, понятен ли вопрос, но Васильевский вскинул голову и довольно отчетливо заявил: «Трое».

– Можете назвать этих троих?

– Конечно, – ответил свидетель и поспешил добавить, что имел в виду тех, кто действительно имел серьезный мотив для убийства. Просто дать пощечину могла бы половина Петербурга. Убийство с целью ограбления, учитывая сумму, всегда находившуюся в бумажнике Васильевского, могла совершить вторая половина. – Первым подозреваемым я бы назвал Званцева...

Сыщики так переглянулись, что свидетель невольно прервался.

– Что-то не так?

– Но он же с вами позавчера в опере был? – задал вопрос Филимонов. Это был единственный вопрос, который не давал раньше времени понять, что произошло двойное убийство.

– О, да вы все знаете! – развел руками Васильевский. – А я-то думал, что-нибудь придется рассказывать. Верно, были Званцевы, покойный Дмитрий Павлович и я.

– Почему Званцев мог хотеть смерти вашего кузена?

– Ну тут лучше спросить у него самого, я только в общих чертах знаю эту историю. И прошу вас – не распространяйтесь о ней особенно, вы поймете, почему. Дмитрий Павлович был большим любителем до женского общества. Вы, надеюсь, понимаете, что я имею в виду? И для вас это, вероятно, уже не секрет?

Сыщики кивнули. Это не было тайной не только для Сысского управления, которому по профилю работы положено узнавать секреты: в курсе был весь светский Петербург.

– И при чем тут Званцев? – спросил Уваров.

– Насколько я знаю, кузен соблазнил его невесту, – рукой, дрожащей еще пока что от волнения, а не от шампанского, он налил себе в бокал очередную порцию. – Потом, разумеется, бросил ее – но история всплыла, ее как смогли замяли... Они все равно сыграли свадьбу, но...

– Что «но»?

– Ну, как сказать? Понимаете, их отношения, кажется, несколько поостыли. Трудно было бы ожидать чего-то другого, но... В общем, вот так дела обстояли. Это, пожалуй, все, что я знаю – если говорить о фактах. Домыслить я могу что угодно, но вас ведь это не интересует?

Филимонов хотел задать еще один вопрос – слышал ли свидетель, чтобы Званцев угрожал Дмитрию Павловичу. Но сыщик не успел открыть рот, чтобы спросить, как сам свидетель на него ответил: не угрожал. Совершенно не в его стиле – он хороший добрый мальчик – но очень мягкий человек.

– Ясно, – ответил Антон Карлович. – Кто второй?

– Князь Гагаринский. Кузен проиграл ему в карты приличную сумму и не пожелал расплачиваться.

– И только? – удивился Уваров, отпрянув от вкуснейшего «Претаньяра». – Из-за этого убивать?

– Не только. Неприятно, в высшей степени неприятно это говорить, – продолжил Васильевский. – Но Дмитрий Павлович ославил его на весь Петербург как шулера. Я не знаю, справедливо ли было это обвинение или нет, у его сиятельства не вполне безупречная репутация... Но впервые это в свете озвучил именно мой кузен. У него, знаете ли, что на уме, то на языке. За партией случился скандал: Гагаринский выложил трефового короля, а Дмитрий Павлович возьми, да и скажи: король-то вышел!

– Имя князя знаете? – надворный советник вытащил «Уотерман».

– Сергей Сергеевич. А что? – спросил он, опрокидывая очередной бокал шампанского.

– Ничего, продолжайте, – буркнул Уваров, не отрываясь от блокнота, куда заканчивал писать ответ.

– Да продолжать особенно и нечего. Тот вскочил из-за стола, опрокинул его и рванул к стене. Все как-то не придали этому значения – думали, он в другую комнату хотел выбежать – а он схватил со стены саблю и бегал за кузеном, желая порубить его на куски. Игроки, конечно, взяли его под руки, выхватили саблю – но как знать, вдруг вспомнилось... Тут мотив, конечно, совсем другой, чем у Званцева.

Васильевскому налили очередной бокал шампанского, от которого он не только не хмелел, но, кажется, даже стал излагать мысли еще отчетливее, чем без него.

– Как полагаете – он имел больше оснований желать смерти Дмитрия Павловича? – осведомился Филимонов.

– Не знаю... – протянул Виктор Васильевич. – Нет такого эталона в палате мер и весов, чтобы измерять ненависть. Может быть, что Званцев имеет больший мотив – все-таки дело касалось не только его чести, но и его супруги. Другое дело, что он мягкий, покладистый человек. А Гагаринский, напротив, вспыльчив: в состоянии аффекта мог и убить. Не знаю, честное слово. Я бы предположил, что одинаковой силы мотивы. В отличие от третьего, кстати – у него оснований желать смерти было куда как больше...

– И кто третий?

– Не буду от вас ничего скрывать, скажу откровенно: это я.

Глава 8

Сыщики, в общем, не удивились подобному заявлению: слишком часто виновный на первом же допросе заявлял, что имел мотив совершить преступление. Такому преступнику нельзя

отказать в уме: по крайней мере, эта стратегия лучше, чем отрицать очевидное или надеяться, что ничего не вскроется.

– Вы ненавидели кузена? – поинтересовался Уваров.

– Зачем же? Мы были в нормальных отношениях.

– Нет, речь не о том, ругались вы или нет. Речь о внутреннем ощущении, понимаете? – надворный советник попытался объяснить вопрос. – О том, как вы относились к убитому, когда вокруг никого не было, не на публику.

– Понимаю. Но и вы поймите, – сказал свидетель. – При всем желании вы не сможете проверить мои слова. Как вы сможете сказать, любил я кузена или ненавидел, если будете опираться лишь на мои показания? Это, впрочем, неважно. – Он махнул рукой и на секунду замолчал. – Дмитрий Павлович был очаровательным человеком, талантливым до невероятности. Я читал некоторые его сочинения и уверенно говорю: история, литература, музыка потеряли большой талант.

– У него в комнате мы нашли очерк по нецензурной поэзии... – вставил Филимонов.

– Да, Митя был большим знатоком неприличных сочинений. Но видите ли в чем дело: талант – не защита от пороков. Слишком часто талантливый человек – раб своего гения. Тот управляет человеком как захочет, как обычный человек властвует пальцами рук. Можно восхищаться талантом и...

– Завидовать? – перебил его Уваров.

– Нет, не завидовать, – улыбнулся тот. – Я не претендую на роль Сальери, который травит гения. Я говорю честно, что не одарен в той же степени, как Дмитрий Павлович. Но в таланте я ему не завидовал, тут вопрос другой...

– Ревность? Мечь? – предположили по очереди сыщики.

– О нет, все куда как прозаичнее: денежный вопрос. Вернее, вопрос о богатом наследнике – моем кузене – и бедном родственнике. Это, как вы догадались, я.

– Вы, князь Васильевский? – и вдруг бедный родственник? – удивился Филимонов.

– Да, представьте себе – неимущий, – вновь улыбнулся Виктор и осушил очередной бокал. – Мой покойный отец часто играл на бирже и, в конечном счете, доигрался до того, что состояния младшей ветви Васильевских как ни бывало. Единственное мое богатство – мой ум. Только благодаря ему я служу у Павла Андреевича секретарем. Неформально, разумеется – с княжеским титулом служить в секретарях негоже, но голодать еще хуже. Двести рублей в месяц – это сумма для такой должности не просто порядочная, огромная. Но она – ничто по сравнению с состоянием Васильевских.

– То есть ваш мотив – деньги? – уточнил Уваров.

– Совершенно верно, – кивнул Васильевский. – Давайте на минуту предположим, что я каким-то образом убиваю Дмитрия Павловича. Тогда после смерти дяди я получаю громадное состояние.

– Если только он не женится или не оставит завещания, где передаст все кому-то третьему.

– По завещанию... поскольку я веду все дела Павла Андреевича, я в курсе его завещания: там нет ничего такого. Кроме того, наше законодательство позволяет наследовать родовые имения по закону первых очередей, так что в отсутствие прямого наследника я должен буду получить как минимум поместья. Мне, конечно, невыгодно, чтобы дядя женился – но даже в этом случае я получаю очень солидный капитал, вот уж поверьте. До конца жизни хватит, даже если не экономить. Если же он не женится, то я остаюсь единственным наследником.

– О какой сумме идет речь?

– Боюсь, точной цифры не скажу.

– А приблизительно? Тысячи, десятки тысяч, сотни?

– Десятки миллионов рублей, – ответил Виктор и, достав записную книжку, несколько секунд что-то изучал. – Нет, с ходу точнее сказать не смогу, но этого и не требуется, порядок величин вы понимаете. Даже если я ошибся и преувеличил в сто раз, наследство остается огромным: это сумма баснословная для кого угодно, не только для меня. Так что я для вас идеальный подозреваемый.

Обычно странно слышать от человека речь, которая может в самом недалеком будущем посадить его лет на десять. Все-таки людям присущ некий инстинкт самосохранения – и как только

речь заходит о темах, обсуждать которые чревато, он бьет во все колокола. Не задумываясь о последствиях говорят смельчаки, нигилисты да те еще, кто говорит что требуется.

– Знаете, создается ощущение, что вы сами на себя наговариваете. Или – простите, конечно – стараетесь отвести от себя подозрения мнимой честностью, – оценил откровенность Васильевского Антон Карлович. – Так часто говорят, когда действительно совершили преступление...

– Чтобы выглядеть в глазах следователя невиновным? Понимаю, не дурак. Но вы в любом случае это узнаете. Лучше, если я сам откровенно обо всем расскажу, а там уж проверяйте сколько вздумается.

– Еще вопрос...

– Буквально секунду, – перебил свидетель. – Я должен сказать еще одну вещь для понимания ситуации. Деньги – не единственный мой мотив. Получение наследства позволило бы мне моментально выйти в свет. Сейчас я секретарь – хоть и с княжеским титулом – а состояние Павла Андреевича тут же превратило бы меня в богатого жениха и желанного гостя на любом приеме. Положение в обществе и слава – это ли не мотив? Какой у вас следующий вопрос?

– Вы не знаете, почему ушли Званцевы? – спросил Уваров.

– Куда ушли?

– После третьего акта.

– А, из ложи? Нет, не знаю: ни словом, ни жестом они об этом не обмолвились. Лучше спросите у них.

– Кто-нибудь заходил в ложу? Передавал письмо, записку?

– Нет, вот тут уверенно могу сказать – никто не заходил, писем не было. Только шампанское принесли – но это после второго акта.

– Ясно, последний вопрос: куда вы направились после оперы?

– Мы с Митей заглянули в ресторан. Он взял бокал «Шато-Марго», а я, по понятным причинам, ограничился недорогим Рислингом.

– Дальше...

– Дальше? – смутился Виктор. – Дальше мы взяли еще... Я, право же, весьма смутно помню этот момент. Видите ли, в опере мы выпили по паре бокалов шампанского под легкую закуску, потом этот Рислинг... Я, кажется, пошел пройтись на свежем воздухе. Да, я довольно долго гулял где-то вдоль каналов. Потом под утро вернулся пешком домой и упал в кровать. Отсыпался примерно до полудня, дальше занялся поручениями князя – и вот застал вас. В общем, так себе алиби.

Уваров густо покраснел, вспомнив, что не далее как вчера сам невольно обеспечил себе такое «алиби» перед начальством. Надо было что-то сказать или спросить, поскольку пунцовая краска на лице становилась все более заметной.

– А Дмитрий Павлович?

– Он выпил свой бокал, потом еще один и... Знаете, я не заметил. Пошел домой, наверное – или продолжил гулять.

– Пошел или поехал?

– Не могу ручаться, не видел. – Видно было, что Васильевский хочет сказать еще что-то, но то ли боится, то ли подбирает нужные слова. Он уже открыл рот, но воспользовался им не так, как ждали сыщики – просто допил бокал шампанского, и снова приготовился говорить.

– Ну давайте, решайтесь уже! – ткнул его Уваров. – Что там такое?

– У меня в связи с этим делом к вам просьба, господа. Понимаю, что не имею на это законных прав, но я бы очень просил вас... Вы, вероятно, будете опрашивать всех, кто прямо или косвенно связан с этим делом? Я бы очень просил вести допрос Эльзы тактично, насколько это возможно. Она и без того пережила многое, а эта новость ее шокирует.

– Эльза – это...

– Это та самая несчастная супруга, которая поддалась чарам кузена.

– Не переживайте, мы будем предельно вежливы и... – начал статский советник и остановился на полуслове. – Подождите, я не сразу сообразил. Алексей ведь не был женат?

– Вы про Званцева? Да, Леша не женат. А почему был? Эльза – это супруга Михаила, его брата.

– Алексея убили вместе с вашим кузеном.

– Алексея? – выпучил глаза свидетель. – Простите, вы не ошиблись? Его решительно никто не мог убить, он же совершенно безобидный человек. Работает по ученой части в Министерстве народного просвещения, занимается разработкой учебных пособий.

– Никого не подсидел на службе?

– Да господь с вами, нет – наоборот от повышения отказывался.

– Трудно поверить.

– Вы его просто не знаете. То есть, не знали. Он помогал всем, кому мог – мне с магистерской диссертацией... Хотя я ему – никто. И ни копейки не попросил. Бывал вспыльчив, но только если был повод – он не терпел несправедливостей, заступался за всех. Знаете, это мало про кого можно сказать, но у него не было врагов. Даже если ссорился с кем-то, его все равно уважали за честность, принципиальность.

– А с кем он ссорился в последнее время?

– Ссорился? Так, чтобы потом не помириться? Затрудняюсь сказать... хотя... Не очень хорошо знаю это дело, но был прецедент с неделю назад, Алексей тогда был кем-то вроде оппонента на защите диссертации и он резко высказался.

– По выводам? – уточнил Филимонов.

– По тому, что в диссертации, говоря языком науки, было множество некорректных заимствований.

– Плагиат?

– В науке не очень любят это слово, но по сути вы правы.

– Кто защищался знаете?

– Нет, Алексей промежду делом рассказал эту историю. Просто возмущался, что какой-то человек хочет пробиться в науку – а ему там делать нечего. Но имен не упоминал. Просто сказал... секунду буквально, я даже вспомню дословно, как он говорил...

Он побарабанил пальцами по столу и к нему моментально подлетел официант: «Еще что-нибудь желаете?» Васильевский страшно занервничал, что отвлек этим жестом человека от работы.

– Нет-нет, благодарю вас. Простите, я случайно, привычка, знаете ли. Простите, что побеспокоил. Так вот, Леша закончил речь такой формулировкой: «Итак, дамы и господа, эта работа совершенно превосходна как хрестоматия – то есть набор чужих цитат, но как диссертация она не имеет права на существование». Не знаю, поможет ли это в поиске, но больше мне ничего не известно.

На этом допрос завершился. Уваров закончил уплетать «Претаньер», Каменев разлил остатки шампанского по бокалам.

– Вы доберетесь до дома сами? – спросил тенор. – А то шампанское – штука коварная. Когда я впервые его попробовал после дебюта...

Впрочем, уголовному делу о двойном убийстве совершенно все равно, как профессор музыки впервые выпил пару рюмок шампанского после триумфа в «Пуританах», и что в результате этого произошло.

– Ну, это уже кое-что, – постучал по блокноту Уваров, когда свидетель, слегка качаясь, вышел из зала. – Кажется, есть с чего начать. Не слишком много, но...

– Но прежде любых гипотез – к Званцеву. Николай, с нами?

Тот хотел ехать, но когда вынул из кармана жилета часы, начал сокрушаться, что к Званцеву никак не попадет. Дело в том, что ему жизненно важно было присутствовать на репетиции «Отелло»: двое его студентов принимали участие в спектакле, их надо было проверить и поддержать.

Казалось бы, ну очередной спектакль, все всё выучили – зачем же лично присутствовать? Но случай был необычным.

– Видите ли, из Турина приехал Таманьо – тот самый Таманьо, который вместе с Морелем пел на премьере «Отелло» восемь лет назад. Он однажды приезжал в Москву, и я попал на него. Это неопишимо!

Далее последовал монолог о том, что такой стихийной силы голоса сейчас нет ни у кого другого, что только Тамберлик и Дюпре могли бы с ним соревноваться. Продолжалось все

воспоминаниями о московском дебюте – как в Большом театре Таманьо, подобно трубе Иерихона, выдал первую фразу, от которой сбился оркестр, а часть публики упала в обморок.

– Я выступал с ним три раза: он пел в «Дочери кардинала» заглавную партию, а я Леопольда. Совсем молодой был, голос у меня тогда был еще легким. Это потом я героические партии смог петь. Хотелось бы еще раз повидаться...

Все согласились, что это редкостный талант и профессору жизненно необходимо быть на репетиции и снова повидаться с маэстро. Когда же его уверили, что искусство требует жертв, а следствие по делу не пострадает, что всю информацию от Званцева непременно ему передадут, тогда монолог наконец-то прекратился.

Глава 9

Нет нужды в деталях говорить о том, как прошла воскресная репетиция. Таманьо оглушал, сверкал верхними нотами и по всей видимости был слышен за стенами театра. Ученики Каменева, впрочем, не подвели учителя – и даже по-крестьянски скуповатый туринец отвесил: «*Sta bene, amici*» – «Хорошо, друзья».

Утро понедельника встретило Николая Константиновича в лице одного из управляющих консерватории. Тот стоял у лестницы, окруженный роем профессоров, и что-то говорил, потом разводил руками, потом снова начинал говорить. Увидев Каменева, он бросился к нему, но не стал упрекать в очередном опоздании, а просто крикнул: «Господин профессор, беда!»

Тот склонил голову: «Что случилось? Лабинский сорвал голос?» Оказалось, что все не настолько плохо: студенты объявили забастовку.

– По какому поводу, позвольте поинтересоваться? – даже поверхностные знания тенора обо всем, что не касалось музыки, включали определение слова «забастовка».

– Не знаем, кто их разберет. С профессорами говорить отказываются, требований пока не выдвигают. Пробовали читать лекции – свистят, шумят... – фыркнул управляющий и принялся гладить бороду. – В мои времена, знаете ли, их бы всех на гауптвахту отправили, месяца, эдак, на три. А заводил – в Сибирь, непременно в Сибирь. И сидели бы там, голубчики, до полного созревания. Нет, сейчас, видите ли, времена другие – либеральничаем, переговоры ведем... Да... надо жандармов вызвать, – промежду делом добавил он и снова обратился к Каменеву. – Николай Константинович, сегодня, как понимаете, лекций не будет по независящим причинам, так что можете идти домой. Но опоздание я вам сегодняшнее все равно запишу.

«Вы позволите, я зайду все-таки к ним?» – спросил профессор. Управляющий пожал плечами: воля ваша, пожалуйста – попробуйте. Толку будет ноль: к ним все ходили – декан, ректор, сам управляющий...

Каменев взбежал по лестнице и нервно глянул по сторонам. Двери аудиторий были закрыты, но из-за них все равно был слышен слившийся воедино недовольный гул. Он дошел до 207-й аудитории и открыл дверь.

В классе было непривычно шумно: студенты переговаривались, иногда перекрикивались, а в остальное время слушали баритона. Тот, забравшись на профессорскую кафедру, говорил не то о революции, не то о социальной справедливости, не то одновременно обо всем. На появление преподавателя, разумеется, никто не отреагировал.

– Кто главный? – громыхнул металлический голос тенора. – Или у вас демократия, главных нет?

– И вас послали, профессор? – разочарованно спросил баритон с кафедры. – Только напрасно: забастовку мы не прекратим, пока...

– То, что вы ее не прекратите, – без проблем заглушил начинающего певца многоопытный, – это и так понятно. Это понимает даже наш управляющий – человек ума... сделаем ему комплимент – небольшого. Я пришел по своей инициативе.

– Николай Константинович, мы бастуем. Лекцию вы, конечно, можете провести, но слушать вас мы не будем. Так не напрягайте горло.

– Не собираюсь, – ответил он. – На сцене не форсировал, и здесь не буду. То, что читать лекцию – дело пустое, это тоже понятно и мне, и вам. Я по другому поводу.

– Хотите присоединиться? – намеренно искажив голос, спросил кто-то с «камчатки».

В этот момент можно было наблюдать явление, которое встречается в природе почти так же редко, как прохождение Венеры по диску Солнца или пролет кометы Галлея – тенор потерял дар речи. А голос с «камчатки» был неумолим:

– Вам какая партия ближе? – марксистов или манчестерцев?

Наконец профессор нашелся, как точнее выразить свою позицию на этот счет: «Знаете... для меня эти вопросы никогда не представляли интереса».

– А что же представляло? Кто завтра будет в «Риголетто» петь – Баттистини или Кашманн?

– Совершенно справедливо. Вы знаете, обсуждения заслуживают те вещи, о которых можно говорить и всерьез, и шутя. Про музыку можно говорить как угодно. А вот тем материям, которые вы обсуждаете, не подходит ни тот, ни другой стиль. Шутить о политике, конечно, слишком легкомысленно – но воспринимать ее всерьез?

Собрание вновь зашумело, уже несколько осуждающе.

– Так к кому обратиться, чтобы дали слово? Кто секретарь стачечного комитета?

– Я! – пискнула со второго ряда миниатюрная Анечка Ливина, колоратурное сопрано.

– Анна Николаевна, все революционеры – это героические теноры или баритоны. Сопрано – это партии их возлюбленных. Так кто ответственный секретарь?

С кафедры медленно сошел баритон и мрачно отпустил: «Я». «Вот и прекрасно, – ответил профессор. – Тогда я прошу слова». Баритон поморщился, но слово дал. Каменев взошел на кафедру и уточнил регламент с тем условием, что не будут перебивать – ему дали три минуты.

– Дамы и господа студенты! Я не могу сказать, что вполне понимаю ваши мотивы, но они должны быть для вас весьма существенными, раз вы решились на забастовку. Вы прекрасно понимаете, чем это грозит вам, но все же принципы, которые намерены отстаивать, цените выше собственных интересов. Это нельзя не признать и нельзя не уважать как минимум вашу смелость.

Сегодня мы должны были проходить с вами историю «Севильского цирюльника». Точнее сказать, оперу Россини с таким названием, поскольку этот сюжет неоднократно ложился в основу музыкальных комедий. Паизиелло, Россини и даль'Арджине – вот три композитора, которых можно выделить особенно, все они написали своего *Il barbiere di Siviglia*. Первого из них почти не вспоминают, третий – совершенно забыт. Второй же блистает ярчайшей звездой в истории музыки и представляет собой, возможно, величайшую комическую оперу из всех, которые были написаны. Рассматривать шедевр Россини мы с вами сегодня не можем – и о причинах этого вы знаете несравнимо больше меня. Но также вы знаете, что всякий баритон поет каватину Фигаро, каждый лирический тенор имеет в репертуаре Альмавиву, и нет такого колоратурного сопрано, которая не пела бы Розину.

Вы вольны объявлять забастовку или даже не посещать наши занятия – в этом никто не может вам помешать. Однако довожу до вашего сведения, что забастовка – не повод на экзамене отказаться отвечать по билету. Поэтому прошу вас пройти самостоятельно эту тему по следующим учебным пособиям...

Он перечислил десяток книг, отметил, что клавиш желательнее, а либретто просто необходимо знать наизусть и, слегка кивнув на прощание, вышел из класса. Он направился в Мариинский театр, где должна была закончиться утренняя репетиция. Впрочем, музыкальная составляющая его заботила мало, что казалось невероятным.

Над красными кирпичными фабричными зданиями напряженно зависла грозовая туча. Шли секунды, складывались в летящие одну за другой минуты, туча уверенно шла к центру, а ливня все не было. Где-то вдалеке тусклым светом пробежала молния и едва слышным ударом литавр долетел гром. Столичные дамы, вышедшие на променады с зонтиками от солнца, поспешили домой. Не обращая внимания ни на спешащих домой пешеходов, ни даже на частые вспышки молний, Каменев шел в Мариинский театр на встречу. «Надеюсь, хотя бы они не бастуют...» – пронеслось у него в голове.

Ему повезло и не повезло одновременно: утренняя репетиция была в самом разгаре, но час или чуть больше пришлось выслушивать то, что автор представил в дирекцию как «музыку». Наконец в третьем акте главного героя убили («и поделом ему – с таким-то голосом», подумал Каменев), а сопрано отравилась, не в силах вынести последней ноты тенора. Прозвучал финальный аккорд, и господа артисты стали медленно расходиться. Поскольку репетировали какую-то третьесортную ерунду, лучшие моменты не повторяли – за их отсутствием.

Каменев отправился в грим-уборную к той звезде, которую только называешь по имени, а собеседник подхватывает фамилию. Это не те нынешние звезды, чьи имена произносишь, а потом долго объясняешь, кто это такие и чем они изволят заниматься. Также она не была яркой кометой, которая сверкает сезон-другой, а потом столь же быстро угасает. Нет, это была звезда вековая, путеводная звезда для многих начинающих певцов.

Николай Константинович постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

– Нет, я слишком устала от восторгов, не сегодня, – прозвучало очаровательное, но действительно уставшее сопрано, даже не повернувшись на звук. – К тому же партия так неудобно написана...

– «Не откажите инвалиду – хочу я испытать, что скажет мне судьба...» – изображая скрипучий голос, процитировал тенор.

– Коля, как хорошо, что ты зашел! – теперь она быстро повернулась и бросилась к нему. Тот обнял и поцеловал ее в щеку: «Здравствуй, Женя».

Это была знаменитая красавица Евгения Нравина – обладательница великолепного серебристого голоса, по праву считавшаяся первым сопрано Мариинского театра с самого дня своего дебюта.

– Ты слышал, в какой пошлости приходится иногда выступать? Тенора закололи кинжалом, а его возлюбленная немедленно после этого травится. Это сто раз уже написано. Если бы это был Доницетти или Верди – другое дело. А тут какой-то очередной граф решил, что у него большой талант и протолкнул свое сочинение на императорскую оперу.

– А из приличного что-нибудь будет? – поинтересовался Каменев.

– Готовим «Ночь перед Рождеством» Римского-Корсакова. Я пою Оксану. Вообще, Николай! – почему ты так редко приходишь?

– Женя – ты же знаешь: у меня сердце, петь я много не могу. И потом, я преподаю в консерватории, частные уроки...

– И Вагнер... – закончила она.

– И Вагнер, – подтвердил Каменев.

– И сейчас пришел не просто так?

– Не просто... Помнишь, наверное, в пятницу шли «Гугеноты»?

– Каждый спектакль с Мазини – он незабываем, – ответила Нравина.

– Теперь представь себе... Только никому ни слова – это тайна следствия.

– Какого следствия? – спросила примадонна. В несколько минут Каменев рассказал Жене несколько деталей, которые знал о деле. – Понимаешь, в чем дело – двое из них ушли после третьего акта. Ты ведь понимаешь – это почти невозможно.

– Почему? Может, у них какое дело было? Или вызвали срочно – мало ли причин?

Каменев молча покивал головой. Причин действительно могло быть много, но чтобы ушли сразу двое? Какая причина могла подойти сразу для двоих?

– О причинах пусть беспокоится полиция. Меня интересует другое: было ли на спектакле что-нибудь подозрительное?

– Коля, а почему ты именно меня спрашиваешь? В пятницу театр был полон – спрашивай кого угодно.

– Нет, не кого угодно, – ответил Каменев.

То ли интуиция артиста, то ли логика преподавателя подсказывали ему очень верное решение: не надо опрашивать всех. Достаточно обратиться к тому, кто мог с наибольшей вероятностью что-то заметить.

Цепочка его рассуждений была проста, но непробиваема. Есть два основных варианта: Званцевы знали, что должны будут покинуть театр после третьего акта, либо же узнали об этом во время спектакля. Либо первое, либо второе.

Узнать об этом во время спектакля они не могли: по показаниям и Васильевского, и швейцара в секторе лож к ним никто не заходил. Приносили бутылку шампанского, закуски – и только. Вывод – они знали, что должны будут уйти до окончания еще до того, как переступили порог ложи. Тогда надо опрашивать свидетелей еще раз, верно?

Предположим, что они решили покинуть ложу в ходе спектакля. Например, вспомнили, что им куда-то срочно надо. Когда это могло произойти? Если бы это случилось в первом или во втором акте, то они бы ушли во время первого антракта. Получается, это было во время третьего акта... Теперь надо найти человека, который лучше всего в третьем акте «Гугенотов» видит ложу.

Опрашивать публику? Бесполезно – все смотрят на пышные декорации, все слушают богатую и невероятно театральную музыку Мейербера. Ох, эта музыка... Один раз ее послушаешь – и влюбишься в нее навечно.

– Между прочим, кроме «Гугенотов» ставят что-нибудь из большой оперы?

– Нет, только их...

– А ведь раньше любой порядочный театр не мог обойтись без пяти актов с балетом: Россини, Обер, Галеви, Мейербер...

– Новые веяния, Коля. Их заменил Вагнер.

– Прости великодушно, я знаю, как ты относишься к этому немцу – но сказать, что Мейербера заменил Вагнер – это примерно то же самое, что сказать, будто театр заменили музеем мадам Тюссо.

– Ты как всегда в остроумном расположении духа, – рассмеялась прима. – Как тогда, помнишь? К тебе пристал какой-то фанатичный вагнерианец: «У вашего любимого Мейербера перебор с театральностью». Как ты тогда встал на защиту своего кумира! – отреагировал молниеносно: как ты тогда сказал?

– Не поспоришь. Но давайте признаем: у всех композиторов с чем-то перебор. У Баха – перебор со сложностью, у Бетховена – с темпераментом, у Россини – с веселостью. У Мейербера, как вы справедливо заметили – с театральностью. Что до Вагнера – у него вообще перебор с количеством нот – какую партитуру ни возьми.

Хорошо, положим, что опрашивать надо не публику. Кого же тогда? Дирижера? Он стоит вполоборота к ложе – да и не до того ему. Оркестрантов? Нет, все заняты. Артистов на сцене? Да, их – но не всех подряд. Нужен артист, который постоянно находится на сцене, но мало поет. А что ему тогда делать? Правильно, смотреть в зал. Идеально подходит исполнительница Маргариты де Валуа – в конце третьего акта королева Марго должна стоять на сцене и ждать, пока все поздравят Валентину де Сен-Бри и ее нелюбимого супруга графа Невера со свадьбой. В тот вечер Маргариту де Валуа исполняла прекрасная Женя Нравина.

– Ну, если ты полагаешь, что я – идеальный свидетель... – улыбнулась певица, – что с тобой поделаться, спрашивай.

Они дошли до опустевшей сцены. Нравина прилегла на диван, рядом профессор опустился в средневековое кресло, которое не убрали после репетиции. – Из «Риголетто» декорация? А трещину так и не заделали...

– Я стояла в третьем акте вот здесь, – указала она жестом. – Как всегда, еще при тебе так было.

– Женечка, ты ведь все ложи знаешь, правда? Владельцы ведь не меняются? – Она кивнула. – Вот, скажем, кто бывает тут? – Каменев указал на ближайшую ложу бенуара со стороны виолончелей.

– Ну как не знать? Тут сидит старичок с супругой, он – вечно в орденах, она – по последней моде.

– Верно, еще при мне были, – кивнул тенор и повернувшись, показал на другую, интересующую его ложу. – А тут?

– Два молодых человека обычно бывают. Один – франт, всегда цветы кидает. Другой... его не знаю – скромный, небогатый, как будто камердинер первого.

– Тогда на спектакле в ложе было четверо?

– В пятницу? Да, вчетвером сидели. Эти двое как обычно, а других не знаю.

– Что-нибудь странное было? Не знаю, может он цветов не кидал?

– Кидал, как обычно – в самом конце второго акта, после верхнего «до».

– А в конце третьего акта?

– Знаешь, вот ты сейчас сказал – и я вспомнила, – подняла голову певица. – Да, странно: они не аплодировали. Стояли, смотрели друг на друга, видимо, разговаривали о чем-то своем. На сцену – ноль внимания.

– А что говорили, не слышала?

– Николай, ставили «Гугенотов». Ты когда-нибудь за этой плотной оркестровкой что-нибудь слышал?

– Да, извини, – засмеялся Каменев, – глупость сморозил. А на поклоне перед антрактом?

– Коля, ты издеваешься...

– Самую малость, – улыбнулся тенор.

– Ну, я надеюсь, хоть чем-то помогла?

– Не представляешь себе, насколько. Видишь ли, я не понимаю нескольких вещей в этом деле...

– А полиция понимает?

– Полиция... Там работают грамотные люди – но... но...

– Они слишком грамотные?

– Именно! Понимаешь, они руководствуются какими-то вещами, к которым привыкли. Они не понимают, что не может театрал просто так уйти со спектакля. Тем более, если королеву Марго поешь ты.

– Ну польстил, польстил... Что еще не понимаешь?

– Много чего. Смотри сама: бутылка шампанского. Что она там делала? Вот представь: два человека пошли прогуляться, взяли с собой бутылочку «Вдовы Клико». Дошли до леса – и их там убили. Что это?

– Пикник?

– Не знаю, мне кажется, что нет. На пикнике была бы корзинка с едой – а то и не одна. И потом, у них чистые ботинки – точно приехали на извозчике. Куда он делся потом? Они могли просто доехать до места и отпустить извозчика, но это значило бы, что они, разодетые в пух и прах, в лакированных туфлях по последней моде собирались идти обратно пешком. Маловероятно...

– Согласна, – кивнула сопрано.

– Другой вариант: они приехали на извозчике и он их убил? Тогда в чем мотив? – ни следа ограбления. Что, извозчик мог так оголодать, что убил из-за двух корзинок с закусками, а они оказались столь мелочными, что под дулом пистолета не отдали их? Бред, полнейший бред! Тем более, что траектории выстрелов против такой гипотезы.

– А какие есть другие варианты? Что думает полиция?

– Полиция пока не делает никаких выводов. У них в ведомстве, видимо, полагают, что поспешный вывод – худшее из зол.

Они правы: отказаться от своего вывода очень сложно. Даже если видишь, что твой вывод неверный – что-то да тянет его использовать. Даже если появляются новые факты, скорее начинаешь сомневаться в них, искать подтверждение их неправдоподобия: «а откуда мы о них знаем? а можно ли им доверять? а не фальшивка ли это?» Вопросы, конечно, хорошие, если в них нет обвинительного уклона. А в таком случае он налицо.

Хуже того, если ничего не помогает и факт бесспорен – его пытаются как угодно прикрутить к своей теории. А когда таким способом прикручен первый факт, второй, третий – то как не прикрутить остальные? И чем дальше, тем сильнее нарастают искажения.

– И поэтому не делают выводов?

– Они – нет.

– А ты?

– У меня есть пара мыслей, но они из области бреда.

– Поделись. Может, и я чем окажусь полезна. С полицией сотрудничать – так себе удовольствие, но двое убитых... Что ты еще не понимаешь в этом деле?

– Легче сказать, что понимаю.

То, что они ушли со спектакля – половина дела... Да даже не половина, третья часть. Второй вопрос, мучивший Каменева: где они были после ухода из оперы? Скорее всего, они не были в кабаках – Званцев был практически непьющим, а Васильевский, как показало вскрытие,

совершенно трезв. При жизни с ним такое случалось крайне редко. Третий – каким образом они добрались до места убийства и что они там делали?

– Пока что я только предположу, что это не пикник.

– Ну почему? Они вполне могли устроить отдых на природе. Сейчас сентябрь, последние теплые дни года. А зимой на природе шампанского не выпить – не совсем то, что подойдет к морозу, – возразила Нравина. – Там красиво?

– Где?

– На месте преступления.

– Не очень понял вопрос.

– Ну, природа там красивая?

– Весьма, очень хороший пейзаж.

– Ну вот. Они приехали на извозчике, расположились – а тот их убил. Взял корзины с закусками, часть денег из портмоне. Часть – это чтобы не подумали на ограбление. Сколько у них было при себе, не видел?

– Краем глаза заметил в покойницкой. Рублей четыреста на двоих наберется.

– Четыреста рублей... Смотри, как тебе такой вариант? У одного из них абонемент в ложу бенуара на весь сезон. Получается, он как минимум очень состоятелен, скорее всего миллионщик или вроде того. Такой без тысячи рублей из дому не выйдет. Предположим, что у него была тысяча. Второй убитый победнее, но тоже не последний кусок хлеба доедает. Пусть у него будет в кармане четыреста. Тысячу рублей убийца берет себе, четыреста оставляет – и это гарантия, что не подумают на ограбление. Если это извозчик, то он получил деньги, которые лет на пять обеспечат ему нормальную жизнь.

– На восемь, – поправил Каменев. – Извозчик больше десяти рублей в месяц редко когда получает. Кстати, по поводу шампанского.

– А к нему все еще есть вопросы?

– К нему есть предложение. Женечка, как ты относишься к «Вдове Клико»?

– С почтением, – улыбнулась певица.

– То есть ты не против продолжить разговор в буфете за бокалом «вдовушки»?

Через пять минут золотистый «вкус звезд» разливался в высокие узкие бокалы, а к столику несли тарелку фруктов.

– За твой дебют, – поднял бокал Каменев, – будущая Оксана!

– За твой дебют как детектива, – ответила прима.

– Спасибо, – кивнул он и подцепил вилкой кусочек персика. – Не совсем дебют, правда – однажды я уже участвовал в расследовании. Буквально этой весной, когда ездил в Москву. Но это отдельная история, я, может быть, как-нибудь ее расскажу. А вот выступить в партии подозреваемого – это да, это впервые. Поистине, дебют! Кстати, возвращаясь к теории пикника – знаешь, почему она кажется мне сомнительной? Как раз из-за шампанского.

– Разве оно, напротив, не подтверждает?

– Спорный момент. Предположим, что это действительно был пикник. Что делает убийца? Он наносит пороховые следы на руки убитым, он не берет драгоценности, забирает только часть денег. Он берет корзины с закуской... Это умный, внимательный преступник, который не подставляет себя под удар. И тут же он не замечает бутылку шампанского, которая у него под носом? И потом, что насчет третьего тела? – оно было или нет?

– Полиция знает ответы на эти твои вопросы?

– Не знаю. Они говорят, что не понимают одного момента. Скорее всего какой-нибудь один момент они как раз понимают, а все остальное – нет.

– У тебя почти что наоборот. Но ты всякий раз как будто обо что-то спотыкаешься. Какая-то деталь, которую я не знаю?

– Не совсем деталь. Понимаешь...

Каменев рассказал все, что слышал около места преступления.

– Главное, чего я не понимаю – это последовательность выстрелов. Прозвучало три выстрела: первый – из какого-то, пока что неизвестного нам оружия. Не могу определить на слух. Второй – из того же самого оружия. Третий выстрел – из «Нагана» – это такой новый бельгийский револьвер. Убиты они, судя по всему, как раз из такого нагана. То есть что получается? – первый

выстрел их не убивает. Не убивает и второй – оружие другое. А третий должен был убить сразу двоих..

– Одним выстрелом – двух зайцев. Ведь пуля могла убить обоих?

– В том-то и дело, что не могла... Между убитыми было метров десять, пуля бы наверняка осталась в теле второго – так нет же, насквозь.

– Возможно, в патрон положили больше пороха?

– Даже если допустить это, все равно нет – стреляли с разных сторон. Полиция наверняка думает, что это какая-то банда, которая слева и справа двигалась им наперерез.

– Возможно, что тебе тут не нравится?

– Одно обстоятельство меня не устраивает: где четвертый выстрел? Первые два, вероятно, они сами произвели – нагар на руках.

– Почему сами? Могли подложить.

– Бессмысленно... Да даже если подложили, вопрос не снимается: невозможно тремя манипуляциями произвести четыре действия.

Прима задумалась, но не прошло и десяти секунд тишины, как она подняла по-птичьи голову и посмотрела на тенора.

– Николай, вот от кого-кого, а от тебя не ожидала.

– Ты знаешь ответ?

– Конечно, он на поверхности. Достаточно одного слова, чтобы ты схватился за голову и начал кричать «как же я сам не догадался».

– Такая уверенность... Полиция не догадалась, даже я не знаю, – он повертел в руках вилку, положил ее обратно на тарелку и принялся ломать заколку на галстук. – Ладно, сдаюсь – что за слово?

Нравина загадочно улыбнулась и негромко сказала: «контрапункт».

– Боже мой, какой я дурак! – схватился за голову профессор, чем обратил на себя внимание, должно быть, не менее трети всего театра. – Я сутки ломаю голову, а ты с первого слова все поняла. Женечка, ты чудо! Конечно же – «нота против ноты», одновременные события – ничто другое невозможно.

– Но мы решили одну проблему, теперь перед нами другая: нужно выяснить, какой из выстрелов оказался двойным.

– Вот тут как раз все ясно: последний был громче и будто бы с задержкой. Я думал, что это эхо – но нет, ты права: двойной выстрел.

– Не факт, Коля. Ты допустил, что было четыре выстрела – но их могло быть и пять, и шесть, если первые два также двойные.

– Позволь-позволь, ну это уже перебор. Я понимаю, случайно могут совпасть два выстрела так, что сольются в унисон. Но два раза подряд – а уж тем более три... Это невозможно.

– Маловероятно, но возможно. И потом: почему ты решил, что они совпали случайно? Может быть, все три раза выстрелы производились одновременно не случайно, а с умыслом? Что касается невозможного – это чтобы тенор не фальшивил. Прости, Коля – даже ты со своим слухом пару раз ошибался. Все, я побежала! – завтра еще одна репетиция будет, а с тобой шампанского можно ящик выпить. До встречи! Заходи почаще!

Она чмокнула его в щеку и быстро выбежала из буфета. Он все слышал, все записал в свою нестираемую память, однако ни словом, ни жестом не попрощался. Нравина не обиделась – так заканчивалась каждая вторая репетиция и едва ли не любая встреча с тенором: он сидел в буфете, тупо смотрел куда-то вдаль и машинально дул шампанское.

Глава 10

Когда сыщики пришли в воскресенье к Званцевым, камердинер сообщил: барина Петра Казимировича нет, Михаила Петровича тоже, и барышня отсутствует. С утра уехали, куда –

неизвестно. Всем приходящим приказано отвечать, что будут во вторник. А Алексей Петрович еще с пятницы не появлялся.

Остаток воскресенья сыщики употребили на изучение показаний извозчиков, где подтвердились слова тенора: номер 01–11 действительно вез Каменева, причем по дороге еще останавливался у магазина.

– Теперь Николая можно официально освободить от всяких подозрений по этому делу, – заключил Филимонов. – Главное только ему об этом не говорить.

Что касается убитых, никто из кучеров утром субботы их не видел, не подвозил, не убивал. По крайней мере, так они заявляли.

Понедельник у сыщиков прошел скучно: пришел подробный отчет от медика, который не дал решительно ничего нового, и анализ крови. Действительно, на всех трех участках с примятой травой были следы крови – но сказать, у скольких лиц была кровопотеря, не представлялось возможным. Химия конца XIX века хоть и успела совершить выдающиеся открытия, но ее уровня для решения этого вопроса было пока недостаточно.

Уваров с Филимоновым сочли необходимым дать два ценных указания: выяснить, не было ли найдено в последнее время трупов в том районе и не было ли подозрительных обращений в больницы с огнестрельными ранениями. Сами они начали разрабатывать весьма любопытную и довольно перспективную версию – нападение бандитской шайки.

Логика подсказывает, что ничего иного и предполагать невозможно – за эту версию было три железных довода. Во-первых, сама местность, где совершили как минимум два убийства: это опушка находящаяся в удалении от города. Именно там могла скрываться шайка бандитов, промышляющая изъятием ценностей и жизней.

Во-вторых, положение тел явно свидетельствовало о двух или более преступниках. Поскольку выстрелы были произведены с разных сторон с очень небольшой задержкой во времени, один убийца не успел бы повернуть это своими силами.

В-третьих, что самое главное: исчезнувший труп. Для его сокрытия необходимо несколько человек, поскольку в ином случае подозреваемым выступал бы еще малоизвестный тогда силач Иван Поддубный.

Допускали ли сыщики, что третьего трупа и вовсе не было? Такая мысль, разумеется, приходила им в голову, потому как ни на месте преступления, ни около него не было важнейшей улики – собственно, не было тела. Но что, в конечном счете, меняет эта оговорка? Она чуть корректирует ход событий, ничего не меняя принципиально – возможно, один из бандитов был ранен, но скрылся со своими поделниками. Именно поэтому часть личного состава полиции отправили на поиск тех банд, что промышляли в том районе – особенно интересовали сыщиков те шайки, в которых в последние дни появились раненые.

Во вторник, 17-го сентября утренняя лекция в консерватории все же состоялась. Чем закончилась для студентов забастовка – этого Каменев не знал, да и не особенно стремился узнавать. Главное, что все ученики были на месте, что за время бурных дебатов никто не сорвал себе голос и что зачинщиков не выслали административным порядком куда-нибудь в Сибирь. Два часа он рассказывал о жизни и творчестве Россини после премьеры «Цирюльника» и об итальянском дебюте в 1816 г. его будущего соперника – Джакомо Мейербера – с «Любовными проделками Теолинды» и первой его успешной оперой «Ромильда и Костанца» в следующем году.

После окончания лекции Каменев дошел до кабинета директора в новом здании консерватории.

– Юлий Иванович у себя? – спросил он секретаря.

– Юлий Иванович ушли в театр, на репетицию, – поднялся тот. Он хотел продолжить, что господин директор вернется никак не раньше, чем через полтора часа, но профессор не дал ему договорить.

– Это весьма кстати, я воспользуюсь его телефоном? – и, не дожидаясь ответа, прошмыгнул внутрь.

Сначала он позвонил домой статскому советнику, но, как выяснилось, тот куда-то уехал, а куда именно – никто не знает. Николай Константинович попытал счастья еще раз и попросил телефонистку связать с полицейским участком Уварова. Тот, как назло, уехал вместе с

Филимоновым буквально пять минут назад, и единственное, что оставил для связи – номер телефона в том доме, куда едет.

В третий раз поднял профессор трубку: «Барышня, будьте любезны – кому принадлежит номер... Главный консультант полицейского департамента Санкт-Петербурга профессор Каменев. Мне можно и нужно... Благодарю, можете подсказать адрес абонента?»

Выяснилось, что сыщики отправились в апартаменты Петра Казимировича Званцева, что располагались в доходном доме Брагина на Екатерингофском проспекте, буквально в пяти минутах ходьбы от консерватории. Тенор прикинул, что сыщикам туда добираться еще не меньше десяти минут и потому заглянул в консерваторскую библиотеку. Там он поразил служащего вопросом, нет ли у них в наличии Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.

– Не держим-с, – отвечал тот. – Оно ведь как: господа студенты – народ беспокойный, но все же не преступники.

– Жаль... – пропел тенор себе под нос. – Очень жаль. То есть, хорошо, конечно, что не преступники. Жаль только, что этой книги у нас нет. Не знаете, где найти поблизости?

Получив адрес ближайшего книжного, Каменев вышел из здания консерватории и, насвистывая «Маффю Орсини, синьора, пред вами», отправился за книгой. Магазин разочаровал его сразу трижды: это была какая-то старая лавка в подвальном помещении (раз), где не было вообще никакой музыкальной литературы (два) и Уголовного уложения (три). Весь репертуар этого, с позволения сказать, магазина состоял из пошлых любовных романов, криминальных историй в духе «Макарка-Душегуб» и подшивок «Гражданина» князя Мещерского – газеты, которую приличный человек возьмет в руки только в перчатках.

Где располагался другой книжный, профессору не сказали, и тот еще четверть часа слонялся по улицам, приставая с этим вопросом к прохожим. Магазин, наконец, нашелся – и это уже было что-то более приличное.

– Уголовное уложение... – начал профессор и тут же был перебит приказчиком.

– Какое пожелаете? Какая страна интересуется? Есть немецкое уложение, есть французское, английское, североамериканских штатов, в переводе, на языке оригинала. Кроме того, имеем ряд комментариев ведущих экспертов немецкой исторической школы касательно теории наказаний, а также...

– Наше, наше уголовное уложение – российское.

Приказчик поник, как будто бы рассчитывал, что перед ним преступник международного уровня, а оказалось к его разочарованию, что это наш – отечественный.

– Есть и такое, – просипел он. – Желаете ознакомиться?

Тенор кивнул и получил через минуту кирпич в 600 с лишним страниц. Он подозрительно осмотрел его и открыл на первой попавшейся странице. Текста было много – читать эту книжечку в магазине было неудобно и слишком долго. Профессор попросил завернуть фолиант с собой и даже мускул на лице не дрогнул у него, когда за Уложение запросили 17 рублей.

Выйдя из лавки, он никак не мог решить – отправиться ли сразу домой к Званцевым или сначала пристроиться куда-нибудь и начать погружение в мир разбойников и убийц. «Нет, сначала все-таки лучше к свидетелям, сначала...» – думал он, ускоряя шаг, но вдруг замер посреди улицы, как останавливается повозка, въехавшая в забор. Только когда кто-то из пешеходов попросил его посторониться, тенор очнулся и забежал в первую же попавшуюся ресторацию, заказал чашку кофе без молока и сахара и, приземлившись на кресло, начал рвать упаковку и листать оглавление. Найдя нужную статью, он по привычке потянул правую руку к галстуку: «В крепость... от четырех до восьми месяцев. Но этого же мало...»

Итак, в то же самое время, пока Николай Константинович читал в книжном магазине уголовное уложение, ломая очередную заколку, статский советник Филимонов вместе с надворным советником Уваровым и Виктором Васильевским ехали с печальной вестью к Званцеву. Зачем они захватили с собой свидетеля, в принципе, понятно: во-первых, надо сразу получить два мнения – и сразу видно во время разговора, где они не совпадают. Во-вторых, Виктор уже поделился частью информации, которую Михаил хотел бы, возможно, скрыть. Теперь – в присутствии второго участника событий – это было куда как сложнее сделать.

Старик Петр Казимирович был до того потрясен случившимся, что не смог и слова сказать, а только беззвучно, держась за грудь, опустился в кресло и совершенно побелел. Михаил – второй его сын – бросился к отцу с каким-то флаконом.

– Дигиталис, – пояснил он, когда едва живого старика Эльза, супруга Михаила, увела наверх. – У отца беда с сердцем, буквально каждый удар может стать последним. Врач выписал ему экстракт наперстянки для укрепления сердечной мышцы.

– Не опасаетесь? В больших дозах это опасный яд, который и медик-профессионал не всегда обнаружит... – спросил Уваров.

– Я в медицине разбираюсь ровно настолько, чтобы следовать указаниям врача. Если он выписал дигиталис – значит надо его давать отцу.

– Да, в малых дозах он хорошо помогает при сердечных болезнях, – заметил статский советник и попутно проверил, с собой ли у него аналогичный пузырек.

– Понимаю, насколько важно вам как можно раньше узнать все подробности этой трагедии, но, боюсь, я вынужден буду настаивать, чтобы вы допросили отца в другой раз, когда этот удар пройдет. Вы сами видели – он не вынесет допроса прямо сейчас.

– Разумеется, – ответил Филимонов. – Мы не хотели бы прибавлять к этому делу еще одну смерть. Но если вы не возражаете, вам мы бы хотели задать несколько вопросов прямо сейчас.

Михаил кивнул и предложил перейти в кабинет. Уваров тут же достал блокнот и карандаш – для торопливой, почти стенографической записи разговора его любимый «Уотерман» никак не годился. Быстрым бисерным почерком он записал первый вопрос:

– Итак, если я правильно понимаю, вечер вы провели вместе?

– Совершенно верно, – ответил Званцев. – Только, господа, прошу понять: я могу рассказать только то, что знаю – а знаю я немного.

– Вы планировали пойти в оперу вместе или это произошло случайно?

– Я никак не предполагал в тот день, что пойду в оперу. Не из тех, знаете ли, кто строит планы даже на сегодняшний вечер. Это Алексей предложил: давай, говорит, на «Гугенотов» сходим, Митя приглашает в свою ложу.

Уваров прислушался, нет ли поблизости стука каблуков: «Простите, но я обязан задать этот вопрос. Вы приняли приглашение от человека, который... практически украл у вас невесту?» Михаил тоже покосился на дверь:

– Представьте себе, принял. И будь Дмитрий Павлович сейчас жив, принял бы снова. Не потому, что он мне так нравится, вы правы – после произошедшего трудно было бы назвать наши отношения теплыми. Точнее, мое к нему отношение.

– А он что же? – спросил Филимонов.

– Он? – задумался Званцев. – Не думаю, что он поменял ко мне свое отношение. Не уверен даже, что он вспомнил бы – что это такое случилось, что я его невзлюбил. Но вы должны понимать, мы люди светские, что называется – и не вправе говорить в лицо все, что хотелось бы сказать. Представьте на секунду, я не то, что приказал бы выкинуть его из дверей – просто отказался бы принять приглашение в оперу. На следующий же день это стало бы известно всему Петербургу. Что дальше? Пошли бы слухи о причинах моего отказа, а их немного: тут же все вновь вспомнили бы историю с Эльзой. Она только что затихла, общество только что, кажется, поверило, что все это был скверный анекдот, фантазия. И вновь давать основания для пересудов? Нет, я берегу покой своей супруги, она и так многое пережила – зачем же проходить это еще раз?

– Понимаю, – процедил статский советник. – А Алексей? – он знал эту историю?

– Нет, разумеется. То есть он слышал все эти слухи – их все слышали, но мы заверили его, что это неправда. Если бы он узнал...

– Что было бы? – продолжил развивать тему Филимонов.

– Не знаю, – покачал головой Михаил. – Он был человек с характером.

– Итак, вы приняли приглашение. Что было далее?

– Алексей взял экипаж, мы отправились. Приехали мы... кажется, к началу первого акта.

– Да, как раз играли застольную песню в самом начале, – подтвердил Васильевский.

Одна из традиций оперного театра просвещенного XIX века – приезжать на любимого артиста, на любимую сцену или даже на одну ноту. Многие во времена Энрико Тамберлика приезжали к

концу третьего акта «Трубадура» с одной единственной целью: послушать его коронное *do di petto*².

– И Дмитрий Павлович, и вы, Виктор, – уже были там. Пели недурно, ничего не могу сказать: Мазини, Нравина... Невер – Баттистини был хорош. В первом антракте принесли бутылку Деламотт, к нему каких-то закусок.

Что там были за закуски и хорошим ли был коньяк, к делу совершенно не относилось. Зато относилось другое:

– А что было во время второго антракта?

– Во время второго – переспросил тот, потирая висок. – Позвольте, но это имеет какое-то отношение к смерти брата и Дмитрия Павловича?

– Пока не знаем определенно, но пытаемся выяснить.

– Что ж, постараюсь... Напомните пожалуйста: второй антракт – он после какого действия?

Теперь настал черед сыщиков морщить лоб и тереть виски: статский советник не был на «Гугенотах» лет десять. Сказать, во сколько раз надворный советник реже посещал эту оперу невозможно, потому как в гимназических классах запрещается деление на ноль. Впрочем, как раз он и разрешил этот вопрос, вспомнив лекцию консультанта:

– Если любовный дуэт идет в четвертом, то антракт, получается, после третьего.

– Точно, – подтвердил Васильевский. – Сразу после свадебного кортежа.

Званцев вновь погрузился в размышления – такие глубокие, словно он вспоминал события прошлой жизни, либо, как минимум, не выходил из Мариинки сутками подряд и за последнее время видел десяток этих спектаклей. Они должны были перепутаться в голове, и вычленив какой-то один стоило больших усилий.

– Это пятница, конец третьего акта... Да, припоминаю, – неуверенно начал он. – Его отыграли, мы с Васильевскими распрощались и поехали домой. Потом меня пригласили на вечер... Видите ли, я бы не хотел на этот счет особенно подробно распространяться – я могу подвести людей: там происходит то, что у нас не одобряется.

– Гомосексуализм? – чуть отпрянул Уваров.

– Что? – переспросил Званцев. – Это что такое, не слыхал прежде.

– Ну... – не зная, как сказать аккуратнее и не спугнуть свидетеля, продолжил сыщик. – Это, извольте видеть, не по нашей части – но в Уголовном уложении это то же, что содомия.

Теперь уже свидетелю пришла пора податься назад. Глаза его округлились до вида латунных пуговиц, а из рук едва не вылетел бокал с хересом.

– Что?! – выкрикнул он, но очень быстро погасил звук и совладал с собой, видимо, вспомнив о жене. – На самом деле нет, все гораздо хуже – марксизм.

– А это что такое? – испугался надворный советник. – Если, извиняюсь, оно еще хуже.

Филимонов прекратил этот обещавший быть интересным и познавательным, но совершенно бесцельный диалог. В двух словах он объяснил, что это экономическое учение, которое не в фаворе у властей – и потому не только сторонники, но даже простые любопытствующие вынуждены изучать его нелегально.

– У нас ничего криминального, ничего запрещенного, – зачастил Званцев. В этот раз мы читали «Капитал» – но он полностью легален, его издали еще в начале 70-х годов у нас – с разрешения цензурного комитета...

– Нас не интересуют политические разговоры, мы расследуем убийство. Что было дальше? Как долго вы там были?

– Не уверен, мы, кажется, довольно быстро разошлись.

– Вы вернулись домой?

– Нет, прежде заглянул в ресторан. В опере мы только выпили шампанского, на квартире при обсуждении был только чай... Я зашел в какое-то заведение неподалеку и заказал ужин.

– Вспомните, где это было? Не подумайте, что мы вас в чем-то... – начал Филимонов.

– Я понимаю, вам надо проверить все варианты. Чем меньше их останется, тем больше внимания вы сможете уделить нужным. Но, боюсь, я разочарую вас: на этой квартире я был впервые. Вернее сказать, кружок наш я посещаю регулярно, но тогда мы собрались на новой

² Грудное «до» (*итал.*)

квартире: прежде мне там бывать не доводилось, а хорошей памятью, как вы заметили, я не отличаюсь.

Сыщики начали терять всякую надежду узнать что-то полезное, но Званцев хлопнул себя по лбу: «У меня же счет остался, в пальто. Принесли его со сдачей – я так не глядя и сунул в карман. Буквально минуту, сейчас принесу».

Он тихо вышел из комнаты – настолько тихо, что даже заставляло подозревать, не собирается ли он подслушивать. Уваров открыл рот, но статский советник прервал первые же произнесенные звуки оглушительным кашлем и одновременно жестом показал: молчи! Тот кивнул и оставшееся вся время все сидели в тишине. Полминуты спустя в зал вернулся Михаил и вручил бумагу и деньги Филимонову:

– Не знаю, право же – поможет ли это хоть чем-то. Тут есть название: «Трактир купца Семенова» – но Семеновых у нас, сами понимаете...

Статский советник развернул счет и с нарастающим удивлением, переходящим в восхищение, начал читать вслух. Он периодически глядел на Михаила – человека среднего роста и телосложения – чтобы убедиться, нет ли тут ошибки: дюжина блинов с икрой и сметаной, еще половина такой же порции, две тарелки сборной солянки, порция антрекота, графин водки, три стакана чая и столько же эклеров. Такого посетителя, пожалуй, запомнит любой половой.

– Давали на чай?

– Да, оставил, помнится, трешку, – пересчитал деньги Званцев. – Шустрый малый попался, грех было не дать.

– А дальше?

– Дальше... Дальше, господа, не помню – уж простите. Должно быть домой отправился: поехал или пошел... Скорее, поехал – все-таки незнакомое место.

Открылась дверь и в ней появилась женская фигура, которую сыщики уже мельком видели, но особенно рассмотреть не успели. Это была Эльза – жена Михаила. Теперь, когда она никуда не торопилась, стало ясно, чем же она привлекла Дмитрия Павловича, отчего тот увлекся ею: высокая, стройная брюнетка с немного вьющимися, как штили у нот, волосами. Единственное, что... нет – не портило, а, может, лишь оттеняло ее безупречную красоту, были небольшие очки, разлегшиеся на тонком, словно выточенном из мрамора носу.

Она не успела ничего сказать, а муж не успел ее представить, когда у входной двери раздался звонок. Супруги переглянулись, то же сделали сыщики и свидетель.

– Я открою, – сказала она голосом аромата сандала и тут же вышла.

За дверью стоял довольно молодой еще человек в теплом пальто и, что уж совсем странно для сентября, в шарфе. На вполне закономерный вопрос, что ему, собственно, угодно, молодой человек ответил: ему угодно повидаться с господами сыщиками, которые отправились сюда. И с которыми, выделил он особенно, работает в качестве главного консультанта Санкт-Петербургского управления полиции по музыкальной части.

Титул, даже столь пафосный, особенного впечатления не произвел, хотя заставил хозяйку пригласить внутрь странного гостя.

– Как вас представить?

– Сообщите им пожалуйста, что пришел профессор Каменев – они поймут.

– Вы – профессор Каменев? Тот самый, легендарный?

Недовольный тем, что титул не произвел никакого впечатления, от последней реплики тенор растаял.

– По всей видимости, да, – ответил он. – Если вы о бывшем солисте Мариинского театра, то да – это я. Теперь – ординарный профессор консерватории и главный консультант...

– Как жаль, что вы не пели Лознгина! – перебила она. – Это было бы божественно. Представляю себе, как вы читаете лекции о Вагнере...

На полпути к залу, где собрались все, тенор встал телеграфным столбом, остановленный последним замечанием.

– Я не читаю лекций по Вагнеру, – сухо вато ответил он.

– Почему?

– Говоря откровенно, я его не выношу.

– Вы не любите Вагнера? Не может быть такого, чтобы серьезный музыкант его не любил, – удивленно воскликнула Эльза. – Но что в нем такого плохого? Его звучание, его эстетика...

– Он слишком серьезен, – ответил профессор. – Вам не кажется, что мы слишком много надежд возлагаем на искусство? Вся эта натуральная школа, реализм, музыкальная драма – в какой момент это стало доминировать? И ладно бы все это просто нашло свое место на сцене – но зачем громить все остальное как малохудожественное? Откуда этот фанатизм? Кому мешают большие оперы, веселые комедии и водевили? Мрачных драм и без того хватает в жизни, чтобы лицезреть их еще и на сцене. Тем более под этот скрежет... Говоря образно, развитие Вагнера как композитора совершенно похоже на вызревание хорошего вина. Молодое, брызжущее темпераментом в «Риенци» и «Летучем голландце», оно по мере выдержки в бочке становится полнотелым и элегантным в «Лоэнгрине» и «Тангейзере» и, наконец, превращается в уксус во всех поздних работах.

– Опять ваши фирменные остроты? Теперь понятно, кто наводнил ими Петербург. Вы бы попробовали это сказать самому Вагнеру, в лицо, – усмехнулась вагнерьянка.

Она оказалась права: не было еще случая, чтобы в начале лекции, чему бы она ни была посвящена, Каменев не сказал бы едкую фразу в адрес немецкого композитора. Счет им шел уже на сотни: «Не говорите мне ‘доброе утро’ следующие три месяца – я начал читать партитуру ‘Парсифаля’», «наибольшим успехом в ‘Гибели богов’ пользовался финал оперы – по причине его долгожданности» ...

– Остроты – вещь довольно безобидная. Над ними можно только посмеяться, а не подумать... Что до Вагнера, я с ним виделся однажды. И поверьте: сейчас я к нему отношусь лучше, чем тогда. А вы знаете, как я сейчас к нему отношусь.

– Вы с ним разговаривали?

– Да, двенадцать лет назад дело было, ему было под семьдесят.

– И разговор заладился?

– Вполне, – кивнул тенор. – Знаете, я ведь не отрицаю того, что это был крупный художник, я говорю только за себя. Я тогда сказал, что простите, маэстро, но вы – гениально одаренная ошибка. Блестящий мелодист – но никто не сделал больше для того, чтобы четкая мелодия исчезла из оперы. Потрясающие гармонии и, одновременно, такие сочетания нот, что из всех ваших опер без зубной боли я слушаю только «Риенци» и «Лоэнгрину».

– Что же он? – улыбнулась Эльза. – Убить вас хотел?

– Нет, знаете ли, даже не попытался. В молодости – да, я бы костей не собрал, но в зрелости он был мудрым человеком. Даже с немного жестковатым немецким юмором отнесся к заявлению мальчишки. Он был один большой недостаток как человек, он был нетерпим к чужому мнению – за одним исключением. Он не выносил компромиссов, но даже к врагам относился с уважением, если они любили свое дело с тем же фанатизмом, как он сам. Спросил меня, что же тогда я намерен исполнять.

– И что вы ответили?

– Роберта, Рауля, Васко да Гама... Я был молодым дураком – и говорил лишь бы все было в пику.

– А он?

– Рассмеялся. Сказал, ну раз уж вы так любите музыку этого еврея, пойте, черт с вами. И прибавил: тем более, что голос у вас не для моих музыкальных драм. И тут я с ним полностью согласен.

Трудно было не заметить в глазах Эльзы праведного гнева и всеопаляющего огня. Теперь не просто задела ее кумира: его задел идейный противник Вагнера.

– Подождите, буквально минуту подождите! Возможно, вы правы в чем-то, профессор. Но Мейерберу нельзя простить, что...

– Прощать? – совершенно бестактно перебил ее Каменев – и даже не заметил, что нарушил все правила светского этикета. – Это он должен принимать извинения за тот поток клеветы и грязи, который всякий прочтет в «Еврействе в музыке» – этой позорной брошюре, до которой не додумались даже работорговцы в Североамериканских Штатах. Прощать человеку, который написал дуэт в IV акте «Гугенотов»? Величайший дуэт нашего столетия?

– Профессор, почему вы так любите превосходную степень? – не удержалась от вопроса Эльза.

– Она превосходна. А шторм в «Африканке», а сцена коронации в «Пророке», «Освящение мечей» в «Гугенотах» и *Noir demons, phantomes*? Их автору можно простить многое, если не все.

– Но не то, что он превратил искусство в коммерцию!

– О, тут речь не о прощении... Тут ему современные композиторы поклонятся в ноги, а прежние спросят «Джакомо, почему вы раньше этого не сделали?» Почему Доницетти писал по три-четыре оперы в год? Почему то же самое делал Россини? Не оттого ведь, что графоманы. Им надо было на что-то жить. А за оперу они получали гонорар – и все. Представьте себе: за все свои оперы Россини получил авторские отчисления за год до смерти, в 67-м году. Где они были 38 лет – с тех пор, как он перестал писать? Во второй половине нашего века композиторы получают хоть что-то за постановки – и в этом коммерция пошла на пользу.

– Вы неисправимы, профессор, – улыбнулась Эльза. – Вы защищаете своего кумира, как...

– Как вы защищаете своего, – закончил он.

– Но почему же тогда не читать лекций о Вагнере? Многие ведь не любят то, чем они занимаются.

– Совершенно справедливо, многие так и делают. Однако ж тут есть разница. Если грузчик на вокзале не любит таскать чемоданы – это одно. Чемоданам совершенно безразлично, кто их носит, если только по дороге он их не роняет. Если же я в своей оценке этого господина ошибаюсь, и вложу студентам в голову мои мысли – это совсем другое. Я, конечно, не ошибаюсь – но пусть лучше они это сами поймут, – тенор как-то неловко осмотрелся по сторонам. – Простите, я, кажется, увлекся – и задержал вас. Куда мне пройти?

Она пригласила тенора в гостиную, где Филимонов с Уваровым колдовали над счетом, а Васильевский из-за их плеч пытался увидеть там если не что-то важное, то хотя бы общую сумму заказа. Счет написали черными чернилами на обычной линованной бумаге, которую без труда можно найти едва ли не в любом писчебумажном магазине.

Модный в последние годы Холмс наверняка сказал бы, что у трактирного слуги явно проблемы с печенью – почерк на листке свойственен человеку, склонному к желчности. Кроме того, изящный, но дрожащий почерк, а также правильное употребление ятей свидетельствует о том, что слуга явно получил хорошее образование, но, по всей видимости, начал пить и опустился – что подтверждается также заболеванием печени.

Перо хоть и износилось, но вполне способно еще было прилично писать, а яркие чернила явно не были разбавлены. Таким образом, нужно было искать трактир не самого низкого пошиба, о чем красноречиво свидетельствует меню в виде блинов с икрой и цены. Однако трактир должен был располагаться в удалении от центра города. Нам достаточно взять адресную книгу, сказал бы британский сыщик, открыть её на странице «Семеновых» и проверить подходящие адреса. Когда же мы исключим все ненужные, достаточно будет заgrimироваться и обойти оставшиеся, ища грамотного и даже обходительного официанта со следами злоупотребления алкоголем. Обнаружить такие следы не составляет труда: трясущиеся руки, запах перегара, лиловый оттенок носа – все на виду.

Возможно, что именно эта цепочка умозаключений и последовала бы, если бы Виктор не попросил посмотреть документ. Он тоже не без удивления оценил масштаб съеденного, дочитал до конца и перевернул бумагу. На обратной стороне значился небольшой оттиск, сделанный ручной печатью: «Трактир купца Семенова, улица Богомолдовская, дом номер 11».

– Эх, куда вас занесло, однако... Райончик-то не самый безопасный – буркнул Уваров. – Что ж, проверим.

В этот момент открылась дверь и в зал вошла Эльза в сопровождении «главного консультанта».

– Знакомьтесь, – представил его Филимонов. – Наш консультант по музыкальной части – профессор Каменев. А, кроме того, он...

– Вам нравятся «Гугеноты»? – перебил статского советника тенор, обращаясь к Званцеву. – Или вы находите вершиной творчества Мейербера его «Африканку»?

Все пропустили вопрос мимо ушей, но обратили внимание на титул.

– Это что же? – в полиции есть надобность в консультантах подобного рода? – спросил Михаил.

– Да, иногда бывает такая нужда, – довольный сам собою, ответил Каменев. – Тут ведь еще какой момент: в вечер перед совершением убийства как раз шли «Гугеноты» – а полиции важно знать все детали. Наша полиция – это профессионалы, и за консультациями они также предпочитают обращаться к специалистам. А найти в области музыки специалиста лучше меня... буду скромн – это задача нетривиальная.

– Зачем я только пошел на эту чертову оперу? – вздохнул Михаил. – Зачем...

– Как же иначе? По-другому было нельзя, ведь... – ответил Васильевский, но внезапно осознал, что в комнате находится Эльза. – Требования света, тут никуда не деться было...

В комнате повисла неловкая пауза, как будто бы первая часть предложения никак не связана была со второй. Званцев повернулся к супруге: «Прошу вас, проведите Петра Казимировича, как он. Я боюсь за его состояние».

Когда жена вышла, Михаил выждал несколько секунд и потом только заговорил вновь:

– Я знаю, какой вопрос вы хотите задать мне: не убивал ли я Васильевского? Нет, не убивал: я дал слово жене, что не трону этого мерзавца, если он впредь не будет смущать ее покой – и сдержал слово.

На этом допрос закончился. Сыщики отправились в управление давать ценные указания подчиненным: те должны будут проверить, действительно ли Михаил вечером посещал обозначенный кабак и если да (а, скорее всего он был там – и счет тому подтверждение) – во сколько он пришел и во сколько покинул заведение.

Васильевский остановил пролетку и отправился домой. Каменев, выйдя из дома, несколько минут стоял у парадной, что-то обдумывая. Когда из входных дверей вышла Эльза, она застала его едва ли не в трансе:

– Николай Константинович, с вами все хорошо?

– Да, благодарю вас, вполне, – ответил он, глядя как будто сквозь нее. – Просто задумался... Вы, должно быть, в аптеку?

– Да, за дигиталисом. Петру Казимировичу опять хуже.

– Тогда не смею задерживать. Но позвольте по дороге я задам вам еще один вопрос. В последнее время никаких попыток покушаться на вашу жизнь не было? Преследования, попытки ограбления, угрозы?

– Нет, – качнув головой, ответила Эльза. – К тому же у меня всегда с собой он. – Она открыла сумочку и вытасила небольшой матовый кусок металла, который при ближайшем рассмотрении оказался револьвером. Это был маленький шестизарядный «Велодог» – пистолет, который специально сделали для велосипедистов, на которых вздумают нападать бродячие собаки.

– Я понял, спасибо – вы очень помогли... – сказал он и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, они продолжили путь к аптеке, что-то обсуждая. Там тенор попрощался с ней и направился за обычный свой столик в «Кюба».

У подошедшего официанта он заказал полубутылку Совиньона, пасту а-ла болоньезе, бумагу и карандаш.

– Прикажете принести нотную? – задал привычный вопрос официант, не раз слышавший от Николая такое уточнение.

– Неважно, – погруженный в раздумья, проговорил тот. – Лучше обычную.

Удивленный официант удалился, а тенор задумчиво произнес вслед ему, но не по его адресу: «Не нравится мне это... Почему? Не могу сообразить, но что-то мне тут не нравится. Нет, это полная чушь...»

Глава 11

Пятеро людей молча шли по строгой петербургской набережной, напоминая «грядку артишоков» – так в старой итальянской опере иронично называли выстроившихся в ряд певцов. В центре шел, возвышаясь над остальными, бледный и худощавый господин, завернутый в теплое

пальто. Поспевая за ним, рядом семенил ногами другой – низкий и широкий, походивший благодаря цвету лица на бочку бордосского вина. Оставшиеся трое ничем особенно не выделялись – разве что на одном из них был старомодный сюртук, лет на десять отстающий от моды и явно знавший лучшие времена.

– Николай, куда мы идем? – спросил невысокий толстяк.

– А я не говорил? – удивился тот. – Не может быть, я точно говорил. Неважно, впрочем, – мы идем в Мариинский театр, в директорскую ложу: мне по знакомству уступили ее на сегодня.

– У нас дело уголовное, а ты нас развлекаться ведешь?

– Развлекаться? Ничуть: сегодня снова «Гугеноты» – и с тем же составом. Надо понимать все детали...

– На что вы рассчитываете? Какие такие детали мы сможем там узнать? – вскипел другой сыщик, сутулый баритон.

Профессор застыл на пару секунд, остановились и другие.

– Хорошо, – сказал он. – Считайте это моей причудой. Пусть это вам никак не поможет – тогда помогите разобраться мне. От вас ничего сложного не потребуется – только уделить четыре часа свободного времени. Что вы успеете за них сделать? – тем более вечером. Они никого не устроят. А послушать музыку – почему бы и нет?

Опровергать было нечем. Филимонов не прочь снова был посетить спектакль, который очень любил и на который никак не мог попасть вот уже второй год. Уваров счел, что четыре часа и правда не так уж и много. Званцев, казалось, готов был идти куда угодно, лишь бы чем-нибудь себя занять. Васильевский не возражал: зачем отказываться от возможности послушать «Гугенотов» – да с таким составом! – да из директорской ложи! – и, к тому же, бесплатно.

Отыграли первый акт. Рауль де Нанжи (Мазини) заочно признался в любви незнакомке, чтобы через 15 минут увидеть, как она встречается на тайном randevу с хозяином дома – благородным графом Невером (Баттистини). И полным было бы его отчаяние, если бы другая знатная дама не пригласила бы его к себе на столь же тайное свидание.

Второй акт начался как раз в покоях этой дамы – принцессы Маргариты де Валуа (Нравина), ставшей через 17 лет королевой Франции. Ее мечта – примирить католиков и гугенотов с помощью брака. Та самая таинственная незнакомка из первого акта – дочь графа де Сен-Бри Валентина (в исполнении дебютантки Анастасии Бзуль) – католичка, которая должна выйти замуж за протестанта Рауля. Но в кульминационный момент, когда молодому гугеноту представляют невесту, тот с яростью отказывается. Он не озвучивает причину, но зрителю все ясно: он не желает быть мужем любовницы Невера. Разразился грандиозный скандал, который рискует закончиться кровопролитием, и только вмешательство королевы мешает этому произойти.

– Что скажете? – воодушевленно спросил Каменев. Захваченный происходящим на сцене, он, впрочем, успевал следить и за реакцией других. Первым неожиданно заговорил Уваров:

– Знаете, господа – я, кажется, был большим дураком, что не любил музыку. Не грех в этом признаться. Лучше этого, пожалуй, ничего и быть не может.

– Это вы еще благословение мечей не слышали – и дуэт под колокольный звон...

Званцев сказал, что лучшего исполнения он в жизни не слыхал, Виктор все два акта бешено аплодировал после каждого номера и рассказывать об эмоциях было излишне. Скуповатый на слова Филимонов проговорил только одно слово: «Великолепно».

В антракте в ложу принесли шампанского и начался третий акт, где Валентина на глазах у Рауля выходит замуж за не любимого ею графа Невера. Как выясняется, в первом акте она приезжала к нему, чтобы договорится об отмене свадьбы. Но теперь из-за резкого отказа Рауля католики в ярости – и пожениться влюбленные не могут.

Спокойный обычно статский советник аплодировал стоя, Званцев, желавший еще ближе быть к сцене, едва не выпал из ложи в партер, а Уваров неожиданно для себя обнаружил, что во весь голос кричит «Браво!»

Когда после второго антракта вновь поднялись кулисы, начался четвертый акт. Кто не слышал его, пропустил величайшую в мировой истории хоровую сцену.

Начавшаяся строгим католическим хоралом, за секунды сцена превратилась в истерическое пение, почти крик обезумевших фанатиков, готовящих Варфоломеевскую ночь. Даже призывы главарей сдерживать свой порыв действовали недолго: на несколько мгновений все становилось

тише – но затем только, чтобы обрушиться на зрителей во время благословения мечей незримым ударом медных инструментов с еще большей силой. Все большую мощь набирали эти волны, постоянно в этих приливах звуков обнаруживались новые краски, пока...

Из оркестровой ямы вылетело цунами кульминационного диссонанса, оставившее за собой звенящую тишину, когда сам звук уже исчез, но его призрак еще витает в стенах театра. За этим последовал любовный дуэт Валентины и Рауля, колокольный звон, возвещающий о начале избиения гугенотов, и заключительный пятый акт. Из театра расходились молча: слова восторга были лишними, а другие, полные банальностей, произносить не хотелось.

Хорошее утро обыкновенно начинается с чашечки крепкого, желательного, сладкого ароматного чая с лимончиком под свежую бриошь. Нормальное утро – не сказать, чтобы хорошее, однако же и не плохое, начинается с французского круассана и бодрящего стаканчика арабики. Плохое утро началось с очередного трупа.

Около девяти утра, когда в разгаре было очередное совещание двух сыщиков, в полицейский участок забежал Васильевский и с порога истошно закричал: «Убит! Убит!»

На знакомый голос вышел Уваров:

– Кто убит?

– Павел Андреевич! Отравлен, должно быть, – натужно проговорил тот и заревел.

– Спокойно, проходите, – он проводил дрожащего свидетеля в кабинет, а сам вернулся к телефонному аппарату.

– Пошлите труповозку, вот адрес... – приказал он дежурному, а сам позвонил в морг предупредить о новом поступлении. Он вернулся в кабинет с хорошо початой бутылкой водки, конфискованной сначала у сидящего в предварилровке задержанного, а затем у дежурного.

Виктор говорил что-то невразумительное и только что не скатывался в истерику. Не говоря ни слова, Уваров быстро взял со стола граненый стакан, наполовинил его *aqua vitae*³ и, подойдя к Васильевскому, практически насильно влил ему в горло содержимое.

– Как вы смеете? – кашляя и задыхаясь, прохрипел тот. – Что это значит?

– Рассказывайте, – бесстрастно сказал сыщик.

В течение следующих десяти минут, еще иногда впадая в истерику, но уже более складно рассказывая детали, Виктор выложил все, что знает.

Вечером у Павла Андреевича было нечто вроде банкета. На нем присутствовал и князь Гагаринский. Сегодня утром слуги начали будить князя, а тот уже был мертв. Рядом с кроватью на сыром от влаги ковре лежал пустой флакон из-под экстракта наперстянки – тот самый дигиталис, что в малых дозах является лекарством для сердца, а в больших – смертельным и трудно различимым ядом быстрого действия.

– Вы думаете... – начал Филимонов.

– Я уже ничего не думаю, я уже все обдумал! Гагаринский бегал за моим кузенком с саблей – и тот убит. Вчера он был на вечере – теперь убит Павел Андреевич. Могут ли у меня быть сомнения? Нет, не могут, откуда? Он – маньяк! Кто следующий? Это мне тоже ясно. Заприте меня!

Сыщики переглянулись: куда запереть?

– Заприте меня на время следствия. Вам оно ничего не будет стоить, а лишний труп ведь вам не нужен. Я переживу заключение, не волнуйтесь...

Уваров покрутил пальцем у виска. Статский советник покачал отрицательно головой и жестом обозначил, что Виктор просто под градусом.

– Я не пьян! – крикнул тот, выдохнув ароматом недавно влитой в него водки. – Арестуйте меня. Хотите – обвините в краже.

– У нас все кражи раскрыты, – соврал Владимир Алексеевич.

– Просто так посадите!

– У меня нет оснований посадить вас в камеру. Нету, понимаете?

– Хотите, я сознаюсь в этих убийствах? Во всех трех, хотите?

– Этого недостаточно. Не то, что для суда – даже для задержания. Признательные показания могут считаться уликой только если они подкрепляются...

Васильевский выдохнул и зловеще – как только мог – сказал:

³ Живая вода (*лат.*)

– Я народоволец!

– Не поверю, – следователь был холоден.

Свидетель резко вскочил со стула, схватил со стола новую, только что купленную чернильницу и что было сил швырнул ее в окно.

– Сажайте за дебош!

«Четвертая», – прорычал Филимонов. В кабинет вбежал дежурный; вместо целого стекла в окне зияла дыра с поднос размером.

– Соблаговолите пройти к стойке дежурного, он выпишет вам установленный по закону штраф.

Васильевский сокрушенно пошел вслед за дежурным, сыщики вновь остались наедине и продолжили обсуждение. Определись, что случилось с Павлом Андреевичем, практически не представляется возможным – если верить рассказу Виктора. Следы насильственной смерти обнаружить вряд ли получится, даже если это на самом деле убийство.

А если нет? Ничто не мешало ведь этой смерти быть банальной передозировкой дигиталиса – или, хуже того, обычным сбоем в работе сердечной мышцы. Заводить дело? – несомненно, вот только какие результаты это даст? Через пару дней придет отчет врача, в котором, возможно, будет следующая строка: «в желудке, кишечнике и печени покойного обнаружены следы яда наперстянки – дигиталиса». Что это доказывает?

Одно только то, что покойный употребил ее, но в каком качестве – об этом не будет ни слова. Человек он был горячий, взрывного темперамента, все близко к сердцу принимавший: сделалось плохо, взял флакон из горлышка не отмеряя выпил – и все, на свидание к Вергилию.

А может это быть самоубийством? Может, отчего нет? Его сиятельство вполне мог наложить на себя руки из-за смерти Дмитрия Павловича. Сюда же и версию надворного советника: а что если сам князь все это организовал – а теперь не смог жить с грехом? Подозревать можно многое, а вот доказать – это дело другого порядка.

– Что наш консультант? – спросил Филимонов.

– Ничего особенного, Антон Карлович. Ходит куда-то, суетится, странные вопросы задает. Нет, ну надо было посреди допроса учудить – свидетеля спрашивать, что ему, видите ли, из Мейербера больше нравится! Вообще я убеждаюсь чем дальше, тем больше, что он просто ненормальный.

– Ненормальный – это верное слово. Он не душевнобольной, но что-то в голове у него чудное. Пригляди за ним, я его знаю, – ответил статский советник. – То ничего-ничего, а иной раз такое выкинет. Хотя может в его рассуждениях есть что-то здоровое – что-то, чего мы...

Внезапно из-за дверей послышались крики, а спустя секунду к ним прибавился грохот мебели. Хор кричащих полицейских нарастал, одинокими стакато слышались пронзительные возгласы посетителей, но их все равно перекрывал истошный вопль Васильевского. «Солист» продолжал кричать «Посадите меня! Теперь-то посадите?» Сыщики бросились из кабинета и застали на редкость живописную картину.

Разгром в участке был страшный; трудно поверить, что его смог организовать один-единственный человек, не отличавшийся к тому же могучим телосложением. Виктора едва сдерживали трое полицейских, а тот извивался с ловкостью жидкого теста. Дежурный у стойки что-то кричал, держась ладонью за горящее огнем ухо. Два стула улетели в угол и вряд ли поддавались ремонту, от маятниковых часов целыми остались только гири. Невосполнимые потери понесли стоявшие на подоконнике горшки с цветами: три штуки было расколото напрочь, еще один, лежавший на полу, отделался небольшим сколом. Четыре горшка пропали без вести, хотя напрочь разбитые окна позволяли предположить, в каком направлении можно искать их останки. Стол был опрокинут, и на полу синела размазанная ботинками лужа чернил.

Из камеры с чувством глубочайшего удовлетворения от увиденного смотрел за происходящим какой-то тип.

– Что происходит? – оглушил могучим басом Филимонов. Вопрос, конечно, был лишним – можно подумать, что-то непонятно – но эффект произвел нужный. Васильевский перестал трепыхаться, а дежурный подлетел к шефу и, продолжая держаться за ухо, объяснил:

– Ваше высокородие, я им выписываю штраф, как и приказал господин надворный советник. Протягиваю протокол, а они возьми да и спроси: за что у вас в предварилку сажают? Я сдуру и говорю: за всякое бывает. Вон тот, например, тип, – он показал на довольного арестованного, – за

драку. Пospорил с городoвым под градусом и драться полез. А он, ваше высокорoдие, говорит: «простите тогда, зла на меня не держите» – и как треснет по уху! Я ему в ответ дал по физиономии. Он отлетел к столу, перевернул его – и как давай стульями да горшками швыряться!

Филимонов тяжело вздохнул и посмотрел на Уварова: «Давай, командуй...»

– Заприте его в камеру, – приказал тот. – Суток на десять, в одиночную.

– Спасибо, ваше высокоблагородие! – упал перед ним Васильевский. – Большого и не прошу!

Часть третья

Реприза

Глава 12

Тем же утром сразу после инцидента в участке сыщики отправились с осмотром в дом Васильевского. Тенора они с собой брать не стали – и не только потому, что не видели решительно никакого проку от его присутствия. Он в тот самый момент читал лекцию про оперы раннего Мейербера – от «Эммы ди Ресбурго» до «Крестоносца в Египте» – последней в мире оперы, написанной для певца-кастрата. Впрочем, он не стал изменять своей привычке начинать лекцию с остроты и заметил, что позавчерашнее исполнение моцартовского «Реквиема» было мировым событием. Музыка, которая традиционно сопровождает похоронные процессии, тем вечером сама была похоронена.

Сыщиков встретил Иван Аронович, ответивший на безмолвный вопрос: «Умер где-то около полуночи, точнее сказать трудно. Возможно, что передозировка дигиталиса, но об этом только после вскрытия».

На месте смерти они не нашли ничего примечательного – ничего, что свидетельствовало бы о насильственной смерти: никаких ран или любых других повреждений нет. Если это и убийство, то только ядом. Однако нельзя подозревать и то, что Павлу Андреевичу насильственно влили в рот весь флакон с дигиталисом. Во-первых, никаких повреждений губ или зубов не было – а они в таком случае неизбежны.

Во-вторых, яд наперстянки действует, конечно, быстро, однако ж не мгновенно – и если бы кто-то ухитрился влить в горло Васильевскому содержимое склянки (допустим, ему бы это удалось без причинения травм, хотя непонятно каким образом) – пришлось бы обездвигнуть жертву и зажать рот. Причем удерживать в таком положении необходимо было бы как минимум несколько минут.

Не стоило также рассчитывать и на то, что князь с его силой и темпераментом стал бы послушно ждать того момента, когда отдаст концы. Однако в комнате не было и тени разгрома, если не принимать во внимание обычный бардак в вещах: на кресле висел домашний халат, не было ни перевернутых стульев, не разбитых ваз, у самой кровати на столике в целостности и сохранности стояли бутылка портвейна (впрочем, совершенно пустая) и хрустальный бокал. Единственное, что несколько выделялось в комнате, помимо трупа, была небольшая пробочка, упавшая возле кровати. Она, по-видимому, подходила к разбитому вдребезги флакону около стены, на которой еще виднелось небольшое влажное пятнышко.

– На экспертизу! – скомандовал Уваров. – Образцы жидкости срочно на экспертизу, пока не выветрились. Если флакон получится склеить, его тоже – на новую систему насчет отпечатков пальцев. Бутылку портвейна тоже.

– Где обнаружили покойного? – спросил Филимонов у лакея, стоявшего у кровати.

– Здесь и обнаружили, ваше превосходительство, – оговорился тот. – Павел Андреевич лежал на кровати, под одеялом.

– Под одеялом... – повторил за ним Филимонов. – Пусть эксперт учтет, когда будет определять время смерти. Что было вчера?

– Вчера у его превосходительства был небольшой званный вечер.

– Так сразу? – недели не прошло после смерти Дмитрия Павловича?

– Мы сами – среди слуг – удивились, – ответил лакей. – Но потом посмотрели, кто присутствовал и, кажется, все поняли.

– Кто же?

– Его сиятельство, князь Гагаринский...

– Сергей Сергеевич? – прервал его надворный советник, решивший все-таки проверить.

– Так точно, они-с... и ещё был молодой человек...

- Имя?
- Не могу знать, ваше превосходительство. При мне к нему не обращались.
- А кто может знать?
- Так попробуйте у швейцара узнать – он пускал приглашенных.

Филимонов кивнул в сторону и Владимир Алексеевич рысью бросился из спальни искать свидетеля. Спустя минуту он вернулся – скорее недовольный, чем удовлетворенный:

– Антон Карлович, есть данные. Не фонтан, что называется – но хоть что-то: звали его Павел Августович.

- Хорошо, что еще?
 - Ничего... больше ничего.
 - Совсем?
 - Совсем, фамилии швейцар не знает.
- Филимонов снова повернулся к лакею:
- Он тут впервые был или видели раньше?
 - Впервые, точно впервые. Ранее не видали-с.
 - Описать получится?
 - Я его почти не видел, виноват-с... Не могу ручаться, ваше превосходительство...
 - Высокородие.
 - Ваше высокородие.
 - Ну хоть что-то?

– Ну, высокий господин такой. Молодой, лет двадцать пять – двадцать семь. Брюнет, нос крючком, во фраке.

Сыщики пожали плечами – из миллионного Петербурга таких наберется несколько тысяч.

– Виктор Васильевич был?

– Сын покойного Василия Андреевича? Нет, на приеме его не было – он рано ушел спать, Павел Андреевич его не задерживал.

– Как обнаружили труп?

– Утром в девять часов я как обычно принес его сиятельству кофе, постучал в дверь, но никто не ответил. Дверь была закрыта изнутри, и я еще раз постучал, уже громче – но снова ничего.

– А это выглядело подозрительно?

– Да, ваше высокородие. Павел Андреевич человек традиций и привычек был: к завтраку ровно в девять, обед в три, ужин в восемь, ко сну после портвейна – ровно в одиннадцать. Я заподозрил неладное, поставил поднос на столик у двери и пошел будить Виктора Васильевича.

– Что дальше? Виктор спал?

– Спал как убитый, ваше высокородие, – я еле-еле достучался.

– Дальше?

– Мы вернулись и Виктор Васильевич начал бить кулаком в дверь. Снова ничего: он сбегал за ломом – и мы вскрыли дверь. Там... там было то, что видели и вы.

– Еще вопрос: вы сказали, любезный, что сначала не поняли, как можно устраивать званый вечер сразу после трагедии. А потом все поняли. Что поняли?

Лакей посмотрел по сторонам в поисках ненужных глаз и ушей, которые могли бы стоять ему места не только в этом, но с такой рекомендацией и во всех следующих домах.

– Вы же знаете про тот инцидент, который произошел у Дмитрия Павловича с князем Гагаринским?

– Наслышаны.

– Не знаю, кем был второй господин, приглашенный на вечер – но, видимо, у него также был конфликт с покойным. Я уже вышел из зала, но не успел закрыть дверь, как его сиятельство очень громко, очень эмоционально сказал гостям – ну, кто из вас? Мне кажется, что он собрал этих двоих и пытался узнать, кто виновен в смерти Дмитрия Павловича. И в ту же ночь умер. У меня лично сомнений нет никаких – это один из них. Но, господа, прошу вас – мне еще тут работать, не ссылайтесь на меня.

– Последний вопрос: что было дальше?

– Да, собственно, ничего не было. Они посидели наедине минут этак десять, может пятнадцать, потом эти двое вышли из гостиной и поехали куда-то.

– Вместе?

– Нет, поодиночке. Павел Андреевич после этого был очень разгорячен, то кричал что-то бессвязное об оружии, то хватался за сердце, то снова кричал.

– Что кричал не слышали?

– Как не слышать? Голос у его сиятельства был сущая труба. Просто кричал оскорбления, в самом что ни на есть нецензурном виде употреблял. Пистолет требовал из своей коллекции, видно убить кого-то хотел.

– В коллекции есть «Наганы»?

– «Наганы»? Это которые в прошлом годе вышли? – удивился слуга. – Помилуйте, Павел Андреевич выбросил бы меня из окна, появись там что новое. Нет, его сиятельство любил старые вещи и только подлинные – никакого новодела.

– Когда вы видели его живым в последний раз?

– Как прием закончился, он еще минут двадцать кричал, возмущался – потом вышел. Взял бутылку портвейна, поднялся к себе – и все, больше я его живым не видел.

– Оскорбления именно в мужском роде? В адрес мужчины звучали?

– Не заметил, ваше высочордие – может быть, что и про женщину. Но склонял здорово, доложу вам: я хоть и долго служу его сиятельству, давно такого отборного красноречия не слыхал.

Сыщики молча кивнули, покинули место преступления и направились в полицейский участок. Первоочередной задачей было выяснение личности этого загадочного Павла Августовича, который становился реальным кандидатом в подозреваемые, и допрос Гагаринского. Второй также был весьма подозрительной личностью, однажды уже намеревавшийся порубить на куски наследника князя. А вчера, вскоре после инцидента с саблей, он посетил и самого князя, который тоже внезапно скончался.

Оставался, наконец, еще один кандидат в убийцы – тот самый господин, у которого Алексей Званцев сорвал защиту диссертации и опозорил перед научным сообществом как плагиатора. Им тоже не мешало бы заняться – но время дорого, а потому сыщики начали двигаться по основной линии расследования.

Уже выходя из участка, когда всем сотрудникам были розданы все ценные и необычайные указания начальства, Филимонов с Уваровым столкнулись в дверях с профессором. Тот отчитал все полагающиеся на сегодня лекции и явился с тем, чтобы то ли поделиться какой-то информацией, то ли чтобы, напротив, что-то узнать.

– Коля, мы сейчас не можем, – отрезал Филимонов. – Когда угодно к твоим услугам, но вот сейчас, поверишь ли, спешим. – Он повернулся к Уварову: действуем как договорились – я еду к Гагаринскому и по результатам допроса решаю, что с ним делать. Ты ищешь нашего таинственного Павла Августовича...

– Кого? – возопил тенор. – Зачем он вам? Могу ручаться, что он в этом деле не замешан.

Дуэт полицейских как шел в сторону двери, так и замер. Выходило, что тенор не просто знал Павла Августовича – а такое имя и отчество встречаются нечасто – но и довольно тесно с ним знаком: не за всякого же встречного он будет ручаться.

– Николай Константинович, вы изволите быть с ним знакомы? Кто он такой? – спросил Уваров.

– Ну как же! – это же Пабст!

– Пабст? – уточнил тот. – Простите мне мое невежество, но кто он такой? Тоже певец, как Званцев?

– Нет, зачем же? Петь он, кажется, вообще не умеет.

– То есть его – этого вашего Пабста – на самом деле зовут Павлом Августовичем и он не имеет решительно никакого отношения к пению... – надежда в голосе надворного советника лилась как мелодия упоительного Россини.

– Решительно никакого, уверяю вас, – подтвердил тенор. – Он пианист, может быть самый лучший из пианистов прошлого поколения. Второй Рубинштейн. Представляете себе – в двадцать с небольшим уже защитился как профессор, преподает, массу талантов вырастил...

– Он иностранец?

– Да, немецкого происхождения, из Кенигсберга. Вообще на самом деле его зовут Пауль Август...

– Ему лет двадцать семь, высокий, нос крючком?

– Нет, совсем нет. Пабсту сейчас – дайте вспомнить – чуть за сорок. Он статный мужчина с лицом бульдога, но это ничего не значит – он милейший, добрейший человек.

Сыщики посмотрели друг на друга и в унисон покачали головами: нет, не он. Впрочем, случайная фраза Каменева, брошенная им для описания выдающегося пианиста, имела неожиданные последствия. Уваров зачем-то попросил подождать его буквально несколько секунд. Он вернулся спустя две минуты, необыкновенно довольный собой.

– Антон Карлович, наши указания насчет этого загадочного господина были неполными, – сказал он и повернулся к Каменеву. – Вы как сказали это, так я сразу все понял.

– Простите, а что я такого сказал? – удивился тенор.

– Вы сказали, что этот ваш Павел Августович... как его фамилия? Неважно, впрочем: вы сказали, что этот Павел Августович – профессор музыки. Я и подумал – а вдруг наш плагиатор, разоблаченный Званцевым, и этот господин с неизвестной фамилией – одно и то же лицо?

– Хотя вероятность исчезающе мала, очень интересная гипотеза – довольно промычал Филимонов. – И каковы новые указания?

Уваров уточнил своим подчиненным два пункта. Во-первых, нужно было съездить в министерство народного просвещения и выяснить, кто был соискателем ученой степени на скандальном заседании – не звали ли его Павлом Августовичем. И, во вторых, требуется проверить не только это имя.

– Но слуга отчетливо слышал... – начал Филимонов, но тут же оценил весь замысел надворного советника. – Молодец, Володь, я не сразу понял. Это же его называют только Павел Августович – а по документам он может быть как угодно – и Пауль Август, и Поль Огюст, и бог еще знает как.

Филимонов двинулся к двери, за ним, держась чуть позади, пошел Уваров. Раздался неопределенный высоковатый звук голоса и статский советник вдруг вспомнил, что Каменев за каким-то бесом пришел в участок – причем явился не по вызову, а по своей воле. Что ему тут было нужно, оставалось непонятным – он ничего не спрашивал, но и не рассказывал.

– Коля, ты зачем к нам пожаловал? Только быстро.

– Я хотел получить от вас разрешение еще раз поговорить со Званцевым.

– Со Званцевым? Которым именно? Со старшим мы сами еще не говорили, он, должно быть, по-прежнему с сердечным приступом лежит.

– Нет, к Петру Казимировичу у меня вопросов нет – с Михаилом, вот к нему буквально два вопроса. Но он числится свидетелем, я не хотел бы нарушать... субординацию что ли какую-то...

– Изволь, хоть десять вопросов. Он в твоём полном...

Дверь распахнулась, и в нее не то, чтобы вбежал или впал – а, скорее, стремительно втек помощник Уварова – тот самый Михаил Антонович, что заключил в самом начале дела профессора в наручники. Вид у него был растерянный, почти ошарашенный.

– Что? – только и спросил Уваров.

– Кого? – в каком-то озарении уточнил вопрос Каменев.

– Званцева, в подворотне ударили ножом, – проглатывая окончания, проговорил тот. – Я только что с места убийства.

– Петра? – все еще надеясь, что свидетеля получится допросить, спросил Каменев.

Сыщик на секунду задумался и полез в сумку за протоколом. Сверившись с измятой бумагой, ответил: «Михаила».

– Черт подери, я так надеялся, что не его, что все-таки Петра! – поник профессор. – То есть не в смысле... Нет, я не надеялся, что хорошо бы Петра Казимировича в лучший из миров отправить, а в смысле... я даже не знаю, как сказать. В прошлый раз у Михаила была одна фраза...

– Как давно случилось? – вмешался Филимонов, не замечая последней реплики. – Где? Чем? Каковы обстоятельства дела?

Из последующего рассказа стало ясно, что убийство произошло примерно во время обеда или даже чуть позже – то есть с момента совершения преступления не прошло и двух с половиной часов. Званцеву был нанесен в область сердца один удар каким-то колющим оружием, вероятно, заточкой, сделанной кустарным способом из напильника.

Труп обнаружен на Богомоловской улице: по всей видимости, Михаил снова ездил на заседание своего марксистского кружка и, задержавшись до позднего вечера, остался переночевать у хозяев. Обстоятельства дела были такими, что вывод напрашивался сам собой:

Михаил собрался пойти то ли на обед, то ли решил возвратиться домой – но в подворотне его встретил убийца. Судя по мастерски нанесенному удару (шансов выжить у Званцева не было никаких) и использованному оружию, это был какой-то местный бандит, промышляющий этим не первый год.

– Иван Аронович уже на месте, фотосъемку провели, – закончил полицейский. – Через пару часов карточки будут готовы.

– Нет у нас пары часов! – рявкнул Филимонов. – Даже часа нету! Четвертая смерть в этом деле... – он резко замолк, вспомнив, что в камере предварительного заключения, что всего-то через стену, сидит Васильевский. Если он услышит про очередной труп, то, пожалуй, окончательно лишится рассудка. Хотя толку от него как от свидетеля немного, но доводить до сумасшествия было бы лишним, поэтому продолжил, поубавив голос. – Этот того и гляди с ума сойдет от страха, начальство и прежде давило, а теперь что будет? Знаете, кому я ездил докладывать об этом деле вчера? Хорошо, что не знаете. Что ему прикажете говорить хотя бы о первых смертях? Что они там делали?

– Может они грибы собирали? – тихо проговорил Михаил Антонович.

– Что? – от неожиданности переспросил Филимонов. – Какие грибы?

Михаил Антонович, не понимая всей курьезности его предположения, продолжал абсолютно серьезно вещать, что он с женой регулярно летом и осенью ездит за город к ближайшему лесочку. Там они расходятся шагов на 5–7 и несколько часов неторопливо ходят с палочками.

– За раз пару корзин приносим домой... Они потом на соленья идут на зиму, – закончил он, а Филимонов обрел дар речи.

– Какие на... То есть, какие к чертям собачьим грибы? Вы представляете, что начальство скажет? А что пресса напишет? Убийство из-за масленка?

– «Они не поделили сыроежку», – предложил свой вариант Уваров.

– Даже думать не смейте, слышите? – на пустом месте разошелся Антон Карлович. – Если у вас фантазия буйная, напишите фельетон в «Стрекозу» – там оценят. На меня давит начальство, а вы... Ладно, неважно: труп уже привезли?

– Должны были доставить, ваше высокородие. Я как фотографа с врачом привез на место, так сразу к вам рванул.

– Четвертый труп... – проговорил Каменев.

– Возможно, что даже уже пятый, – заметил Уваров. – Если на месте примятой травы действительно был кто-то убит, тогда уже пятый.

Сыщики переглянулись: пару дней назад они уже поручили своим людям проверить, не было ли в больницах пациентов с огнестрельными ранами. Никаких подобных случаев пока не нашлось, как не нашлось и неопознанных трупов, подходящих под это дело. Поверхностная проверка бандитских шаек пока никаких результатов не принесла.

– Ничего такого, Антон Карлович. Самоубийцы были, но они никуда не перемещались: где упали, там и остались лежать. Может и вправду какая бандитская шайка? Кого-нибудь из них подстрелили и они унесли раненого к подпольному врачу... Может посерьезнее копнуть?

Это была очень удачная и дельная мысль, к тому же подвернувшаяся вовремя. Было бы очень хорошо, если бы все три инцидента не были связаны между собой. Доказать высокому начальству, что члены двух семей, убитые в короткий промежуток времени – это не более чем совпадение, было бы задачей трудной, хотя и не невозможной.

В самом деле: двое убитых застрелены членами бандитской шайки. Это прискорбно, но такое случается. Затем отравился Васильевский-старший; тут никакого преступления и нет – обычное самоубийство на фоне нервного срыва. Вновь трагическое стечение обстоятельств – но не более того. Наконец от руки убийцы-одиночки погибает Михаил – и вновь никакой связи, просто убийство из корыстных соображений или просто личной неприязни. Одно очень неудобное дело легким движением начерниленного пера по бумаге превращается в три отдельных дела. Каждое из них в высшей степени неприятно, но даже сложенные вместе они не дают и сотой доли тех проблем, какие могли бы возникнуть из-за одного общего дела – тем более, что смерть Васильевского-старшего можно квалифицировать как самоубийство и тут же закрыть.

– Володь, – скомандовал статский советник. – Сгоняй-ка еще раз к своим «архаровцам», дай ценные указания. Пусть поднимут архивы и найдут хоть какую банду из тех мест. Хоть что-нибудь: надо на пару дней начальству пыль в глаза пустить, что есть хоть какие-нибудь успехи. Пока они там будут разбираться, мы настоящую банду найдем – если это и правда их рук дело. А так разделим дело на три эпизода – и все отлично.

– А если это не они? – спросил Уваров.

– Если нет... Если нет, тогда продолжим тормозить и нашего Павла Августовича, и этого господина, которого Званцев обвинил в плагиате. А пока что в морг, посмотрим, что там с убитым. Дальше я к Гагаринскому, а ты – в Университет.

– Понял.

– Николай, ты с нами? В морг идешь?

Тенор, до того момента теребивший галстук, неосторожным движением дернул заколку и теперь держал в руках ее бранные останки.

– Нет, ступайте без меня. У меня есть одна мысль, я бы хотел ее проверить. Если вдруг понадобится, я в Консерватории...

Филимонов слегка покачал головой, Уваров насмешливо скривил рот. Они двинулись к выходу, что-то обсуждая, и только потому едва расслышали последнюю фразу Каменева: «но мне кажется, что вы ошибаетесь». Они не обратили на нее внимания: что с него взять? – блаженный...

В морге они совершенно уверились в том, что их гипотеза верная, а профессор – просто чудак и оригинал, который может давать дельные советы в музыке, но во всех остальных случаях несет околесицу. Обследование вещей, найденных при покойном, ясно показало, что его убили из-за денег – или, как минимум, в том числе из-за них.

При убитом не было найдено ни кошелька, ни часов, ни денег в карманах – а из перстня кто-то выковырнул изумруд. По всем признакам это было убийство, совершенное с целью наживы: преступник схватил все ценное, что сумел быстро найти. Этот вариант подтверждало еще одно обстоятельство: профессионализм, с которым был нанесен удар. Преступник явно не в первый раз проделывал это – так какая же тут связь с прошлыми смертями?

Итак, перед сыщиками возникла четкая, ясная и – самое главное – непротиворечивая картина всего происходящего. Михаил скатался на Богомоловскую к своим марксистам – а райончик оказался неблагополучным. Какой-нибудь местный преступник заметил богато одетого господина, проводил его до подворотни, где и совершил свое черное дело.

– А если это все-таки очередное звено в нашей цепи преступлений? – безмолвно задал себе вопрос Филимонов. – Если это так, все наши рассуждения летят к чертям и все надо начинать сначала.

– Его могли отправить на тот свет марксисты? – внезапно спросил Уваров и пояснил. – Я поспрашивал на их счет. Говорят, радикалы, ратуют за переустройство мира – и, кажется, даже силовые методы допускают. Почему бы им таким способом не пополнить партийную кассу? Не очень значительная сумма, но хоть что-то.

– Да зачем им его убивать, он им живой нужен был – один раз заберешь куш и все. А он бы им мог каждый месяц давать деньги – зачем убивать тогда?

– Хотел прекратить финансирование, они повздорили... Эти деятели подумали, что на прощание можно и обокрасть. Рабочая версия, мне кажется.

Эту версию, ничем, впрочем, не подкрепленную, все равно приняли к рассмотрению. Спустя два часа, когда сыщики вернулись из покойницкой, их ждали два отчета, которые задали новое направление в деле. Первый сообщал, что Званцев был оппонентом на защите у барона итальянского происхождения по фамилии Тускатти. Второй отчет был выпиской из адресного стола: барон Паоло Аугусто Тускатти проживает по... Впрочем, улица и дом значили для следствия гораздо меньше, чем имя барона. Это было имя нового подозреваемого.

– Володь, как закончишь с нашим бароном, приезжай сюда – обсудим, кто что узнал.

– Антон Карлович, я не знаю...

– Сколько бы времени ни заняло, возвращайся, буду ждать здесь. Хоть в ночи – время дорого.

Профессор Каменев между тем не терял даром времени. Вернее сказать, он так думал: если бы сыщики узнали, чем занят их главный консультант по музыкальной части и чему предпочел допрос подозреваемых, они бы, пожалуй, вызвали медицинскую карету с парой крепких

санитаров и посоветовали бы тенору принять душ Шарко. Главный свидетель, на показаниях которого держалось если не все дело, то уж точно его половина, поехал в Консерваторию и сел у входа неподалеку от дверей, напротив швейцара. На недоуменные взгляды и реплики, полные сарказма, тенор не отвечал, а только смотрел на руки и торс входящих, совершенно не обращая внимание на выходящих из здания.

Когда прошло полчаса такого сидения, даже швейцар, знавший о странных привычках Николая Константиновича, не выдержал. Обычно он не лез не в свое дело, но в этот раз хранитель двери нарушил правило. Он подошел к тенору, помахал перед лицом рукой и спросил: «Господин профессор, с вами все в порядке?» Тот несколько раз тупо кивнул, не переводя остекленевший взгляд с дверей и неожиданно низким голосом произнес в сторону горшечной пальмы «Все хорошо...»

Швейцара это не убедило, и тот потрепал Каменева по плечу: «Вы здоровы?» Тенор взвизгнул и, вскочив со стула, вылетел на улицу, повторяя «Вот она, вот еще одна деталь!»

Глава 13

На входе в Английский клуб, куда статский советник явился в поисках князя Гагаринского, дорогу сыщику преградил облаченный в ливрею детина, запросивший членский билет.

– Мне не требуется, – буркнул Филимонов и попробовал обойти молодца. Недремлющий стражник как Аргус воспрепятствовал этому тактическому маневру.

– В клуб допускаются только его члены или те, за кого поручился член клуба, – начал он воспроизводить правила. – Исключением выступают...

– Мне нужен князь Гагаринский, – выговаривая каждое слово преувеличенно четко, сказал сыщик – и вдруг вспомнил, что он сейчас не в мундире, а удостоверение сотрудника полиции забыл в кабинете на столе. Если его сейчас спросят, кто он вообще такой, ему и сказать будет нечего.

– Вы кто такой? – столь же четко артикулируя, передразнил его привратник. Но что-то щелкнуло в голове Антона Карловича и он уверенно пробасил:

– Лорд Пальмерстон, премьер-министр Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

Швейцар до того опешил, сознавая, что перед ним фигура такого масштаба, что без звука отступил и даже поклонился английскому премьер-министру, который не только говорил на чистейшем русском языке, не только не знал английского – но и с 1865 года лежал в гробу.

Тридцать лет такого отдыха нисколько не убавили у покойного сил и даже не смогли сбить румянец с его пухлых щек. Бодрой походкой тот проследовал в комнату для гостей и, уже заходя туда, приказал швейцару доложить о нем: он ждет Гагаринского немедленно. Потом, чтобы совершенно походить на англичанина, он поправил пышные усы и сказал «yes». Это было настолько неправдоподобно и неожиданно, что даже показалось убедительным: швейцар испарился и уже через минуту в комнату зашел какой-то господин.

Вообще, как представляют себе человека, который бежит за другим с саблей, имея самые кровожадные намерения? Это должен быть высокий и широкоплечий красавец, похожий на кавалергарда. Говорить он должен густым басом или, на худой конец, драматическим баритоном. Короче говоря, в его облике должно быть что-то лихое и гусарское...

Человек, который вошел в комнату, напоминал всем своим видом невысокий комод – и даже голос его походил на скрип несмазанной дверцы.

– Вы желали меня видеть? – деловито спросил Гагаринский.

– Я... – только и успел сказать сыщик, как князь прервал его на полуслове.

– Можете ничего не говорить, я не идиот – в отличие от швейцара. Лорд Пальмерстон – это вы остроумно подошли, с фантазией. Надо полагать, что вы из полицейского департамента? Не

отвечайте, это элементарный вывод, который напрашивается. У меня был конфликт с Дмитрием Павловичем – и он труп.

– Откуда...

– Кто ж этого нынче в Петербурге не знает? Подумаешь, тайна следствия... Не буду скрывать: не сильно огорчен этому обстоятельству, лично пришел бы плюнуть на его могилу – да все недосуг.

Филимонов удивленно наблюдал за этой исповедью и не мог сообразить: неужели тот клонит к тому, чтобы по собственному признанию из зала суда уехать в Туруханский край лет на десять?

– Потом я посетил дом Васильевского-старшего – и он в тот же вечер отправился к праотцам. Об этом тоже не могу сказать как о большой трагедии и невосполнимой утрате. Ничего удивительного, что следователь хотел бы со мной поговорить – в его глазах я, должно быть, настоящий ангел смерти, предвестник несчастий. Все так?

Сыщик заметил для себя: пусть он в припадке гнева бегал с саблей за Васильевским – но это явно человек умный и расчетливый. С ним надо держать ухо востро, лишнего ему не говорить. А лучше сыграть на самолюбии – такой тип не может не любить себя.

– Вы, конечно же, их не убивали, – утвердительно сказал сыщик: он ждал реакции, а не ответа на вопрос, на который так легко соврать.

– Вы, конечно, не поверите мне. Еще бы, с чего бы вам мне верить: две ссоры – два трупа. Но на вопрос, который вы так и не задали, я все же отвечаю: нет, не убивал.

– Почему?

– Странный вопрос... простите, как вас величать?

– Филимонов Антон Карлович, статский советник, – представился он.

– Начальник столичного сыскного управления лично делом занимается... – удивился князь. – Похоже, я и представить себе не мог, сколько шуму это дело произвело там, наверху. Антон Карлович, позвольте задам встречный вопрос: а почему их не убили, например, вы?

Сыщик открыл рот, будто немедленно хотел дать ответ, но прозвучал только некий странный звук: на полуслове Филимонов дал понять, что буквально любой ответ будет плохим. Если он сейчас скажет «А зачем мне это делать?», Гагаринский перейдет в наступление: «А мне тогда зачем?» – и допрос подозреваемого превратится в допрос сыщика. Если же Антон Карлович заявит, что у него есть алиби на оба случая, тот может начать допрос статского советника с посылом «докажите» – или просто прекратит неприятный для него разговор фразой «У меня тоже».

А прекращать разговор не время и не место: Гагаринский, если он и в самом деле невиновен, становится ценным свидетелем по делу о смерти Павла Андреевича. Если основным подозреваемым становится барон Тускатти, на показаниях князя будет строиться половина дела – а то и сразу все целиком. Если же виновен сам Гагаринский, прекращать допрос тем более смысла не имеет.

– Хороший вопрос, – ушел от неудобной темы статский советник. – Вы, пожалуй, и впрямь не при чем, так может поступать только невинный: любой нормальный убийца вел бы себя тихо и мирно, отвечал бы спокойно на вопросы – а вы тут же в контратаку на меня пустились – да как!

Гагаринский улыбнулся: очевидно, победа в этом небольшом поединке в самом деле потешила его самолюбие. Он не стал спорить, хотя мог спросить: «а вдруг я ненормальный убийца?» В конечном счете, зачем провоцировать подозрения против себя? Поэтому Сергей Сергеевич милостиво позволил продолжить допрос: что вам хотелось бы узнать? Спрашивайте, не стесняйтесь. Постараюсь удовлетворить ваш профессиональный интерес.

– У вас есть алиби на время убийств?

– Не уверен, скорее всего нет. Даже и было бы – не вспомнил бы: не запоминаю, где и с кем бываю. Когда они произошли?

Филимонов вытащил из внутреннего кармана записную книжку и сообщил.

– Я, конечно, проверю свое расписание, но вряд ли у меня найдется какое-никакое алиби.

– Вы желали смерти Дмитрию Павловичу? – задал прямой вопрос статский советник.

– О, в первые минуты, когда он ославил меня как шулера – да. Знаете ли, какой-то нервный припадок случился даже. Вы знаете об этом инциденте, полагаю. – Филимонов кивнул. – Потом я

успокоился – и перестал этого хотеть. Желание сломать ему нос не прошло, но мысли об убийстве отступили. Посадят-то ведь как за человека, прости Господи...

Сыщик внимательно посмотрел на князя и понял, что именно его смущало во всей этой ситуации разговора в клубе: само присутствие в нем Гагаринского.

– Но вас по-прежнему принимают в этом клубе после того, как...

– Да, Дмитрий Павлович извинился, – проскрипел князь.

– Извинился? Как давно?

– Да буквально за два дня до гибели. Прямо здесь, вот... нет, в соседней комнате.

– Это кто-то может подтвердить?

– Члены клуба, человек двадцать было... Их слова достаточно?

– Вполне, – ответил мрачнейший Филимонов. – Мотивы убийства его отца у вас были?

– Никаких, – небрежно бросил князь. – Мы едва знакомы были. Симпатий особенных не испытывали друг к другу, но и откровенной вражды не было до того дня. Впрочем...

– Что такое?

– Ничего, продолжайте – вы сейчас сами, без моей помощи доберетесь до этого вопроса.

Статский советник недовольно шевельнул усами и перевернул страницу блокнота: там были заготовлены вопросы про смерть старого князя.

– Как вы оказались на приеме у Васильевского?

– Вам покажется странным, но Павел Андреевич сам меня пригласил. Утром того дня лакей принес мне запечатанный конверт, в нем была бумага, пригласившая меня посетить дом Васильевского этим вечером.

– И вы пошли, хоть отношения были не сахарные...

– Требования света... – Гагаринский пожал плечами. – Можно, конечно, было сказатьсь больным или ангажированным на другой званый вечер – но это было бы для Васильевского лишним поводом раскрыть мне череп без предварительных разговоров.

– Письмо сохранилось? Мы сможем проверить почерк.

– Сохранилось, я никогда ничего не выбрасываю. Своего рода домашний архив держу. – Гагаринский поднялся из кресла и подошел с сигарой к канделябру. – Оно лежит у меня дома. Вы хотите его получить? Я могу прислать, хотя, поверьте, это совершенно излишне. Во-первых, оно было написано на именном бланке Павла Андреевича. Во-вторых, тот факт, что покойный князь принял меня и, более того, ожидал увидеть именно в этот час, ясно свидетельствует – письмо не подделка.

– Ну что ж, довольно логично, – подтвердил Филимонов. – Однако буду весьма признателен, если вы его предоставите. Теперь насчет событий того вечера: это ведь было не обычное приглашение выпить по бокалу вина? Он хотел что-то обсудить?

– Я полагаю, вы уже знаете, что именно. Наверняка кто-то из лакеев все слышал и рассказал на допросе... У них профессия такая – все слышать.

– И тем не менее: по возможности постарайтесь воспроизвести ход беседы настолько точно, насколько это вообще возможно.

– Это не проблема, – вернувшись к креслу, заметил Гагаринский. – Во-первых, разговор был коротким, всего несколько минут. Во-вторых, такие разговоры, уверяю вас, не забываются – даже при желании.

Он зашел в особняк Васильевского, когда до восьми вечера оставалось еще минут десять. Дворецкий проводил его в гостиную. Около стола, держась одной рукой за спинку кресла, и вращая во второй тюльпанчик коньячного фужера, стоял высокий молодой человек – барон Тускатти.

– Паоло Аугусто Тускатти? – спросил сыщик. Гагаринский кивнул.

Барон неспешно и с явным удовольствием потягивал «Годэ» из Гран Шампани, затем периодически кидал хмурый взгляд на напольные часы – вообще он делал вид, что ему некогда тут дожидаться приема, а делает он это исключительно из-за превосходного коньяка. Знакомые не слишком близко, Тускатти и Гагаринский не произнесли ни слова, а только обменялись рукопожатием.

В восемь ровно камердинер пригласил их к ужину. Гости проследовали в длинный зал, где во главе стола уже сидел хозяин дома. Бросалось в глаза его состояние: синяки под глазами и

неестественный цвет лица – такой, будто спелый красный помидор извальяли в муке. На столе не было никакого ужина: только коньячная бутылка и несколько рюмок. Князь потерянно глядел на переливающийся в бокале янтарь коньяка, а, услышав шаги, осушил одним глотком и швырнул в стену. Зазвенело стекло и на этот звук в комнату вошел слуга.

«Вон!» – что было силы крикнул Васильевский – и тот вылетел из обеденной не то под силой дыхания, не то унесенный звуковой волной. Павел Андреевич повернул голову к гостям, исподлобья прорезал их взглядом: «Ну, кто из вас?»

– Я сразу понял, о чем пойдет разговор, – заметил Сергей Сергеевич. – Не нужно много ума, чтобы понять.

– Он хотел сам выяснить, кто из вас убил Дмитрия Павловича, – выдвинул догадку сыщик.

– Совершенно верно. Я рискую нарушить хронологию своего рассказа, но это необходимо проговорить сразу же: на этой встрече я сказал, что не убивал Васильевского. Барон Тускатти заявил то же самое.

– Было бы странно услышать иное – даже если кто-то из вас...

– Справедливое замечание. Однако я с вашего позволения продолжу...

Павел Августович спокойно, как казалось, подошел к столу и налил коньяка – хоть его постоянно преследовал свирепый взгляд Васильевского. Одну рюмку он протянул Сергею Сергеевичу – и рука его дрожала; себе он просто долил в бокал, который крутил в руке еще той комнате, и развалился в ближайшем кресле. Гагаринский молчал и ждал, что скажет барон; тот пригубил коньяк и, ни слова не говоря, вопросительно посмотрел на князя.

– Кто из вас? – повторил тот все те же слова, всё более наливаясь краской, отчего мучная бледность быстро сходила на нет.

– Простите, ваше сиятельство, – прозвучал легкий и насмешливый баритон Тускатти. – Я не вполне понимаю, что именно вас интересует. Что сделал кто-то из нас?

Васильевский схватил графин и сжал его за горлышко, точно как гренадер, собирающийся метнуть взрывной снаряд. Гагаринский не отводил взгляда от руки, не зная, в чью голову полетит этот тяжеленный кусок хрусталя – в его или в голову барона.

– Кто Митьку убил? – процедил сквозь зубы князь, поднимаясь с места.

– Я понял, что сейчас может произойти непоправимое и полиции придется столкнуться с еще одним – или даже двумя трупами, – продолжил рассказ Сергей Сергеевич. – Поэтому я прервал этот нарочито небрежный и даже несколько гаерский, шутовской тон. Сказал, что у меня с Дмитрием Павловичем и в самом деле был конфликт, но сколько времени уже прошло? И он забыл, и я остыл несколько. В первые секунды – правда, не отрицаю: хотел порубить его саблей на куски. Но полторы недели уже прошло! Я, мол, все понимаю – вы хотите добраться до виновного, но честное слово: никакой вины моей тут нет.

– Честное слово?! Чье честное слово? – шулера? – гаркнул князь.

– Шулер?! – крикнул в ответ Гагаринский. – Да Митька два дня назад извинения мне принес в клубе. Хотите – спросите кого угодно! А был бы шулером, передергивал бы карты, в рукава прятал – но не убивал бы!

Васильевский откупорил графин и коньяку хлебнул прямо из него. Потом повернулся к Тускатти: а ты? Барон легкомысленно пожал плечами: ну а мне-то зачем? Да еще на пару с этим чистоплюем Званцевым. Ну сорвал мне этот вьюнош защиту диссертации – и что с того? Университетов у нас что ли мало? Поеду в Казанский, там спокойно защиту проведу. Или еще лучше – в Дерптский: ему не впервой докторские степени присваивать кому надо. Тоже мне проблема... Если каждого такого кристально честного убивать – да еще не одного, а на пару с приятелем – этак полстолицы перестрелять можно.

– Ручаетесь за вас обоих, получается? – спросил сыщик. Гагаринский усмехнулся.

– Ручаться можно только за себя – так, пожалуй, и сделаю. Но если вас интересует мое мнение, а не ручательство – извольте: я полагаю, что Тускатти не убивал ни Дмитрия Павловича, ни Павла Андреевича.

– А насчет Алексея Званцева что скажете? Его мог?

– Не знаю, не берусь сказать.

– Что же, оставим тогда эту тему. Что было дальше?

Судя по рассказу, Павел Андреевич не успокоился. Его, впрочем, можно было понять – верить на слово тем, кто имел мотив мстить, было глупо. Старый князь разразился в адрес этих двоих какой-то площадной бранью, которую не всякий извозчик повторил бы без запинки.

– Мы не стали выслушивать этот грязный поток, изливающийся в наш адрес, и удалились. Помнится, князь крикнул, «куда, мерзавцы, собрались – я еще не все решил с вами». Тут я не выдержал и сказал, что простите великодушно – но мы собрались не куда, а откуда – из этого гостеприимного дома.

Дальнейшего посетители не видели, поскольку вышли из комнаты, но звон стекла явно свидетельствовал, что его сиятельство едва не убил кого-то графином – и лишь по счастливой случайности он попал в стену.

– О смерти самого Павла Андреевича знаете что-нибудь?

– Я слышал о ней, но каких-то деталей не знаю. Прозвучит подозрительно, но его убийцу мне остается только поблагодарить. Если князь и в самом деле вбил себе в голову, что я как-то причастен к смерти его сына, то он бы не остановился. Вполне возможно, что будь он жив, вы бы сейчас обзревали в морге мой хладный труп – он был человек бешеный, мог подослать кого, а мог бы и сам приложить руку. Я бы не удивился.

На этом допрос окончился; по крайней мере Гагаринский обозначил это весьма недвусмысленно: он встал с кресла и протянул на прощание руку. У Филимонова к тому моменту тоже закончились вопросы, он поблагодарил свидетеля за предоставленные сведения и напомнил, что ожидает письмо.

– Единственный момент, ваше сиятельство, – уже в дверях повернулся Антон Карлович. – Вы не знаете, где можно найти Тускатти?

– Хороший вопрос... – впервые за весь вечер удивился Гагаринский. – Я регулярно вижу его на приемах, но ни разу не был у него. Нет – не знаю его адреса.

У самых дверей статский советник вновь увидел швейцара, который морщил лоб и возбужденно думал, не ошибся ли он, впустив премьер-министра. Вроде как тот сказал на английском только одно слово и не представил никаких удостоверений – но, с другой, этого англичанина не спустили с лестницы и не выкинули из окна, а весьма любезно проводили до дверей и даже пожали на прощание руку. Вдруг он и в самом деле премьер?

Статский советник решил подбодрить беднягу – тем более, вдруг сюда придется возвращаться? Он подошел к нему, добродушно хлопнул по плечу и выдал весь наличный запас известных ему английских слов: «yes, but no».

Глава 14

В то же самое время надворный советник Уваров вел допрос барона Тускатти. Опытный глаз сыщика сразу подметил несколько странных деталей в обстановке квартиры. Каждая из них была, казалось бы, мелочью, но все вместе они складывались в какую-то подозрительную картину.

Итальянский аристократ жил в квартире, где был ремонт не первой свежести. Нет, это не просто звоночек – это удар в колокол: почему разодетый в пух и прах барон живет... ну если не в дыре, то в помещении, которое никак не соответствует его высокому статусу? Второе, что было не менее значимым: скудность обстановки. Да, на стенах висело несколько картин, стоял, чуть покосившись, золоченый столик, на каминной полке было два серебряных подсвечника, но все не то – совсем не то, что можно ожидать от гостиной аристократа. Третье, наконец – при всей немногочисленности украшений чувствовалась какая-то их сумбурность, почти безвкусица. Ничего удивительного, что хоть сам барон и бывал в лучших домах Петербурга, однако никто не мог похвастаться, что побывал на приеме у Тускатти.

Павел Августович оказался довольно молодым человеком, лет примерно 28, красавцем, здоровья которого хватило бы на выкапывание Панамского канала.

– *Mi dispiace dovervi incontrare in questo misero appartamento!* – затараторил он, едва только открыл дверь. Барон даже не спросил, кто к нему пожаловал: пожимая и трясая руку, он пригласил незнакомого пока сыщика внутрь. – Простите, привычка! Очень жаль, что мне приходится встречать вас в этом убогом жилище. Моя квартира сейчас в ремонте, а купить что-то пристойное никак не получается, у вас что-то странное в столице насчет приличных квартир. Поверите ли? – я два месяца откладывал ремонт, чтобы найти достойную квартиру на время – но ничего не нашел. Увы, приходится принимать вас вот в таком убожестве.

Неожиданный приступ откровенности сразу вызвал недоверие у сыщика: с чего бы свидетелю говорить об этом буквально с первым встречным? Он еще даже не знает, кто к нему пришел. Ну, не хоромы, не Зимний дворец – ну и что же? Сам Уваров, будучи надворным советником – а это подполковник – жил в квартирке поскромнее и не жаловался. Можно подумать, кому-то в полиции есть дело до того, где вы, господин барон, проживаете. Что это? – неумелая попытка в чем-то убедить или просто итальянский темперамент, где душа нараспашку?

Надворный советник представился по всей форме и объяснил цель своего визита.

– Да... – задумчиво проговорил Тускатти. – Нехорошая история, весьма нехорошая. Я был бы крайне вам признателен, *caro amico*, если бы удалось избежать появления моего имени в газетах в связи с этим делом.

– Это зависит только от того, в каком качестве вы к этому делу причастны, – ответил Уваров. – Если вы не при чем, не вижу никакой нужды публично говорить об этом, но если вы как-то связаны с этими смертями, суд и огласка неизбежны. Но боюсь, что этом случае репутация – последнее, о чем стоит беспокоиться.

– Это я понимаю прекрасно, это можете не объяснять. Я прошу только, чтобы до окончания следствия – к каким бы выводам оно не пришло – не упоминалось мое имя. Когда же оно закончится, то следственная комиссия сама убедится в моей непричастности. Я, видите ли, имею успех в лучших домах столицы, а скандал такого рода может мне навредить.

Суть его просьбы была понятной: скандал такого рода в высшем обществе мог прервать его успех – успех, под которые давали кредиты и варрантные ссуды, поили шампанским и коньяком, танцевали, приглашали на пикники и даже давали поцеловать руку. Весь этот успех, если только появится хоть малейший намек на участие в грязном... да что грязном, просто сомнительном деле – улетучится быстрее, чем успеешь объясниться. Да и кого интересуют объяснения, если общественное мнение уже все решило и права на апелляцию и кассацию не дает? Репутацию не зарабатывают, ее как высокое здание аккуратнейшим образом выстраивают на очень зыбком фундаменте – и хватит легкого толчка, чтобы крепкое с виду сооружение разлетелось в прах. Даже не на осколки, ибо осколки еще можно собрать и склеить, но прах обратно не соединишь.

– Итак, господин барон, вы были на приеме у князя Васильевского... – открыл блокнот сыщик и приготовился записывать.

– Нет, – ответил Тускатти. – Назвать это приемом нельзя. Это был поток ругани и оскорблений в наш адрес – и только.

– В ваш адрес и адрес князя Гагаринского? Старый князь вас в чем-то обвинял? – спросил Уваров, еще не знавший, что рассказал второй визитер.

– Обвинял? – удивился Тускатти. – То, что там произошло, нельзя называть обвинением – как нельзя назвать хулиганом и баловником Джека Потрошителя. Обвинения предъявляются официальным лицом, которое уполномочено государством. Обвиняемый получает право на адвоката, может высказаться в свою защиту в суде. А тогда едва не произошло убийство! Я пришел в дом к Васильевскому...

– Вы это сделали по собственному желанию?

– По собственному желанию я бы ему даже в морду не дал. Мне прислали письмо...

– Оно сохранилось? – перебил его Уваров.

– За каким дьяволом мне его хранить? Нет, конечно – давно сгорело в печке.

– Помните содержание?

– Разумеется: меня приглашали посетить в этот прекрасный вечер дом князя...

– И вы пошли?

– Можно подумать, что у меня был выбор. То есть он, конечно, был – но... Видите ли, в этом приглашении очень явно прослеживалась одна мысль. Прямо ее нигде не написали, но она

подразумевалась: если я не приду, князь сочтет меня виновным и найдет способ раскрыть мне череп.

– Даже так?

– Именно. А то, что я слышал о его сиятельстве, не оставляло сомнений: он не побрезгует. Поэтому, собственно, я и поехал: тут был шанс остаться в живых, а не быть зарезанным в подворотне. И, как видите, я жив.

– В отличие от Павла Андреевича, – не к месту добавил Уваров и тут же вернулся к теме. – Итак, вы приехали около восьми?

– Несколько раньше, я бы сказал – без двадцати примерно. Я позвонил в дверь, мне открыл камердинер и пригласил пройти в комнату. Я прошел, налил себе коньяку – кажется, это был Готье – и только его попробовал, как раздался звонок: в точности такой же, какой был, когда звонил я. Прошла где-то минута, даже меньше – и в комнату вошел князь Гагаринский. Не скажу, что мы хорошо знакомы, просто виделись несколько раз – но я все понял. Владелец дома вызвал нас, чтобы учинить допрос: он подозревает, что мы причастны к смерти Дмитрия Павловича.

– Затем вы встретились с хозяином дома?

– Да, немного погодя снова явился камердинер и пригласил нас в кабинет. Васильевский начал спрашивать, Гагаринский в ответ только что хамить не начал. Глядя на это все, я очень надеялся, что старый князь сможет сдержать себя и все-таки не даст графином по голове моему спутнику; не скажу, что мы большие приятели, но я подумал: если он убьет Гагаринского, я как свидетель отправлюсь следом. Пришлось его спасать, переводить разговор в более-менее спокойное русло.

– О чем он спрашивал?

– О том, где мы находились в момент убийства, – начал перечислять барон. – Понятия не имею, где я находился – я даже не знаю, когда оно произошло. И, говоря откровенно, меня это мало заботит. Еще спрашивал о том, какие у нас были мотивы. О том, не приковать ли нас цепями к стенке в подвале.

– А у вас были мотивы совершить это преступление?

– Ну что ж... я имел основания злиться на Званцева – но чтобы убивать, да еще сразу двоих? – нет, я не полоумный. Это явный перебор. Синьор Гагаринский сказал, что давно остыл от гнева и зла на Дмитрия Павловича не держал. Якобы тот даже принес свои извинения. Тогда князь разъярился еще больше: так это заговор?! Вы вдвоем их убили, а теперь покрываете друг друга! Обоим несдобровать, обоим... он чуть было не продолжил...

– Что продолжил?

Тускатти помялся, но предположение озвучил. Вполне возможно, старый князь хотел сказать «обоим убью» – но понял, что это прямая угроза, которая грозит уголовной статьей. Последовало еще несколько фраз – и Гагаринский не выдержал. Он направился к выходу, а хозяин дома крикнул что-то вслед.

– Я не расслышал, что именно. Гагаринский ответил какой-то дерзостью и чуть ли не за шиворот выволок меня из комнаты.

– А дальше?

– Дальше? Что было дальше... Когда мы вышли, я набросился на князя: вы что, с ума сошли? – дерзить этому душегубу? Нам повезло, что мы вышли отсюда живыми. Он сказал, что тот лучшего обращения не заслуживает и распинаться перед ним не намерен.

– Пожалуйста, продолжайте.

– А продолжать-то особенно и нечего. Я малость успокоился, Гагаринский тоже. Я предложил выпить по бокалу шампанского, но князь, видимо, куда-то спешил. Мы попрощались – и все.

– И больше...

– Да, с того дня мы пока больше не виделись.

– Ясно, – ответил Уваров, поднимаясь с кресла. – Спасибо, что уделите время и ответили на вопросы. Пока что других у меня нет...

– В любое время, прошу вас, задавайте – перебил Тускатти. – К вашим услугам. Если вдруг что – приходите в любое время. Но прошу сразу простить, в ближайшее время смогу принимать вас только в этой квартире.

– ..., кроме одного, – закончил мысль надворный советник. – У вас есть какое-нибудь алиби на время совершения убийств?

Он перечислил даты и время. Барон нервно поправил волосы:

– Нет, боюсь, что нет. И ради всех святых – не упоминайте пока...

Когда за сыщиком закрылась дверь, Тускатти отшатнулся от нее и почти упал на стену. Пот лился градом со лба, он вытер его платком и выдохнул, преувеличенно громко сказав: *Madonna, cosa fare? Cosa accadrà?*⁴

Уваров и подумать не мог, что допрос пройдет столь гладко и быстро. За пятнадцать лет службы в полиции Владимиру Алексеевичу не раз попадались свидетели из высшего общества – и ничего, кроме презрения, обещаний устроить неприятности по службе и фразы «Проводите господина полицейского к выходу» он не встречал. Но тут все обернулось иначе – барон был сама любезность. Даже подозрительно, – подумал сыщик на обратном пути.

– Ваше высокоблагородие! – прервал его размышления дежурный. – Задержанный из восьмой камеры требует...

– Адвоката? Вызовите, в чем проблема? Или ему подавайте Плевако? – так тот в Москве, быстрее отсидеть, чем вызывать и ждать такого защитника.

– Никак нет, – отрапортовал тот. – Требуется чай и порцию горячего.

– Их кормили?

– Осмелюсь доложить, так точно! – кормили. Но тот был чем-то недоволен и запустил кашу в физиономию надзирателю. Пшенную. Хорошо, что только теплая была.

– И? – дальше что?

– И всё, ваше высокоблагородие. Вторую порцию не давали по причине ее отсутствия.

– Кто таков? – спросил Владимир Алексеевич. – Купец какой-нибудь?

– Сын купца третьей гильдии Салфеткина. Задержан за публичный цинизм.

Уваров хотел было удариться в размышления о том, что купцы всегда одинаковые – набалуют детей, а нам, скромным труженикам, с ними разбираться... Но дежурный поставил вопрос ребром:

– Так что делать, ваше высокоблагородие? Они же жаловаться будут.

– Не будут, – ухмыльнулся Уваров.

В голове у него созрел план может быть мелкой и даже мелочной, но все-таки мести. Он подошел к столу и налил в пару стаканов чайной заварки. Один он разбавил водой из графина, во второй налил из самовара кипяток.

– Вот ему чай, – сказал он, протянув первый, и берясь за второй. – А вот – порция горячего.

Уваров коротко рассмеялся, дежурный вослед за начальством начал хохотать. Он схватил обе чашки и хотел скрыться за дверью предварилочки, но услышал позади голос.

– Давно доставлен? На него протокол хотя бы составили?

– Никак нет, еще не составил, – повернулся он.

– Отнеси горячее с чаем – и сразу за протокол. Если адвокат приедет, а у нас на руках пусто, так по шапке дадут – и хорошо дадут, не оклемаемся.

В кабинете статский советник Филимонов сидел, погруженный за стол, и со всем присущим ему вниманием снова и снова изучал плотный листок бумаги, привезенный ему из дома Гагаринского. Это был именной бланк князя Васильевского, на котором его сиятельство собственноручно написал несколько строк. Похоже, свидетели не ввали.

– Что допрос? – спросил Филимонов.

– Допрос? – переспросил сыщик. – Антон Карлович, вы позволите я скажу все, что думаю об этом бароне? У меня нет ни одного факта, ни одного доказательства – но вот поверьте: чутье сыскающей ищейки не подводит. Этот Тускатти – темная личность.

Тот что-то буркнул в усы – а, может быть, просто слегка кашлянул от табака: в пепельнице лежало полдюжины обгорелых папиросных гильз и очередная дымилась у статского советника в руке. Доверять чему-то, что не подтверждается фактами – в высшей степени непрофессионально и глупо. Не доверять – профессионально, однако столь же глупо: интуиция, чем бы она не была –

⁴ Мадонна, что делать? Что будет? (итал.)

откровением свыше или произвольным анализом большого объема информации – все-таки существует и никуда от этого не деться.

– Это предположение? Или у тебя есть что-то? Не просто так ведь тебе это в голову ударило?

– Мелочи, буквально пара пустяков – но есть в них что-то странное, – сыщик взял папиросу и чиркнул спичкой. – Он начал говорить со мной по-итальянски, но тут же переключился на русский.

– И что же?

– У меня стойкое ощущение, что русский он знает лучше своего родного языка. Вы знаете, Антон Карлович, я иногда говорю сложно и витиевато – но он ни разу меня ни о чем не переспросил. Никакого акцента. Мне показалось даже, что он не итальянец, выучивший русский, а наоборот.

– Так... – поднялся с кресла Филимонов. – Еще что-нибудь?

– Еще одна мелочь: он как будто бы стесняется своей квартиры. Квартирка-то и в самом деле негодная, обставлена плохо – я бы и то лучше обставил. Как-то непохоже на человека из высшего общества, не вяжется.

– Дальше?

– Третье – и самое главное: зачем он обратился ко мне по-итальянски? Я этого языка не знаю.

– Ему-то это почем знать? – покачал головой статский советник.

– Не скажите, Антон Карлович. Вот вы скольких людей лично знаете, которые хорошо итальянским владеют?

– Лично? – переспросил статский советник и крепко задумался. – Ну... Николай – профессор наш. Он, говорят, по-итальянски шпарит лучше некуда. Варвара Георгиевна тоже прекрасно им владеет. Да и все, пожалуй.

– Получается, двое. И я тоже знаю только их. В столице не так много людей, которые могут на нем не то что разговор поддержать, а хоть одно предложение перевести. Тогда зачем ему это понадобилось?

– Привычка, – махнул рукой Филимонов. – Привык в своей Италии – он же там не на русском говорит...

– Именно! – вот в том-то и дело, Антон Карлович! В этом вся странность и заключается. Представьте себе: приезжаем мы с вами в Германию – на каком языке мы будем говорить?

– На немецком, естественно.

– Почему?

– Ну как почему? Потому что это гарантия, что нас поймут.

– В точку! – хлопнул руками сыщик. – Если я приезжаю в другую страну, я исхожу из логичного предположения: государственный язык страны поймут. А он поступает совершенно иначе: начинает разговор на родном языке, который практически никто не знает. Я понимаю, он заговорил бы на французском – все высшее общество его знает, но итальянский? И ладно бы он не знал русского – но он говорит на нем не хуже нас с вами...

– Понятно... Убедил, это стоит проверить, не выдает ли этот тип себя за иностранца. Да и есть ли на свете вообще такой барон. Пошлем завтра запрос в посольство.

– Уже послал, завтра будет ответ.

Затем сыщики обменялись результатами допросов. Картина, в целом, складывалась непротиворечивой; возможно, кто-то из свидетелей что-то напутал или намеренно солгал – но что происходило в последний вечер жизни старого князя было понятно – тем более, показания камердинера также подтверждали разговор на повышенных тонах.

Телефонный звонок раздался в тот момент, когда в кабинете воцарилась тишина: странную историю с бароном сыщик рассказал, показания свидетелей уже обсудили. Уваров вышел в коридор, снял трубку и, довольно кивая, выслушал доклад. Тот касался результатов поиска членов бандитских шаек, которые могли совершить двойное убийство.

– Антон Карлович, есть первые результаты, – сообщил тот, вернувшись. – Задержали две дюжины человек, сейчас бертильонируют.

– Никто не признался?

– Нет, разумеется – они публика несговорчивая...

Дверь кабинета снова распахнулась, за ней стоял дежурный с конвертом в руке.

– Что такое? – спросил надворный советник.

- Анонимка, – ответил дежурный.
- Вы знаете, что надлежит делать с анонимными письмами.
- Да, но... – он протянул сыщикам конверт, где четкими литерами, вырезанными из газет, было набрано: «По делу Василевского и Званцева».

Глава 15

– Мне кажется, я начинаю понимать! – с этой фразой спустя четверть часа, без всякого вступительного слова профессор вошел в кабинет Уварова. Ни сам владделец кабинета, ни Антон Карлович не обратили на него внимания, а продолжали что-то обсуждать, склонившись над листком бумаги.

– У меня есть версия! – громче прежнего крикнул он.

– Николай, подожди! – мы только что получили по почте зашифрованную записку, возможно, от убийцы.

Тенор опешил. Кажется, все его версии – да и не только его, и версия о бандитской шайке тоже – полетели коту под хвост из-за небольшого, в несколько строк послания. Он подбежал к столу и увидел на клочке бумаги символы, которые неизвестный автор вырезал из разных листков:

*О иж дтпюю, еютэ ъ рдговэ. Ро, Биопчюижцэ с Иошисвѣюишксцэ дцсвэ
ъ, иж гхоисвѣпл глпѣвс. Топѣкэ, шкоіюю иж? Емл іэ, илбтліпл, иглвлю
илбтліпл. Хобэ, рио, мхс, еюмжхю...*

*Диюхюпэ, тж шэ иотс ююю пю хобэ ишмхюмстшѣ – пл, щлзшѣ, дію пю
из ымлтэ алрд. Рюво, рюво... Рл ишмхюес из швюрдзяютэ.*

*Гхстсмю тлс боюхюпфѣ из шлюхюхюппюфѣютэ кэ иотэ глемюпфс,
лшмозшѣ ишюаро иоѣстэ с м. р., с м. г.*

– А почему вы решили, что это наш убийца? – уточнил тенор. – Конечно, не всякий день полиции присылают зашифрованные письма, мне кажется, но мы же его еще даже не начали расшифровывать. Вдруг это по какому другому делу?

Филимонов молча протянул ему конверт, где около адреса значилось надпись «По делу Василевского и Званцева» без всякого шифра.

– Николай, ты знаешь что-нибудь о методах расшифровки тайнописи? – спросил статский советник. – Поведай, наш рассеянный Паганель.

– Нет, – уверенно заявил тот. – Иностранные языки некоторые знаю, нотные обозначения знаю все. А вот шифры...

– Я немного знаю, – подал голос Уваров. – Когда учился, то посещал одно время курсы математики. Там у нас криптолог преподавал из Генерального Штаба. Не так, чтобы профильно занимался – но пару трюков он нам показывал.

– Тебе и карты в руки. Можешь сказать, как это расшифровать? Какой тут шифр использован? Или лучше сразу телефонограмму в зашифровальный отдел Генштаба дать?

Уваров поднес бумагу чуть ли не к самому лицу и пристально смотрел на отпечатанные литеры. В его распоряжении 380 знаков, из которых 63 занято пробелами и 28 приходится на знаки препинания. Итого 289 буквенных знаков.

– Это явно не шифр Цезаря.

– Чей? – спросил Филимонов.

– Цезаря – это тот, который Гай Юлий. Ему приписывали использование шифров, где весь алфавит как бы сдвигался на одну или несколько позиций. Если на одну позицию, то «А» становится «Б», «Б» превращается в «В» – и так далее. Это не он.

– Это ведь хорошо? Мы исключили версию...

– Нет, это очень плохо. Если бы это был шифр Цезаря, мы бы в пять минут решили эту загадку. Первое же предложение начинается со слова из одной буквы. Не так много вариантов: это могла бы быть «А», «И», «О», «У» или «Я». Будь это согласный, на конце стоял бы «Ъ» – и это уже две буквы. Соответственно, считаем сдвиг в пяти случаях – и готово: один из них подошел бы. Возможно, что тут простая подстановка. И дай-то Бог, чтобы это была она. Если здесь что-то более сложное, мы можем двадцать лет над этим биться.

– Простая подстановка? – то есть это можно расшифровать?

– Можно, но сложнее, чем с Цезарем. В этом случае каждая буква меняется на другую не по очереди, как в шифре Цезаря, а по какому-то другому принципу или даже произвольно. То есть любая буква может стать любой другой.

– Букв не так много, – заметил тенор. – Всего тридцать пять литер. Достаточно просто перебрать...

– Да, литер немного, – подтвердил Уваров. – Но вот задача: предположим, что литера «а» меняется на какую-то другую, скажем, «ц». Литера «б» не может измениться на «ц» – эта буква уже занята. То есть у первой 35 вариантов замены, у второй – 34, у третьей – 33 – и так далее. Итак, количество возможных комбинаций будет так называемым «35 факториал». Понадобится перемножить все числа от 1 до 35. Представляете себе масштабы этого числа?

– Не особенно, хотя это явно что-то большое, – вынужден был признать ошибку тенор.

– Тогда как это взламывать? – спросил Филимонов.

– Есть три основных способа взлома... – начал Уваров.

Первый уже рассмотрели и от него отказались – перебор вариантов в данном случае невозможен, разве что удастся другими методами сократить количество комбинаций.

Второй способ назывался частотным анализом. Различные буквы встречаются на письме с той или иной периодичностью: скажем, буква «а» будет попадаться гораздо чаще, чем «ю» или «э». Для такого метода нужен достаточно большой текст, чтобы эти закономерности проявились.

У сыщиков такого текста было достаточно – но в том-то и дело, что частота использования букв рассчитана для нормальных, что называется, условий. А тут условия могут быть ненормальными: автор мог написать письмо с намеренными ошибками или специально не использовал слова с какими-то буквами.

– А третий? – теряя надежду, поинтересовался Филимонов.

– Третий основан на том, чтобы из самой логики построения зашифрованного текста найти подсказки для первых двух методов. Мы уже видели пример с первым словом первого предложения. Одной простой догадкой мы сократили количество вариантов в семь раз.

– Тогда давай начнем с буквы «Ъ», которая добавляется в конец слова, если перед ней стоит согласная. В нашем шифре это, очевидно, буква «Э», – сказал статский советник и покачал головой. – Я лично больше ничего не нахожу.

– Николай Константинович, может у вас есть версии? – повернулся к нему Уваров.

– Ну... – протянул тот. – Затрудняюсь что-то вразумительное сказать. Это вообще возможно?

– Конечно, достаточно развить умозаключение, которое выдвинул Антон Карлович – ничего сложного.

Если «Э» – это буква «ер», то гласными являются все буквы, на которые заканчиваются слова – иначе на конце был бы «ер». Так мы получаем «О», «Ж», «С», «Ъ», «Ю», «У» и «Д». Можно предположить, что «Ъ» не является буквой «А» – в первом предложении перед союзом стояла бы запятая, а автор послания судя по всему расставлял все нужные знаки препинания.

Далее обращаем внимание на самый конец письма, где идет сочетание «с м. р., с м. г.». Как ранее выяснили, «С» является гласной буквой, поскольку нет окончания с «ъ», а дальше идут две буквы с точками. Очевидно, это сокращения – и они очень похожи на оборот «и так далее, и тому подобное».

– Вполне возможно, что порядок слов обратный, что «далее» идет на втором месте, – заметил Филимонов.

– Согласен, но это выяснится при проверке: пока мы только строим гипотезы.

Перед сыщиками теперь лежал лист бумаги, где начали проявляться первые буквы расшифрованного текста. Пока их было всего пять и никакого осмысленного слова восстановить не получалось.

Неожиданно заскрипела дверь и в кабинет зашел дежурный с бумагой: «Ваше высокоблагородие, протокол по задержанному хулигану Салфеткину. Подпишите?» Уваров уже обмакнул перо в чернильницу, но вдруг недовольно взглянул на вошедшего.

– Кто писал?

– Осмелюсь доложить, я писал!

– «Задержанный» пишется с двумя... – он прервался на полуслове, росчерком завизировал бумагу, швырнул ее дежурному и быстро повернулся к шифровке. – Последнее предложение! Двойная согласная. «П» – это «Н».

– Но если так, «Л» должна обозначать «О»! – вставил Каменев.

– Почему? – спросил статский советник.

– Да, вы правы, профессор! – второй абзац, первое предложение. Слово из двух букв, начинается на «Н», перед ним тире, после – запятая. А если мы вернемся к последнему предложению, то второе слово – «мои»: «Т» – это «М».

– Есть и другие варианты...

– Есть, но «бои» – не подходит по логике, о каких боях ему писать? «Гои» – тоже, вряд ли он сионист. Вот маньяк – пожалуй, да... Союз «кои» отделялся бы запятой.

– «Сои»?

– Он выпускник сельскохозяйственной академии, чтобы писать про сою? Что там может быть написано? – «Васильевский умер потому, что объелся сои?» Нет, это буква «М».

– А «Ы» обозначает «Э» – это видно из конца второго предложения во втором абзаце. Слово «этомъ». «Атомъ» я отверг бы по той же причине, что и сою. «Ртомъ» тоже маловероятно – тем более, что буква всего один раз встречается. А перед этим словом еще есть предлог – и предлог этот – «въ». «И» – это «В».

– Тогда обращаем внимание на самое начало текста. В зашифрованном «иж» мы нашли первую букву – это «В», а зашифрованная «Ж» – это гласная, как мы ранее выяснили. Это «вы»! И ниже: «тж шэ иотс» – «мы ъ в. ми». Очевидно, это «мы с вами».

К этому моменту содержание письма в принципе было понятным. Оставшиеся буквы расшифровали точно так же, как это делали до того – подставляя подходящие варианты в нужные слова. В конечном счете, потратив около получаса на расшифровку, сыщики увидели перед собой полный текст:

А вы умнѣй, чѣмъ я думалъ. Да, Званцевыхъ и Васильевскихъ убилъ я, вы правильно поняли. Маньякъ, скажете вы? Что жъ, возможно, вполнѣ возможно. Разъ, два, три, четыре...

Увѣрень, мы съ вами еще не разъ встрѣтимся – но, боюсь, уже не въ этомъ году. Дѣла, дѣла... До встрѣчи въ слѣдующемъ.

Примите мои завѣренія въ совершеннѣйшемъ къ вамъ почтеніи, остаюсь всегда вашимъ и т. д., и т. п.

– Странное письмо. Зачем понадобилось такое отправлять? – спросил Уваров.

– Очевидно, у него не все в порядке с головой, – процедил сквозь усы Филимонов. – Эдакий тип великосветского маньяка – орфография правильная, запятые и тире на месте, прощальный оборот элегантен.

– Ну даже если так, это же ничего не объясняет, – упорствовал надворный советник. – Хоть бы у него в черепной коробке аптекарская чистота была – но причина-то есть? Это связный текст, который зашифровали – да, довольно простым шифром – но зашифровали. Это не было сделано во время припадка. И почему мы так уверены, что это написал убийца? Такую записку мог состряпать буквально кто угодно – шифр-то довольно примитивный. Кстати, я идиот: два слова в середине предложения с большой буквы – я должен был понять, что это фамилии. Расшифровали бы втрое быстрее.

– Какой смысл в этом? – спросил шеф полиции, пропустив мимо ушей последнее замечание. – У кого могут быть мотивы посылать такое письмо?

– Ну, – почесал затылок Владимир Алексеевич, – вот как минимум один вариант...

Если все эти преступления действительно совершила бандитская шайка, им выгодно отвлечь от себя подозрения. Такое письмо должно было бы сбить сыщиков с толку и заставить их искать не группу предварительно договорившихся лиц, а мифического маньяка-одиночку, который совершил все эти убийства – и которого на свете никогда не было.

Допустим, что полиция приняла бы версию маньяка и стала бы его искать. В конце концов сыщики докажут, что все это фальшивка, мистификация – но время-то уже упущено. Самое высокое начальство требует результатов, предъявления обвинения, посадки виновного – а его нет. Какова логика бандитов: полиция хватает первого попавшегося подозреваемого, навешивает на него всех собак – и тот неспешным шагом совершает пешее путешествие по Владимирскому тракту во глубины сибирских руд. Тогда они избежали наказания и продолжают заниматься разбоями и грабежом.

– Чем не вариант? – заключил Владимир Алексеевич. – Могли они так думать?

– Могли, – подтвердил Филимонов. Тенор с явным неудовольствием вынужден был согласиться, что такая цепочка рассуждений имеет право на существование.

Статский советник буквально встал на перепутье. Два варианта ведения расследования, которые совершенно противоположны и не пересекаются – но вполне могли произойти. Придется либо бросать все силы на поимку банды, либо искать маньяка-одиночку – третьего не дано. Распыляться – значит бить вполсилы.

– Если надо решиться на что-то одно... Давайте так: кто за какую версию? Николай, начнем с тебя: кратко, четко, по делу.

Речь Каменева сводилась к нескольким пунктам. Первое: письмо надо считать подлинным, отправил его виновный. Второе: все свидетельские показания, полученные ранее, внутренне непротиворечивы и правдивы. Там могли быть оговорки, кто-то мог перепутать названия коньяков – но это мелочи. Третье: убийство Васильевского-старшего подтверждает то, что это не были действия банды. Посторонний человек не мог пробраться в этот дом, не говоря уж обо всей шайке. Четвертое: смерть Михаила не является случайной, а тесно связана с первым делом.

– Пока в расследовании есть еще несколько моментов, которые мне непонятны, но принципиально я за версию одиночки. Банда это сделать не могла, а череда не связанных между собой преступлений была бы слишком большим совпадением, – закончил он.

– Володь, твоя очередь, – повернулся Филимонов. – Полагаю, мы услышим противоположную версию?

– Да, – коротко заметил надворный советник. – Прежде всего необходимо подвергнуть критике обозначенные четыре тезиса. Что касается подлинности письма и его авторства, тут мы не имеем никаких доказательств. Даже если бы я сказал, что оно прилетело с Юпитера по канатной дороге, это был бы равнозначное утверждение – ни то, ни другое никак не подтверждается. Со вторым тезисом я склонен согласиться: раз речь идет о бандитских шайках, свидетели не станут врать в попытке избежать ответственности. Третий пункт: меня не устраивает даже сама формулировка – «убийство Васильевского-старшего». Нет доказательств, что это убийство: это могла быть случайная передозировка или самоубийство. Поэтому я предпочту говорить «смерть Васильевского-старшего». Наконец, четвертый: никаких доказательств вновь не представлено.

Итак, доводы весьма сомнительны. Теперь обратимся к тому, что подтверждает мою версию. Положение тел – раз. Один человек не может одновременно стрелять с противоположных сторон. Порох на руках убитых, следовательно, самооборона – два. Характер убийства Михаила Званцева – три. Само место совершения двойного убийства – четыре. О том, что наш мифический маньяк убил старого князя, мы знаем из одного-единственного источника информации. А источник-то сомнительный – то самое письмо.

Но хорошо, допустим на минуту, что это действительно убийство. Каким образом в таком случае оно совершено? В бутылке портвейна следов дигиталиса нет, судя по заключению Ивана Ароновича. В теле есть, в портвейне и в бокале нет... Значит, выпил сам. И самое главное: решительно все аргументы в пользу маньяка-одиночки расплывчаты, весьма условны и, что важно, не бесспорны. Прислали письмо – ну и что же с того? Бандиты писем не пишут?

В тот момент, когда Филимонов поднялся, чтобы заявить о своем решении – а решение всякому здравомыслящему человеку было понятно – в коридоре раздался телефонный звонок.

– В общем... – проговорил статский советник. – В общем, если оценить аргументы «за» и против... В общем, направление дела таково... Да черт возьми! Поднимите уже трубку, сосредоточиться невозможно.

Уваров выпорхнул из кабинета, преисполненный желанием побыстрее сказать, чтобы перезвонили, а не мешали в тот момент, когда решается судьба уголовного расследования. Минуту спустя он вернулся в кабинет в таком виде, словно потерял голос во время выступления в Ковент-Гардене. Глаза его смотрели – нет, не в пустоту: они, скорее, никуда не смотрели, и хотя посылали электрические сигналы в мозг, тот не преобразовывал их в картинку. Тенору стало ясно, что что-то произошло, но Антон Карлович продолжал стоять и смотреть в свои записи:

– Направление нашего дела таково, – продолжил он свой спич, – что расследование по этим четырем смертям...

– Пяти, – проговорил Уваров. – Званцев скончался. Петр Казимирович.

Глава 16

– Убит? – грозно спросил Филимонов.

– Пока непонятно, я тут же отправил Ивана Ароновича. По телефону звонила вдова Михаила, сказала, что обнаружила тело.

– Эльза?

– Да, говорит, что она со слугами обнаружила тело в кабинете, когда якобы пришла пожелать спокойной ночи после ужина. Старик отказался завтракать и не спускался в столовую весь день, поэтому...

– Решила проверить, здоров ли он?

– Этого не говорила, но очевидно, что так.

– Снова банда? – встрял в разговор Каменев, всячески придавая звучанию голоса ноту самодовольного сарказма. – До княжеских спален добрались?

– Николай, знаешь что... – прервал его статский советник. – Это не доказательство твоей версии, и уж тем более не опровержение версии Владимира Алексеевича. Старик мог помереть просто так, от застарелой болезни сердца.

– Мрут, ваше высокородие, чересчур обильно, не находите? – перешел на иронию тенор.

Статский советник не стал отвечать, а только дважды махнул рукой: один раз в сторону Каменева – хватит паясничать, второй раз – поворотившись к Уварову: собирайся, надо обследовать место.

– Николай, поедешь с нами?

– Куда? – переспросил он. – А, на квартиру Званцева? Нет, не поеду. Полагаю, направление дела вполне определено, мне там делать нечего. К тому же у меня есть своя версия, тут я ничего нового не узнаю.

Последнее заявление прозвучало так, словно капризный ребенок отказался от конфет потому только, что ему перед этим не купили игрушку. Казалось бы: если уж ввязался в расследование, так будь любезен – доведи до конца: такая позиция обычно нравится мужчинам.

Прекрасная половина человечества часто придерживается иной, хотя столь же логичной и обоснованной позиции: если не понравилось сразу, не надо себя мучить и продолжать до победного. Лучше уж тогда бросить все к чертям и заняться чем другим, благо вариантов много.

В подтверждение тезиса, что род человеческий делится на мужчин, женщин и теноров, профессор Каменев выбрал сейчас совершенно абсурдный способ участвовать в уголовном расследовании: что нравится – принимаю участие, что не нравится – туда не поеду. Он достал из кармана золотые часы, которые показывали ровно пять вечера: «А у Званцевых рано ужинают...»

– Почему же рано? – удивился статский советник и тоже полез в карман. – Хотя да, в половине седьмого...

– Какая половина седьмого? – голосом, полным ужаса, проговорил Каменев и приложил безмолвные часы к уху. – Я покойник...

Забыв обо всем на свете, он полетел в театр, где проходила вечерняя, одна из заключительных репетиций новой постановки «Евгения Онегина». О деле он больше не думал, а занят был только той мыслью, получит ли от дирижера Эдуарда Францевича нагоняй за опоздание.

В отличие от него сыщики – люди, облеченные властью, а потому в чем-то подневольные. Могли ли они сказать «Званцев, конечно, мертв – но нас это не устраивает»? Могли – но от этого поездка на место возможного преступления не перестала бы быть обязательной.

Дверь им открыла Эльза, совершенно осунувшаяся за несколько дней. Движения ее напоминали не столько движения марионетки, дергающейся вослед за рукой, сколько механического человека, заведенного на пружину: ни одного лишнего жеста, ни одной эмоции на быстро постаревшем лице – да и те немногие казались предельно скупыми и экономичными.

Увидев на пороге сыщиков, она отступила от двери на два шага влево и чистым голосом сказала «Проходите, господа». Чистым – не значит без хрипов и фальши: он был таким оттого, что как и жесты был механическим, словно принадлежал искусно сделанному манекену, где в нужный момент воздух заполняет легкие, где ювелирно, с точностью природы мастер сделал голосовые связки, где, наконец, лобные и грудные кости образовали своего рода деку – но где нет единственно того, что отличает куклу от человека – жизни.

Она проводила сыщиков до кабинета Петра Казимировича, бывшего ему и спальней, где теперь лежали его останки. Смерть застала старика за письменным столом, на котором лежала писчая бумага, не тронутая чернилами, а перо, выпавшее из руки, образовало на ковре маленькую фиолетовую кляксу.

– Будьте любезны, молодые люди, перенесите его на диван, – попросил врач. – Мне надо сделать себе мнение по причине смерти.

Антон Карлович и Владимир Алексеевич взяли покойного, хотя любой из них мог в одиночку справиться с этим – и дело было не в природной худобе. «Несчастный старик, – подумал Уваров. – Не смог пережить гибель сыновей. Сначала Алексей, его любимчик, потом Михаил. Да и кто бы смог пережить такое?»

Маленькое и тщедушное тело, словно высушенное обрушившимся горем, положили на диван, доктор нацепил пенсне.

– Без вскрытия сказать трудно, но я предположу: левожелудочковая недостаточность. Вероятно, случился сердечный приступ, повлекший за собой кардиогенный шок.

– У него были шансы? – спросил статский советник.

– При его возрасте и состоянии? Один на сто, даже меньше. Сделайте себе понимание, господа: молодежь редко сталкивается с кардиогенным шоком, но если он случается, даже они умирают в девяти случаях из десяти. Что уж говорить о старике, да с его сердцем-то. Впрочем, я могу ошибаться – и это мог быть приступ сердечной астмы. В этом случае прими он экстракт наперстянки...

– Снова наперстянка? – перебил его надворный советник.

– Прими он экстракт наперстянки или нитроглицерин по методу Мюррелла, – продолжал врач, не обращая внимание на сыщика, – у него были бы шансы, хотя риск все равно оставался очень значительным. Пока это все, что могу сообщить без вскрытия. Разве что добавлю: умер он примерно от четырех до шести часов назад.

Следов насильственной смерти в комнате не обнаружилось: дверь была заперта изнутри, и только значительными усилиями, не без помощи лома ее вскрыл дворецкий, когда крики Эльзы донеслись до первого этажа. Ничего не было украдено, кровавых надписей на стенах, записок от убийцы или чего-то еще, что наталкивало бы на версию об убийстве, не было.

– Мы понимаем, в каком вы сейчас состоянии... – проговорил сыщик слова, которые по долгу службы ему так часто приходилось произносить.

– Нет. Боюсь, не понимаете, – не меняя ледяного тона, прервала его Эльза. – Я очень хотела бы, чтобы и никогда не поняли, потому что полностью понять – значит пережить. А пережить это невозможно.

Эльза родилась в небогатой семье. Какое-то время она работала в Петербурге учительницей и так познакомилась с замечательным человеком – Алексеем Званцевым. Сам он не обратил на нее особенного внимания – вернее сказать, его заинтересовали только очень интересные и глубокие мысли девушки на предмет музеев и организации экскурсионных кружков. Где-то он спорил с ней, где-то соглашался – и в итоге наблюдения молодой учительницы были опубликованы небольшой брошюрой, которая попала на глаза председателю музейного комитета при Академии Наук. Был им Петр Казимирович Званцев.

Так состоялась ее знакомство со вторым членом семьи, куда скоро она войдет. Старик пригласил автора, скрывавшегося под псевдонимом «Э. К – ер» на обед, чтобы обсудить его идеи, столь четко и с глубоким знанием дела изложенные в брошюре. К его удивлению автором, который должен был быть приват-доцентом или хотя бы магистром, оказалась молодая красивая девушка.

– Эльза Кёльнер – я воспользовалась своей девичьей фамилией, – уточнила она. – А что, ваш знакомый не рассказывал вам?

– Знакомый? – в один голос спросили сыщики.

– Да, профессор Каменев. – Он проводил меня до аптеки, а я рассказала ему то же, что и вам. А он что – не с вами?

– Он бывает... эксцентричен, – подбирая слова, процедил Филимонов. – И забывчив.

– Наш разговор с Петром Казимировичем тогда растянулся, – продолжила вдова. – Знаете, мы сами даже не заметили, как проговорили пять с половиной часов. Время было уже позднее и он предложил пообедать вместе. Тут мы с Мишей и увидели друг друга. Говорят, что любви с первого взгляда не бывает... Ложь! Это была она... – Эльза запнулась. – И вы не можете себе представить, каково это: за неделю потерять сначала человека, который познакомил нас с мужем, затем любимого, а теперь его отца – моего благодетеля – и больше того: быть подозреваемой в этих злодеяниях.

– Да, примите наши соболезнования, – поспешил заверить ее надворный советник. – Вы правы: мы не понимаем, каково это, даже в мыслях не имеем.

Здесь следует заметить, что в мыслях Уварова действительно крутилось одно сочувствие к Эльзе, хотя исключать ее из числа подозреваемых не было никаких оснований. В голове Филимонова крутилась совсем иная, более прозаическая и менее возвышенная мысль: «Убью! Николай, только попадись мне на глаза, дай только встретить тебя – посажу на десять суток в предварилку. Пусть думает в следующий раз, что делает и о чем молчит. Опрашивать свидетеля или убийцу без нашего ведома – да еще ни слова не сказать об этом! Ни слова!»

Дворецкий на сто процентов подтвердил показания Эльзы, присовокупив к тому, что никто из посторонних не только не заходил в дом за последние два дня, но и не мог этого сделать. Ему поверили и в доказательство этого провели обыск, также ничего не давший. Преступление – если, конечно, это было оно – совершил кто-то из своих.

Закончив в доме, сыщики отправились в морг, где доктор Иван Аронович делал себе мнение уже по результатам вскрытия.

– Могу лишь подтвердить все ранее сказанное. Кардиогенного шока, к счастью, не было, – заметил он, стоя у трупа, – зато была сердечная астма на фоне стенокардического ухудшения кровообращения. Она и послужила причиной смерти.

– Не было ли передозировки дигиталиса как у Васильевского? – спросил статский советник.

– Передозировки? Нет, никоим образом – дигиталиса в крови вообще не обнаружено, как не обнаружено и нитроглицерина.

– Хорошо, передозировки не было. Может быть, была недодозировка? – продолжал сыщик. – Могло так случиться, что он умер от нехватки лекарства?

– Теоретически... – доктор задумчиво потер переносицу. – Теоретически это возможно. Шанс выжить у него был, прими он лекарство вовремя, но сказать, что выжил бы гарантированно? Нет, не берусь такое сказать. Если это и было убийством, то способ его – не лишение лекарства, а доведение до приступа.

– Уверены?

– Уверен, – кивнул врач.

Сыщики вышли из покойницкой и медленно направились в сторону полицейского участка.

– Антон Карлович, – почесав затылок, вдруг сказал Уваров. – Я очень боюсь одного обстоятельства.

– Боишься? Какого?

– Как ни трудно это признавать, я боюсь, что наш профессор был прав. Это не банда.

– Брось, – отрезал Филимонов. – Одна смерть в ряду ничего не значит.

«Может быть... Может быть» – повторял и не мог остановиться надворный советник. К концу пути, впрочем, он несколько унял свои сомнения: в самом деле, если Званцев был убит, то это могло быть не связано с прошлыми смертями. Его элементарно могла убить Эльза, желающая получить наследство, а весь ее слезливо-розовый рассказ – не более, чем выдумка. Все остальные смерти в таком случае вполне можно отнести на счет банды. «Но может быть» – продолжал он все время беззвучно повторять в голове, пока не дошел до участка.

Там дежурный вручил ему протоколы и надворный советник пригласил Филимонова на своеобразную обзорную экскурсию.

– Вот они, все тут, – обвел он рукой почтенное собрание.

Почтенное собрание сидело в камерах, негромко переговаривалось, играло в карты и внимания к себе полицейского начальства как бы не замечало.

– Сколько их тут? – спросил Филимонов. Надворный советник пробежался глазами по рапорту и зачитал:

– Банда Грязного – три человека, не всех взяли. На них грабеж, пара налетов. Банда Селивановского в полном составе: восемь человек. Эти у нас интеллигенты – промышляют подделкой денег, шантажом – хотя было несколько ограблений. Шайка Михальчука – это серьезные господа: грабежи, убийства, в том числе заказные, разбой. Тоже восемь человек.

– И все? – спросил Антон Карлович: больше в камерах никого не было. – Больше никого не задержали?

– Отчего же не задержали? – возразил Уваров. – Пройдемте внутрь. Решили их держать по отдельности, а то, не приведи Господи, что случится: перережут друг друга в камерах, а нам отвечать.

В подвальном помещении располагались еще три камеры, где сидела публика столь же почтенная, что и наверху – а может и более того.

– В самой ближней камере настаиваются члены шайки... черти, как его? Да неважно, в общем. Солидные господа: ограбление банка, двух ювелирных, несколько убийств...

– Мокрое не пришьешь, – послышалось из-за двери.

– Надо – пришью нужное, не надо – оторву лишнее, – ответил Владимир Алексеевич и густо покраснел, осознав, что произнес это при начальстве.

– Да правильно-правильно, нечего миндальничать, – заметил шеф. – Дальше кто?

– Апартаменты за номером два занимает гражданин Хохлов со товарищи: налет на казначейскую карету, совершение при том четырех убийств и двух покушений на причинение смерти. Кроме того, за гражданином Хохловым числится рукоприкладство, публичный цинизм в форме... впрочем, умолчу о форме оною, а также многочисленные грабежи.

– Пока что самый вероятный кандидат на наше дело, – буркнул статский советник.

– Не совсем, Антон Карлович. Камера номер три...

В третьем номере, обычно свободном, располагалась компания, которую Уваров считал и самой опасной, и наиболее вероятной насчет дела Васильевского и Званцева.

– Террористическая группа левого толка. Это как те, о которых Званцев говорил, но там были читатели – а тут радикалы, фанатики до мозга костей. Ограбления казенных карет – раз. Убийства при совершении этих ограблений – два. Политическая база на предмет уничтожения правящего класса – три. Опять же, задержали недалеко от места преступления – четыре.

– Признались?

– Молчат. Вернее, признали ограбления, признали убийства – даже с каким-то гонором, гордостью непонятной. Но вот насчет Васильевских и Званцевых отпираются. Но это ничего, дайте время – сознаются. Если только...

– Если что? – насторожился Филимонов.

– Если только, Антон Карлович, наш профессор и в самом деле прав. Не могу отделаться от сомнений. Если он прав, никто из них не виноват в этих смертях.

– Выкини из головы, – отчеканил Филимонов. – Даже думать об этом сейчас не время. Его у нас в обрез, а Николай – он человек увлекающийся, мало ли что он себе напридумывал. Этих всех еще раз допросить и о результатах сообщить не позднее завтрашнего утра.

Однако завтрашнее утро преподнесло сыщикам сюрприз. Трудно сказать, был ли он приятным или нет – не автору об этом судить – но началось все вечером того же дня с телефонного звонка, пригласившего сыщиков... Впрочем, пока совершенно неважно, куда их пригласили. Важно то, какие события стали его причиной.

Глава 17

Сидя на репетиции «Онегина», Каменев, а с ним и главный дирижер Эдуард Направник быстро мрачнели как две снеговые тучи. Причина была не только в ошибочном, на взгляд профессора, направлении расследования. Баритон-Онегин простудился, и вместо плотного бронзового звука периодически раздавался сиплый тусклый вопль. Татьяна и Ольга разошлись в дуэте – и даже восседающий на своем извечном престоле бог Саваоф не мог свести их обратно – что уж говорить о дирижере.

Касательно тенора все было еще хуже. Сначала тот фальшивил – есть у теноров такая привычка – а потом пел свою арию в сцене дуэли так, как будто это он сейчас уколошит Онегина, а не наоборот – причем сделает это в стиле Джека Потрошителя.

– Что вы поете, черт возьми! – не выдержал Николай Константинович. – Вы читали роман хотя бы?

Далее последовали упреки, что пылкий юноша – это не обязательно маньяк-убийца, что Чайковский написал в этом эпизоде *pianissimo* и что вместо тихого звука исполнитель отворил рот, опустил как Таманью гортань до живота – и теперь изображает из себя налившегося кровью венецианского мавра.

Тенор стыдливо опустил голову и молча выслушал всю эту выволочку, периодически кивая. Когда Каменев наконец закончил монолог, исполнитель пообещал исправиться.

Теперь настал черед баритона.

– Онегин, на пару слов! – гаркнул профессор. – А, вы, Ленский, стойте на месте и ждите неминуемого. Голубчик вы мой, кто вас надоумил петь простуженным? Опер много, постановок еще больше, а горло одно. Ну сорвете вы себе голос – дальше что?

– Не сорву, не беспокойтесь, Николай Константинович, – оправдывался баритон. – У меня глотка-то луженая.

– Это до поры до времени глотка луженая, не расходуйте понапрасну силы. А ведь голос-то золотой у вас. Лечитесь, не берите пример с меня! – а то преподавать до конца жизни придется. Вам оно надо?

– Я до послезавтра вылечусь – только сегодня допою, у меня немного осталось.

– Ладно, давайте продолжим... После репетиции ни звука, дома теплого чаю с медом! Есть дома мед?

– Прошлый кончился, а стипендию еще не платили... – начал баритон.

Тенор тут же вынул из кармана пятирублевую купюру: возьмите бутылку коньяка за три, полкило меду на восемьдесят копеек и что-нибудь перекусить. Чай есть?

– Чай есть, спасибо, – ответил студент и вернулся на сцену.

– Мы сегодня дуэт с Татьяной не проходим, так что заканчиваем, – Каменев подошел к дирижеру, – Эдуард Францевич, разрешите я пару минут постою около вас?

– Пожалуйста, прошу вас, – с заметным чешским акцентом ответил Направник. – А что такое? Хотите что-то услышать?

– Да нет, мне надо проверить, как все смотрится с близкого расстояния, – ответил Каменев. Дирижер пожал плечами и жестом пригласил подойти.

Снова грянул оркестр. Посреди номера кто-то из рабочих сцены подошел к Каменеву и в тот самый момент, когда тенор начал чисто петь «не засмеяться ль нам пока не обагрилась рука...» – и даже осипший Онегин как будто бы распелся – бесцеремонный рабочий прервал канон: «Николай Константинович, можно вас за сцену на минуту? – там проблема с декорацией к следующему акту, а премьеры уже послезавтра».

– Да, конечно... Простите, Эдуард Францевич, продолжайте – я все слышу.

Каменев зашел за сцену. Вероятно, кто-то из рабочих оказался неосторожен, так что на одной из портьер красовалась небольшая дырочка, по всей видимости – от папиросного уголька.

На секунду лицо профессора исказила гримаса ужаса, тенор весь побледнел и медленно, держась за нездоровое сердце, опустился в стоящее рядом кресло. В голове пронеслись события трагического дня – 15 ноября 1862 года, когда на репетиции «Немой из Портичи» от осветительного фонаря вспыхнул газовый тюник Эммы Ливри. От великой балерины, скончавшейся через восемь месяцев, остался десяток фотографий, две дюжины рисунков, афиши, воспоминания и небольшой деревянный ящик в парижском музее оперы – в нем до сего дня хранится то, что осталось от ее балетной пачки, объятай пламенем.

– Ничего страшного – если обработано противопожарным составом, то ничего страшного, – ответил тенор и с трудом встал. – Даже с первого ряда это будет незаметно, – он повернулся к сцене, чтобы пойти обратно. Музыка в этот момент на секунду прервалась, а тенор как-то неуклюже сделал вид, что в него попала не пуля, а гаубичный снаряд: он крутанулся на месте и рухнул на сцену, так что затрещали доски.

У профессора упала челюсть, а глаза вылезли из орбит. – Это... Да, так и было... – и, словно пробудившись ото сна, Каменев лягнул звончайшей верхней формантой голоса, сбив даже оркестр, который только-только начал играть нормально. – Простите, мне надо бежать. Закончите репетицию без меня. Эдуард Францевич, простите великодушно – буквально вопрос жизни и смерти, – крикнул он дирижеру, уже выбегая из зала.

Направник проводил его взглядом: «Ах... Он опять убежал, невыносимо, – недовольно проворчал Эдуард Францевич и повернулся к оркестру. – Продолжаем, господа – нельзя надеяться на случай: надо готовить тщательно к премьеры наш с вами позор».

Каменев едва не скатился по всем лестницам, которые были на его пути, залетел в стоявшую у театра повозку и по двойному тарифу на всех парах помчался домой. Горничная открыла дверь и мимо нее, опережая звук от дверного звонка, метеором просвистел профессор, с порога крикнувший «Варя, я все понял!»

– Что понял? – осведомилась она. – Это в связи с тем двойным убийством, по которому ты консультируешь полицию?

– Да, это из-за него. Там, правда, уже пять трупов, а не два – но я не просто консультирую: наши мнения с полицией принципиально разошлись. Я веду собственное расследование и, мне кажется, добрался до истины, – добравшись до этой мысли, он спал с голоса. – Но есть один вопрос, который я не могу решить сам.

Тенор вытащил из портсигара длинный белый цилиндр с картонной гильзой и подошел к окну. Исчиркав коробок одной и той же спичкой, которая никак не хотела загораться, он подпалил, наконец, дрожащую в руке папиросу и глянул на улицу. В тот необычно холодный для осени день почти никого не было видно. Какой-то почтовый чиновник проскочил в одни двери, из других выползла внушительных габаритов дама, от холода съежившаяся в первые секунды на улице едва ли не вдвое. Из консерватории вышли, держа в руках папки для нот, две студентки; навстречу им довольно бодрым шагом двигался старичок-преподаватель.

– Варя, можно ли убивать убийцу? – неожиданно даже для самого себя без прелюдий спросил профессор.

Меццо-сопрано, сидевшая за столом и что-то писавшая, едва не поставила кляксу. Подняв голову, она хотела что-то спросить и даже открыла рот – но так и не сказала ни слова. Оставшийся беззвучным вопрос повис в воздухе.

– Если человек лишает жизни другого, ставит ли он себя вне закона? Может ли его убить первый встречный? Или это возможно только по приговору суда? А если так – становятся ли следователь, прокурор, судья и палач такими же людьми вне закона?

Варвара Георгиевна продолжала молчать, а тенор, остекленело глядя в окно, продолжил этот странный монолог.

– Во все времена тот закон считается совершеннее, который отделяет друг от друга четырех действующих субъектов – ищущих виновного, доказывающих его вину, выносящих приговор и приводящих его в исполнение. Четыре степени защиты, которые должны оберегать невиновного от ошибки. Но благодаря этой самой защите порой невозможно покарать виновного. В этом деле...

– Полиция нашла убийцу?

– Полиция продолжает за каким-то бесом искать извозчика, эту мифическую банду разбойников и третье тело, которое таинственным образом улетело как мысль на золотых крыльях. А убийцу нашел я.

Глаза супруги блеснули огнем – то ли от желания первой узнать имя преступника, то ли от гордости за мужа, который в одиночку обошел весь столичный полицейский департамент.

– И ты уверен?

– На 99 из 100. Мы столкнулись тут с убийством исключительным – я о первом, разумеется: оставшиеся были лишь следствием первого и не отличаются ни блеском, ни чем-то выдающимся – если об убийстве вообще можно так говорить. А первое да – оно редкостное по изобретательности, хотя основная его идея чрезвычайно проста, почти примитивна. Но что мы начали делать? – добавлять слой за слоем факты, гипотезы, свидетельства, версии – и его суть скрылась за пеленой. А нужно только вернуться к самому началу...

– Но у тебя есть сомнения, – продолжала она. 99 процентов – это все еще не 100, хотя и очень близко. Можно ли как-то проверить этот единственный случай?

Каменев покачал головой: дело представлялось ему не столько запутанным, сколько хорошо провернутым. Прямых доказательств не было ни у него, ни у полиции, которая и вовсе шла, как он полагал, в ошибочном направлении.

– Николай, смотри: есть несколько способов что-то доказать. Можно предъявить какой-то набор фактов и выводов на их основе, которые составят достаточное основание. Так чаще всего и работает полиция: они ищут доказательства виновности. И никто не ищет доказательства невиновности – ведь если не виновны все, кроме одного, он один и останется преступником.

Профессор снова покачал головой – и был совершенно прав. Если бы события происходили в запертой комнате или на отдаленном острове, куда не может пробраться посторонний, этот метод сработал бы идеально. Но в миллионном Петербурге сужать круг подозреваемых таким образом совершенно невозможно.

– Тогда остается третий метод: можно ли как-то вынудить убийцу признаться?

– Нет, не думаю... Мы имеем дело с преступником умным, который не склонен изливать кому-то душу. В том-то и проблема, что... – он на секунду замолчал. – К тому же, есть риск... Мой первый вопрос не просто так прозвучал.

– Ты хочешь его убить?

– Нет, – покачал головой профессор.

– Тогда в чем же дело?

– Дело? Дело в том, что у нас пять смертей. Из них четыре – я уверен – являются насильственными. Но если я завтра заговорю, я смогу доказать виновность убийцы – и тогда может случиться еще одна смерть. Ее виновником стану я.

– Тебя привлекут к суду?

– Нет, я никого не буду убивать. Но первопричиной этого может стать мой рассказ. За это не сажают, из-за этого только не спят по ночам. Могу ли я так поступить?

– А если не заговоришь?

– Тогда не произойдет ничего. Наш убийца избежит наказания, но нового преступления получится избежать.

– А наш убийца будет продолжать убивать? Если да, то надо...

– Нет, – ответил Николай. – Убийств больше не будет. Разве что убийца сочтет, что ему угрожает опасность.

– Решай сам, – помедлив, сказала Варя. – Это не тот случай, когда нужно полагаться на чужое мнение, даже на мнение самого близкого человека. Прости меня, но решать тебе.

– Будет ли правосудие торжествовать, если оно достигается неправовыми способами? И можно ли, если тебе угрожает опасность, наносить превентивный удар?

– Николай, а ты в опасности?

– Не знаю... – коротко ответил он. – Может быть.

Она позвонила в колокольчик и попросила зашедшую горничную принести кофе. Та вернулась минуту спустя с подносом, где небольшими холмиками возвышались чашки, горкой повыше – молочник, а отвесной скалой стоял кофейник. Супруга успела уже выпить первую чашку и налила себе вторую. Чашка Николая оставалась нетронутой: тенор продолжал смолить одну папиросу за другой, неотрывно глядя в окно.

– Варя, у тебя завтра свободный день? – совершенно без всякой связи с ранее сказанным спросил он.

– Да, – ответила она, сделав глоток. – На завтра выступлений нет, Кончаковну будет петь Маша Славина.

– Я тоже совершенно свободен, лекций нет. Тогда сделай милость – поработай, пожалуйста, сегодня и завтра с самого утра стенографисткой.

– Коля, я не очень хорошо стенографирую; может, как обычно, вызовем...

– Нет, такое дело я никому не могу доверить, кроме тебя. Это конфиденциально и очень срочно.

– Раз все так серьезно... что ж – пожалуйста.

– Если ты не против, можем начать прямо сейчас?

Варвара Георгиевна по-королевски медленно, как подобает Маргарите де Валуа в «Гугенотах», проследовала к столу, достала пачку бумаги и окунула в чернильницу тонкое стальное перо.

– Нотные иллюстрации будут? – спросила она. – Сколько брать нотной бумаги?

– Нет, – ответил Каменев. – Это не музыкальная вещь.

Если бы он был более внимателен в бытовой жизни, то заметил бы, что у его супруги удивленно поднялась бровь.

– Название... название я пока еще не придумал, оставим на потом. А пока небольшое предисловие, – продолжил диктовать Каменев, и супруга молниеносно записывала непонятными закорючками его речь.

«Могут подумать, что мне не дает покоя слава выдающихся авторов детективного жанра – Гофмана с его ‘Мадемуазель де Скюдери’, Эдгара По, Габорио или Конан Дойля. Что обласканный покровительством музы Эвтерпы, я дерзнул искать благоволения и у Мельпомены. Разочарую: на самом деле мне вполне хватило того успеха, который я имел на оперной сцене в течение семи лет без единого перерыва.

Причиной появления этой небольшой повести стали совсем иные обстоятельства, с которыми я невольно столкнулся осенью 1895 года. Все имена, которые я использовал ниже по тексту, заменены, но само преступление и способ совершения одного отражены чрезвычайно точно. Мне кажется, никому не составит труда узнать в них истинных героев этой драмы».

– Что еще добавить? Впрочем, нет... – замялся он. – Закончим это предисловие. Пиши: «Глава первая. Под оглушительные звуки труб кончился третий акт ‘Гугенотов’. Граф Невер женился на возлюбленной Рауля де Нанжи – Валентине. Сказать, что успех был огромным? О нет, это было бы неправдой. Успех был невиданным. Анджело Мазини, чародей звука, который всегда поет как ангел, в этот раз превзошел сам себя. Все с нетерпением ждали четвертого акта и того, как лучший тенор во всем мире будет петь с Валентиной любовный дуэт – может быть, величайший любовный дуэт из всех написанных. Уже авансом шли бурные рукоплескания, охватившие весь театр – и только из левой ложи бенуара не донеслось ни хлопка». Точка.

Он мельком посмотрел на жену, и снова уставился в пол, продолжая обдумывать решение. Потом резко поднял голову и подошел к телефону, назвал в трубку номер. «Это профессор Каменев. Вы действительно хотите узнать, кто виновен в этих смертях?» – в ответ прозвучало что-то очень короткое.

Тенор повесил трубку и повернулся к жене:

– Пригласи пожалуйста на завтра на 11 утра Филимонова, Уварова, Васильевского, Званцеву, Гагаринского и графа Тускатти, – он вдохнул и с усилием добавил. – *Fiat iustitia*⁵...

– Коля, а подсказку? – спросила жена. – С чего все началось?

– Все началось... все началось так, как я продиктовал: пятничным вечером в Мариинке шли «Гугеноты». Третий акт.

– А кто виноват, кто убийца?

– Кто виноват? Или кто убийца? – переспросил он и подошел к кабинетному роялю. – Это разные вопросы: далеко не всегда виновный является убийцей. А все на самом деле удивительно просто. Странно, что и я, и полиция так долго занимались этим делом. Кто виноват? – и кто убийца? Правильно ответив на первый вопрос, ты, Варя, неминуемо придешь к правильному ответу на второй – и наоборот. Я дам тебе подсказку – но...

– Что «но»? С каким-то условием?

– Нет, без условий. Я дам подсказку, но не скажу, к какому из этих двух вопросов.

Она подошла вслед за мужем к роялю, а тенор мягко нажал на клавиши. «Лоэнгрин» – с первого же такта узнала она музыку. – «Прощание Лоэнгрина». Неужели Коля полюбил Вагнера? Впервые слышу, чтобы он его играл.

Под окнами, суетливо толкаясь и препираясь насчет того, кто из примадонн лучше – Патти, собирающаяся уже покинуть сцену, или недавно дебютировавшая Валентина Куза – шли два стареньких театрала. Внезапно они услышали несколько вылетевших на волю аккордов, сыгранных на фортепиано.

– Юрий Михайлович, вы слышите? – «Прощание Лоэнгрина», кажется?

– Точно так, – ответил второй и, сняв пенсне, помахал им окну так, как грозят пальцем. – Кто это посмел на одной улице с домом Каменева сыграть Вагнера. Воображаю, как он сейчас...

«Беснуется» – хотел закончить театрал, но тут оба услышали еще и знакомый голос, который недавно получал бешеные гонорары и очаровывал один театр за другим.

– Это что же? – Каменев «Лоэнгрина» взялся петь? – безошибочно определил первый, обращаясь к другу.

– Мир перевернулся, не иначе, – ответил тот. – Василий Васильевич, мы свидетели исторического события! Послушаем?

Они встали под окнами, но оттуда серебристым потоком пролилась лишь одна печальная и возвышенная фраза: «*O Elsa! Nur ein Jahr an deiner Seite hatt' ich als Zeuge deines Glücks ersehnt!*»⁶

От автора

С вашего позволения прервемся буквально на минуту: мне необходимо сделать два небольших комментария.

Первое. Тот, кто знаком с хонкаку-детективом, возможно, скажет: этот жанр, вообще-то, наиболее чистый из всех видов детектива, в нем нет места пространным описаниям и уходу от главной и единственной линии книги – загадки, которую расследует сыщик.

Здесь же мы постоянно сталкивались с музыкой – и, смею заверить, еще столкнемся. Это можно счесть уклонением от темы – но даже если так, это сделано не случайно: многие детали дела были бы освещены не полностью, не будь в тексте этой музыкальной составляющей.

И второе: к тому моменту, когда вы дочитали последнее предложение предыдущей главы, в вашем распоряжении оказались все факты, улики и свидетельства, которых достаточно для ответа на два вопроса:

1. Кто из участников завтрашнего приема виновен в совершении убийств?
2. Как было совершено убийство на опушке?

Все дальнейшее изложение – не более чем обсуждение всего того, что уже есть в ваших руках.

⁵ Начало латинской фразы *Fiat iustitia, et pereat mundus* – «Да свершится справедливость, даже если мир погибнет»

⁶ «О, Эльза! Если б год лишь ждать могла ты, – Ах, вновь тебе блеснул бы счастья свет!»

Часть четвертая

Кода

«Вот пир, к которому я звал ее,
Вот блюдо, что должно ее насытить»
Уильям Шекспир, «Тит Андроник»

Глава 18

К приему – или лучше назвать его постановкой? – все было готово. В большой зале гостиной вокруг стола расположились восемь кресел, ожидающие гостей. Каменев продолжал диктовать повесть, всячески пытаясь успеть закончить ее до прихода первого из посетителей – и до того ускорил речь, что супруга попросила не тараторить.

– Давай я тогда сокращу, если тебе угодно. Пиши так, – он на секунду задумался. – «Мы искали сложные схемы, искали невозможное преступление – а оно было не просто возможным, но даже примитивным по своей идее. Мы так увлеклись в поисках неочевидного, что совершенно упустили из внимания то, что лежало на поверхности. Мы, говоря словами Дюпена, переворачивали вверх дном весь особняк и вскрывали паркет вместо того, чтобы искать ответ, всякий раз видимый взгляду. Самый главный вопрос в этом деле: «что убитые делали на месте преступления?»

Варвара Георгиевна дописала строку и жестом попросила прерваться на минуту. Тенор замолчал и ждал реакции жены. Та взяла чистый лист бумаги, написала на нем два имени и протянула мужу.

– Да, Варя, – мрачно кивнул он. – Все верно. О способе совершения этого первого преступления ты, верно, тоже догадываешься.

– Знаю, – ответила она. – Но пока не понимаю мотив. Это же не может быть банальной...

Ее прервал зазвонивший дверной колокольчик. Через секунду послышались шаги горничной.

– Допиши одно предложение – и тогда мы успели, – попросил профессор. Он произнес длинное предложение о мотиве, затем взял тетрадку и положил на небольшой столик у окна. Теперь эта небольшая стопка бумаги в твердом переплете напоминала конторскую книгу, которую ведут не в меру скупые хозяева, записывающие в нее каждую копейку.

Тем временем двери распахнулись, и в гостиную вошел молодой и темпераментный барон Тускатти.

– *Buongiorno, signore! Buongiorno, signorina! Com'e voi state?*⁷ – с обычным итальянским темпераментом быстро проговорил Павел Августович, явно не ожидавший ответа.

– *Buongiorno, signore! Siamo bene, molto grazie! Questa donna e mia moglie,* – как из пулемета выдал Каменев. – *E voi? Ho ascoltato, che la polizia ha sospettato voi come un assassino in questi delitti*⁸...

– *Penso che questo sia un grande errore. Ma pensate! – voi, il barone Tuscatti – e un assassino ordinario. Non, c'est non e vero!* – перебила его супруга и повернулась к Павлу Августовичу. – *Scusate mi, ma volevi dire qualcosa?*⁹

Барон замялся и попросил – уже на русском – рюмку коньяка. Варвара Георгиевна встала из-за стола и ушла за бутылкой «Прунье».

– Вы давно в России, барон? – спросил Каменев.

⁷ Доброе утро, сударь! Доброе утро, сударыня! Как ваши дела?

⁸ Доброе утро, сударь! У нас все отлично, большое спасибо! Эта женщина – моя жена. А вы как? Я слышал, что полиция подозревала вас в совершении этих убийств...

⁹ Я думаю, это большая ошибка. Вы только подумайте! – вы, барон Тускатти – и вдруг обычный убийца. Нет, это неправда. Простите, а вы что-то хотели сказать?

– Порядочно уже... Видите – даже язык стал забывать, – оправдался Павел Августович за то, что на языке Данте и Боккаччо не смог связать двух слов в ответ.

– О, многие итальянцы приезжают к нам. Ваш знаменитый соотечественник, синьор Баттистини уже третий год подряд приезжает выступать. Знаете, он говорит, что нигде в целом мире нет такой аудитории, как у нас, такой знающей и такой любящей. И в чем-то с ним нельзя поспорить, хотя помню, каким бешеным был у меня успех в «Ла Фениче», «Ла Скала», в театре Костанци...

Тенор так бы дальше и продолжал рассказывать про своих коллег, про итальянские театры, про прекрасную мадемуазель Кавальери, которую он видел в кафешантане в Неаполе, и которой рекомендовал учиться пению – но больше о себе. Так бы и продолжалось, если бы не вернулась жена с бутылкой и бокалами, а в дверь снова не позвонили бы еще раз.

В гостиную вальяжно зашел грузный статский советник. За ним, пугливо оглядываясь, и бегая глазами в поисках опасности, шел Васильевский, которому кто-то рассказал о последовавших смертях и потому его с трудом вытащили из тюремной камеры. Замыкал шествие надворный советник, стыдливо прикрывавший синяк под глазом, полученный во время переговоров с Виктором.

Чуть отстав от этого кортежа, медленно в траурном черном платье и с обычной своей сумочкой шла Эльза. Каменев подошел к ней:

– Простите великодушно, что заставил вас прийти. Я знаю, какие у нас строгие правила насчет траура, но поверьте: это было необходимо.

Она кивнула в ответ, ничего не сказав. Зато сказал Васильевский: повернувшись и увидев в дверях последнего гостя – князя Гагаринского – он отшатнулся назад, натолкнулся на стену и завизжал мерцающим фальцетом:

– Это он! Он! Он! – разносился его голос, как трель Марии Гальвани.

– Что он? Кто он? – подбежал к нему Уваров. – Что вы орете?

– Это он приезжал к князю, – перешел с возвышенных регистров на обычный дрожащий голос Виктор. – Он приезжал к Павлу Андреевичу.

– Ну и что же, *caro amico*¹⁰? – попытался успокоить его стоявший рядом Тускатти. – Я тоже приезжал. Я же был *con lui* – вместе с ним.

Если и можно было добить чем-то молодого Васильевского, то лучшего способа попросту не было. Теперь он не голосил, не пытался броситься в окно, спасаясь от опасности – а просто рухнул в обморок.

– Быстрее, посадите его в кресло! Варя, нашатырю!

– Скорее, скорее, – поддакнул надворный советник. – Еще не хватало, чтобы в этом деле был шестой труп.

– Тьфу ты, скажешь тоже... – фыркнул Антон Карлович.

Через десять минут Виктора привели в чувство и заверили, что рядом с ним сотрудники полиции и ему здесь ничего не угрожает. Если он сочтет необходимым, по окончании приема он сможет вернуться в камеру еще на некоторое время, учитывая, что он дал хорошую затрещину не только дежурному, но теперь еще и надворному советнику.

Глава 19

По всем правилам детектив должен выступить перед подозреваемыми с длинной речью, в которой опишет как, кем и почему было совершено преступление. Однако профессор в первую очередь решил узнать, какие достижения были у полицейского ведомства.

– Дамы и господа! – начал он речь. – На случай, если не все знакомы, я должен вам представить тех сотрудников полиции, которые вели это дело. Его высокородие статский советник Филимонов Антон Карлович, глава столичного сыска и его высокоблагородие надворный советник

¹⁰ Дорогой друг (*итал.*)

Владимир Алексеевич Уваров, следователь. Я не ошибусь, если скажу, что основная версия, которой придерживалось следствие, заключалась в том, что все эти преступления есть результат деятельности одной или нескольких бандитских шайк. – Сыщики удовлетворенно кивнули. – Позвольте в таком случае мы начнем обсуждение этого дела с того, что я предоставлю слово Владимиру Алексеевичу, который сообщит о результатах поиска этих организованных преступных групп.

Уваров откашлялся и сообщил: результаты есть и весьма значительные. В результате поисков задержали больше двадцати человек, причем некоторые уже признались в совершении ряда преступлений. К сожалению, пока нет достаточных доказательств, которые бы неопровержимо связали бы их деятельность с чередой смертей в нашем деле, но поиски продолжаются, и они несомненно дадут результаты в самом ближайшем времени.

– Не буду скрывать, – снова заговорил тенор. – Я весьма скептически отнесся к этой версии и до сих пор не верю в ее правдоподобие. Также меня не убеждают некоторые другие теории – но я считаю необходимым разобрать их вместе с вами. Перед тем, как мы начнем, я сообщу еще один факт, о котором до этого дня знали только господа сыщики: в момент совершения преступления я проезжал мимо и слышал выстрелы.

– Значит, вы видели убийцу? – удивленно спросил Тускатти. – Тогда зачем же дело расследовали так долго?

– Я слышал, но не видел, – ответил профессор. – И потому вот первая версия происходящего.

Версия первая

– С чего мы решили, что услышанные мною выстрелы повлекли за собой смерть Алексея и Дмитрия? Их могли убить раньше, а выстрелы, произведенные специально для свидетеля, просто исказили время смерти. Точно так же их могли убить позже. Я не могу воспринимать эту версию всерьез – эти действия позволили бы изменить время смерти всего лишь на несколько минут, не более. Кроме того, убийце пришлось бы обладать даром ясновидения – никак иначе он не мог предугадать, что я окажусь свидетелем, которого надо запутать. Наконец, в чем смысл этого? – зачем громко заявлять о совершении преступления, если можно его скрыть? Все это позволяет уверенно сказать: эта версия никуда не годится, и рассматривать ее не стоит. Теперь давайте перейдем к более-менее правдоподобным гипотезам.

Версия вторая

Она больше похожа на правду и какое-то время ее можно было рассматривать всерьез, хотя ей присущ серьезнейший недостаток. Основной довод в ее пользу – чистые ботинки убитых, которые не могли не запылиться и не покрыться грязью, если бы те шли пешком. Был кто-то третий, который и застрелил несчастных.

Тут же возникает вопрос – что ему делать в такой глуши – и ответ на него: а почему бы ему не быть извозчиком. Стройная и логичная версия: он мог быть на месте преступления, он небогат – извозом много не заработаешь; вот и мотив. Отсюда вывели гипотезу, что убитые приехали на извозчике, который и стал виновником их смерти. Итак, вторая версия сводится к обычному ограблению.

– Хорошая версия, – кивнул головой Филимонов. – Хорошая, но к ней есть вопросы.

– У меня тоже к ней вопросы, – подтвердил тенор. – Во-первых, какова цель преступления? Кошельки, часы, перстни – все на месте. Тогда в чем мотив преступления? Украсть корзину для пикника?

– Взять только часть наличных денег, и оставить достаточно крупную сумму, чтобы не было подозрений в грабеже, – предположил Гагаринский.

– Разумно, одна моя знакомая так и сказала...

– Что значит «знакомая»? – вспыхнул Филимонов. – Николай, скольким людям ты все это рассказал?

– Неважно, она будет молчать, – пожал плечами тенор и, отмахнувшись от второго вопроса как от мухи, продолжил. – Но тогда мы обязаны допустить еще одно: все остальные убийства либо не связаны с первым преступлением, либо совершены тем же лицом с совершенно непонятным

мотивом. Мне трудно представить себе извозчика, который желает уничтожить два дворянских рода просто так, даже без личной выгоды.

– Нигилисты? – подал голос Васильевский. – Но тогда это будет бандитская шайка, это совсем другая версия. Хотя вы правы: других объяснений тут нет.

Второй момент, который не укладывается в эту версию – выстрелы. Невозможно точно сказать, сколько их было – но не менее трех (именно столько раз они звучали) и не более шести (если все три раза они были двойными). Скорее всего, их было четыре: первые два из неизвестного нам оружия, и два почти одновременных выстрела из «Нагана» – это пистолет новейшей конструкции.

– Если это действительно извозчик, то у него есть набор уникальных качеств, которые можно за деньги в цирке показывать. Во-первых, он умеет исключительно метко стрелять из двух пистолетов одновременно.

– Могло быть совпадение? – предположил Филимонов.

– Несомненно: если выстрелить тысячу раз в сторону мишени, хоть одна пуля да попадет. Но вот второе его качество: он не только должен стрелять с двух рук, но и находиться в двух местах одновременно. У меня нет оснований не верить судебному медику, почтенному Ивану Ароновичу, что они были убиты из «Нагана». Но получается тогда что стреляли с двух сторон одновременно. Третий вопрос к этой версии: откуда взялись следы третьего тела и куда оно делось? Последовательность выстрелов такова, что это убитые должны были стрелять первыми в такого извозчика, а он отстреливался. Четвертое: как я уже заметил, «Наган» – это новейшая конструкция. А всякая новинка на рынке стоит дорого. Я пробежал глазами общедоступные журналы, где размещают рекламу оружия: в магазинах «Наганы» продаются по тридцать рублей. Выстрелы одновременные – следовательно, пистолета два. Уже шестьдесят рублей. Для извозчика это сумма запредельная, астрономическая – или близкая к такой. Даже если бы он купил себе пистолет, это было бы восьмирублевый «Бульдог» или что-то такое же дешевое.

С этой версией была еще одна проблема, сами обстоятельства выступали против нее. Звучит первый выстрел – он не из «Нагана». За ним – второй – тоже не из него. После этого извозчик берет «Наган» и стреляет. Выстрел убывает кого-то из жертв, а что делает убийца? – он берет второй револьвер и убивает второго! Но почему это нельзя сделать из первого?

– Я заканчиваю с этой версией и должен привести самый сильный аргумент против нее: полиция не нашла извозчика.

– Плохо искали? – усомнился Васильевский.

– Нормально ищем, кого угодно найдем, – обиделся Уваров.

– Вот здесь позвольте не согласиться... – поддержал Васильевского профессор. – Не кого угодно.

Сыщики нахмурились и хотели было что-то ответить, но тенор продолжил: В частности, могу вас уверить – этого извозчика вы не найдете, поскольку его не было.

– Как не было? – негодуяще заметил статский советник. – А чистые ботинки?

– Чистыми ботинки сделать чрезвычайно просто. Достаточно их протереть первой же попавшейся тряпкой, носовым платком, шейным бантом – и полиция четыре дня будет по всему городу искать извозчика, которого и на свете не было. Это был трюк, который сведет нас с верного пути. Ведь что означает его присутствие? – новый подозреваемый или свидетель, не суть важно. Его нужно допросить, но прежде найти – а это время и силы. И то, что его не нашли после того, как подняли на уши всех, лучше всего подтверждает – искать было некого. Итак, ко второй версии накопилось такое количество вопросов, что ее можно отвергнуть как несостоятельную.

Послышался гул одобрения. Филимонов задумчиво кивнул и промычал что-то нечленораздельное, Уваров протянул неспешное «да». Остальные отреагировали примерно так же.

– Есть третья версия? – спросил Антон Карлович.

– Есть, – ответил тенор. – Ложное ограбление.

Версия третья

– Это как? – удивился Уваров. – Вы хотите сказать, что убийца сделал вид, будто совершено ограбление, тогда как мотивы были совсем другими?

– Именно. Как вариант можно рассмотреть и такую версию: ограбление состоялось, но речь шла не о деньгах или драгоценных камнях. Мы должны были бы допустить, что у Васильевского или Званцева было при себе что-то значительно более ценное. К сожалению, эта версия также летит в утиль.

– Почему? – запротестовал Уваров. – Вполне рабочая версия, можно рассматривать.

– Смотрите, Владимир Алексеевич: вот вы хотите обчистить карету Государственного банка. Да, вам нужны бомбы, револьверы, мешки под деньги и так далее – но пуще всего этого вам нужны точные и обстоятельные сведения, когда и где карета поедет.

Недостаток этой версии в том, что убитым необходимо было заранее договориться о встрече с убийцей. Когда это произошло? Во время оперы им не подавали записок, как известно из показаний швейцара. Но в таком случае Званцевым не нужно было раньше срока уходить со спектакля: учитывая время смерти, до встречи оставалось несколько часов, а добраться до места на извозчике можно за пятнадцать минут.

– А если извозчика нет? – Гагаринский оторвался от блокнота, где делал заметки.

– Не больше часа – это ничего не меняет, – продолжил тенор. – Но допустим, что они все-таки действительно договорились заранее. Ответ на один вопрос порождает новую загадку: зачем ушли после третьего акта?

– Николай Константинович, а в такой редакции вы согласитесь, что это возможно? Предположим они в самом деле договорились с кем-то встретиться, Званцевы по каким-то своим причинам покинули оперу во втором антракте. Но прибыв на место будущего преступления, они обнаружили, что третий субъект их предал. Вместе с ним был кто-то еще, четвертый. Васильевский и Званцев стреляют первыми, ранят одного из них, а те их убивают, – князь Гагаринский буквально поразил всех своей логикой и скоростью мысли. – Итого мы получаем правильную последовательность выстрелов, примятую траву со следами крови, нагар на руках, два «Нагана» и возможность выстрелить с разных сторон.

– Эта версия объясняет почти все, – усмехнулся Каменев. – Если бы не одно обстоятельство, я бы рекомендовал немедленно назначить вас главой московского сыска – петербургский уже занят... Но есть одна мелочь, которая разрушает это крепко спаянное построение: паузы между выстрелами.

Между первым и вторым выстрелом задержка составляла около 6–7 секунд. Между вторым и двойным третьим – еще пять секунд. Профессор вытащил из кармана часы и медленно прошелся по комнате до открытого окна.

Внезапно всем собравшимся ударил по ушам звук выстрела, тем более громкий, что был сделан в каменном здании. Все вскочили, Уваров вытащил служебный револьвер.

– Две секунды, – тихо сказал тенор, глядя на хронометр и держа в правой руке револьвер.

– Николай! – чуть оглушенный выстрелом, что было мочи крикнул статский советник. – Ты что творишь?

– Простите, это был следственный эксперимент. Две секунды – и у вас в руках оружие. Теперь представьте себе картину, которую описал Сергей Сергеевич. Васильевский достает оружие и стреляет. Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь. Стреляет Званцев. Раз-два-три-четыре-пять. И только теперь в них стреляют в ответ. Похоже на правду?

– Ни капли... Есть еще варианты? – спросил Уваров.

– Как не быть?

Версия четвертая

– Бандитская шайка. Разберем основную версию полиции. У нее есть сильные стороны, этого нельзя не признать. Во-первых, бандитские шайки, в отличие от мнимого извозчика, действительно существуют. Во-вторых, убитые могли от них отстреливаться. В третьих, положение тел говорит о том, что в убитых стреляли как минимум двое и с разных сторон.

– Их окружили? – прервал его Гагаринский.

– Вполне возможно.

– Значит, осталось найти эту банду и посадить, – заключил Уваров. – Вот у нас в предварилке со вчера сидят несколько таких, вечером займемся ими. Это явно не первое их дело – больно

выстрелы аккуратные и с разных сторон подошли. Не новички... А мотив вы правильно отметили: ограбление, которое попытались скрыть.

– Вы наверняка найдете какую-нибудь банду, которая промышляет разбоем, посадите ее – и не сказать, что без оснований. При обыске наверняка найдете что-нибудь из прежних незакрытых дел – но это преступление останется нераскрытым.

Уваров снова отметил то, что он любил говорить всем своим новым подчиненным: «Господа, не всякое дело достойно пера Конан-Дойля или Габорио. Есть преступления банальнейшие, случайные, совершенные под алкоголем или кокаином – не надо искать особенной глубины там, где повсюду мелководье. Версия с бандитами все объясняет».

– Нет, не все, – возразил профессор. У меня к ней три вопроса. Первый: почему не спрятали тела? Если в банде много человек, они могли утащить трупы и тихо их спрятать, закопать. Второй: если они могли это сделать, почему не забрали все ценности? И третий: как в случае с бандой объяснить паузы между выстрелами? Боюсь, что никак...

Пятая версия

– Что ж, вот вам еще одна версия, – встал из-за стола Каменев. – Мы можем иметь дело с заговором. Нет ни одного человека, который желал бы смерти сразу всех. Но если они объединили свои усилия, например, барон Тускатти и князь Гагаринский, то первое убийство вполне объяснимо. Один мог желать смерти Званцева, другой – Васильевского.

Князь с бароном переглянулись.

– Но... – хотел что-то сказать Гагаринский, но его оборвал Филимонов: А мотивы?

– Мотивы элементарны: Васильевский нанес тяжелое оскорбление Сергею Сергеевичу и хотя он извинился, кто знает, что у человека в черепной коробке... «Пусть ангелом и притворится, да черт-то все в душе сидит».

– Хорошо, – вскочил Тускатти. – Пусть у него был мотив. Но у меня?

Тенор коротко рассмеялся: тут, я думаю, пригодятся сведения, полученные из посольства Италии. Не правда ли, Владимир Алексеевич?

– Все так, мои подозрения были оправданы: в Италии нет таких баронов.

«Тускатти» рухнул на кресло и тяжело дышал. Все, что было сделано им за последние месяцы, рухнуло из-за какого-то идиота, пробежавшего глазами диссертацию.

– Алексей Званцев провалил вашу защиту. Неприятно, но свет бы простил вам, такому очаровательному иностранцу, эту ошибку. А вот если бы Алексей раскрутил ту историю, что вы не иностранец, а просто авантюрист, который имеет успех на балах благодаря вымышленному имени и титулу – тут последствия были бы куда серьезнее. Ваш мотив – не дать раскрыть себя.

– Хорошо, – признал «Тускатти». – Пусть так. Но зачем мне дальнейшие преступления? Опасность для меня представлял только он.

– Очень просто: тут убийцы меняются местами – и Васильевского убивает Тускатти, не имеющий мотива, а Званцева – Гагаринский – и полностью нарушается логическая связь между этими преступлениями. Непонятен ни мотив, ни возможность.

– Пойдите, подождите минуту, – взял слово Гагаринский. – Вы очень хорошо все изложили, но у меня вопрос – а что с теми самыми временными паузами? Будь это хоть разбойничья шайка, хоть извозчик, который стреляет из двух мест одновременно, хоть мы с бароном – или как вас там? – Чем объяснить паузы? Мы не могли этого сделать, как вы сами продемонстрировали это во время трюка с пистолетом.

Каменев подошел к столику, на котором лежал портсигар и спички. Он вытянул один картонный цилиндр, зажег спичку и закурил.

– Вы правы, ваше сиятельство.

– Николай Константинович, – наморщил лоб Уваров. – Вы хотите сказать, что они...

– Они этого не делали.

– То есть все твои версии ошибочны, – осуждающе промолвил Филимонов.

– Эти – да. Теперь не версия: теперь я расскажу, как все было на самом деле.

Глава 20

– Я, с вашего позволения, не стану подробно разбирать другие возможные версии: если они и есть – они либо недоказуемы, либо опровергаются так же, как первые. У меня принципиально иная версия произошедшего, – перешел к делу Каменев. – Видите ли, есть несколько обстоятельств, которые мешают этому делу стать, по выражению Владимира Алексеевича, банальным и недостойным пера писателя. Первое – и самое странное: полное отсутствие логики в выстрелах и действиях убитых. Представьте себе ситуацию: в вас стреляют. Что надо делать?

– Бежать, – предположил Виктор.

– Да, желательно по синусоиде, – добавил Гагаринский.

– Помните, я рухнул в обморок на стрельбах? У меня в голове пронеслось то же самое – бежать по кривой. А убитые? – они же получили выстрел в грудь! Вряд ли они бежали задом наперед.

– Это странный момент, но тут мог сыграть элемент внезапности.

– Мог – если бы он был! Его же не было, понимаете?

– Почему не было? Если бандиты подошли с двух сторон...

– Оставьте в покое бандитов, они тут не при чем. Предположим, что было четыре выстрела, из которых третий и четвертый прозвучали одновременно. Первый и второй выстрелы в таком случае произвели убитые – об этом говорят следы нагара на руке. Но между ними секунд шесть-семь – какая же тут внезапность?

– У меня была версия насчет нагара...

– Я не беру в учет вашу версию, Владимир Алексеевич. Она остроумна, но слишком сложна и, простите, ее цель мне непонятна. Зачем надо поджигать порох и переносить его сгоревшие частицы на руку убитым?

– Запутать следствие?

– Не надо запутывать следствие – оно само запутается. Допустим, что вы правы: о чем тогда должны были говорить эти следы? Что они сами друг друга убили? – это не вариант: сколько ни стреляй из «Нагана», такого нагара не будет, не правда ли?

– Правда. После двадцати выстрелов подряд, как мы выяснили, и доли таких следов не появится.

– Тогда зачем его добавлять на руку убитым? Это получается не просто бессмыслица – это опасная для убийцы бессмыслица. Он добавил нагар, неопровержимо доказывая, что они не могли застрелить друг друга из оружия, из которого были убиты. Понимаете? – ему гораздо выгоднее было бы не делать ничего – тогда мы просто сочли бы это происшествие дуэлью – и со спокойной совестью закрыли бы дело. Итак, они не могли убить друг друга наедине, не были убиты бандитами или какими-то посторонними людьми. Вывод?

– Николай, я запутался... Не томи!

– Удивительное дело! – чем больше подробностей мы узнавали, тем дальше уходили от понимания сути. Масса деталей, гипотез, попыток объяснить третий – а, может, четвертый, пятый или даже шестой выстрел, поиски извозчика, новые смерти... Мы забыли самое главное – а ведь все просто! Два молодых дворянина встречаются утром вдали от города на опушке леса. Что это? Как это называется?

– Дуэль?

– Да. Единственная версия, которую мы отвергли сразу же, на месте преступления – именно она оказалась верной. Они были убиты на дуэли. И знаете, когда я впервые задумался об этом? В морге, в первый же день – но потом и меня смутили эти новые факты и новые преступления. Тогда я не придал этому особенного значения – а ведь должен был: все факты были перед глазами.

– В первый же день? Извини, Николай – но это ерунда. Сказать по наклону пули, что это была дуэль...

– Я говорю не о наклоне пули.

– А о чем же тогда, черт возьми? Простите...

– Господи боже! – почти крикнул Уваров. – Пороховой след! Как я-то не догадался? На дуэлях часто используется кремневое оружие, где часть пороха сгорает снаружи, воспламеняя остаток заряда внутри ствола. Вот откуда взялся нагар!

– Да, вы еще тогда спросили доктора, у кого из убитых на руке есть частицы пороха.

– Это было второе, что подтверждало мою гипотезу, – продолжал Каменев. – Но увы: тогда я не придумал этому значения. Первым было другое.

– Не пороховой след, не наклон пули... Что тогда? Одежда?

– Именно.

– Плащи с дырками, жилетки с дырками, рубашки... – что там такого интересного? – потихоньку начинал кипятиться Филимонов.

– Перестаньте гадать: я говорю не о плащах. Вы все перебрали – и не заметили главного: перчатки.

– Вы серьезно? – опешил Уваров. – Вы на них только взглянули, там смотреть не на что. Обычные лайковые перчатки, белые – как раз для оперы.

– Очень дорогие, по последней моде, – подтвердил Виктор. – Хотя они белые. Для загородной поездки могли бы выбрать цвет потемнее.

– Это не факты, сплошь вкусовщина, – продолжал все отрицать Филимонов.

– Ошибаетесь: требования модных журналов в высшем обществе – не блажь, не вкусовщина, а норма жизни. Тот, кто их не соблюдает, легко попадает в список чудаков или, хуже того, оригиналов, – профессор подошел к статскому советнику. – Антон Карлович, сделайте милость – наденьте перчатки.

– Что? – не понял тот.

– Будьте столь любезны – наденьте перчатки.

– В помещении?

– Да, прямо здесь.

– Ну... я оставил их в плаще.

– Секунду, сейчас принесу.

Каменев выпорхнул из комнаты, чтобы немедленно влететь обратно, держа в руке пару весьма недешевых – под ранг статского советника – перчаток и плащ. «Прошу» – он помог нацепить плащ и надеть перчатки.

– Ладно, Николай, – я надеюсь, ты объяснишь, зачем понадобился этот спектакль, – буркнул тот.

– В течение двух минут вы все поймете, уверяю вас. Но пока я обращаю ваше внимание еще на один важный момент. И мы с вами видели, и фотопластина запечатлела то, что один из убитых как будто бы двигался перед смертью, будто бы, получив пулю, он еще несколько секунд ползал по земле. Но в первый же день в морге мы получили заключение врача: скончались мгновенно. У меня возникает вопрос: каким же образом они могли двигаться?

– Их обыскивали?

– И ничего не взяли?

– Может и взяли – нам почему знать?

– Тогда мы возвращаемся к версии с ограблением, правда, немного усовершенствованной. Вот только получается, что Васильевского не обыскивали – аналогичных следов на траве подле него не обнаружено. А теперь, Антон Карлович – сделайте еще одно одолжение...

– Да, что именно?

– Представьте себе, что вы только что вошли в дом. Снимите перчатки, плащ...

– Николай, ты здоров?

– Я здоров как никогда, сердце пошаливает, но... Очень вас прошу.

Филимонов недовольно шевельнул усами, но перчатки снял. Когда он закончил со второй, то помял их в руке и сунул в карман.

– Николай-Николай... Доволен? Володь, пошли – тут нечего слушать. Ничего интересного мы не узнаем.

– Спасибо, очень доволен, – встрял у него на пути тенор. – Вы только что подтвердили мою гипотезу о дуэли – и даже не заметили этого.

Статский советник резко остановился, шедший сзади Уваров едва на него не налетел.

– Обратите внимание – вы положили обе перчатки в один карман. Я тоже так делаю. Более того, я специально сидел у входа в нашу консерваторию – смотрел на каждого встречного, кто снимал перчатки. Ни одного исключения – обе перчатки кладутся в один карман. Снимается одна, снимается вторая – и только потом их кладут в карман. И вдруг исключение – у Званцева они были в разных. Я начал думать...

Сыщики не сговариваясь сели на места.

– И из-за этого...

– Да. Я задался вопросом – почему человек может положить перчатки в разные карманы, если всегда по привычке кладет в один. Вариант первый: он сначала снял одну, сунул ее в карман – а потом подождал какое-то время и только тогда снял вторую. Это ерунда какая-то, зачем так делать? Что-то написать надо было? Но при них не было авторучки или карандаша. Вариант второй – просто произошло редчайшее исключение. Может быть, Алексей имел такую привычку, и никакого значения перчатки не имеют. Но я не верю в исключения. И вариант третий – в карман эту перчатку положил не он. Он снял левую перчатку, чтобы бросить ее противнику. Тот поднял ее – и до конца дуэли она оставалась у него.

И как она перелетела из одного кармана – от Васильевского – в другой – к Званцеву? – спросил Филимонов.

– Кстати, к пистолетам это тоже относится: куда они делись? – поддакнул Уваров. – Мертвые не ходят... А они должны были улечься в той позе, которая исключает дуэль.

– Вы снова задаете правильный вопрос и – что особенно важно – даете правильный контекст, – голос Каменева все ускорялся. – Поза убитых совершенно исключает возможность дуэли: расходящиеся выстрелы... Но вы забыли еще одну деталь. В дуэли принимают участие не только дуэлянты. Кроме них...

– Секунданты! – хлопнул себя по лбу Уваров. – Но это ничего не объясняет. Вернее, у меня есть вопрос...

– Я весь внимание.

– Понимаете, поза: довольно затруднительно стреляться, когда один из противников стоит к другому спиной. О том, чтобы сделать выстрелы одновременно и попасть прямоком в цель, речь вообще не идет.

– И снова вы правы, – заметил тенор. – Вы всякий раз делаете совершенно правильный вывод, но останавливаетесь на первом же подходящем варианте объяснения.

Представьте себе красивую лесную поляну в паре километров от города. Солнце уже взошло, поют птицы... Вы обнаруживаете двух застреленных дворян, которые лежат лицом друг к другу. Между ними порядка десяти шагов. Ваша первая мысль? Да, вы подумаете на дуэль.

А раз это дуэль, в которой погибли оба участника, и при этом исчезли пистолеты, то надо искать секундантов – единственных людей, которые могли их забрать.

– А секунданты, позвольте напомнить, согласно нашему Уголовному Уложению привлекаются за недоносительство во-первых, и, во-вторых, за участие в дуэли, повлекшей смерть участников. – профессор постучал пальцем по толстому фолианту на столе. – За это они подвергаются заключению в крепость. Что же им делать? Очевидно, на поляну скоро приедут грибники, любители пикников – место популярное. Прятать трупы? Не вариант – слишком далеко до ближайшей реки, лопаты под рукой нету. Они видят: оба убиты, под ними уже есть следы крови... Они переносят один из трупов – Алексея – на третью позицию, тот приминает траву, оставляет на ней следы крови.

– Теперь у нас трое убитых, просто один труп пропал, – восхищенно проговорил Уваров.

– Но дальше был чудесный и очень простой трюк: тело Алексея возвращают на место и разворачивают вокруг собственной оси на половину окружности, на 180 градусов.

– А тут не понял – в чем смысл?

– Тут есть смысл, – заверил его Каменев.

Во-первых, теперь пришлось искать убийц троих человек. Во-вторых – и это главное: поза оставшихся двух перестала напоминать дуэль: изменилась видимая траектория пуль. Вместо сходящихся выстрелов получились два разнонаправленных: один – слева, другой – справа. И это уже напоминает действия бандитской шайки.

– Отсюда и следы на траве, которые мы приняли за предсмертную агонию. А это была попытка секунданта спасти себя от тюрьмы.

– Они унесли оружие, когда дуэль так трагически окончилась, – покачал головой Филимонов. – И положили в карман Званцеву перчатку – чтобы скрыть от уголовного суда дуэль. Секундант взял перчатку у Васильевского и положил в карман плаща Званцева – но ошибся карманом. Правильно?

– Звучит логично... – подтвердил надворный советник.

– Ведь это вы были секундантом? – обратился он к Васильевскому. – Дайте угадаю: вы были секундантом своего кузена.

– Да, верно, – обреченно сказал Виктор.

– А Михаил Званцев, соответственно, секундантом Алексея?

– Да, – снова кивнул Васильевский. – Вы правы. Это крепость?

Тенор повернулся к статскому советнику, тот пожал плечами: «как знать, может суд присяжных решит иначе, принимая во внимание обстоятельства, причины дуэли... Из-за чего они вообще вздумали стреляться?»

Васильевский замялся – видно было, что ему трудно начать рассказ, хотя именно от этого зависело, светит ли секунданту несколько месяцев крепости.

– Я могу в общих чертах сказать, где, когда и даже почему произошел вызов, – прервал затянувшуюся паузу Каменев.

– Вы знаете? – дернулся Виктор, – прошу вас, не при Эльзе!

– Догадываюсь. Все началось с одной неосторожно брошенной фразы, сущей мелочи, должно быть. По крайней мере, так казалось Дмитрию Павловичу... Он, наверное, подумал, что это очень удачная шутка. Дело было в пятницу вечером, когда на сцене подходил к концу третий акт «Гугенотов». Приближался антракт, а на сцене Валентина де Сент-Бри должна была...

– Пожалейте ее! – крикнул Васильевский и едва не бросился к ногам рассказчика. Его остановила только фраза «Пусть продолжает» – вдова впервые за вечер заговорила. Виктор обреченно рухнул в кресло.

– В конце третьего акта Валентина де Сен-Бри не по своей воле становится супругой графа Невера. Что сказал Дмитрий Павлович про нее? – Каменев кивнул в сторону Эльзы.

– Нет, это останется тайной, хотите того или нет, – ответил Васильевский. – Но позвольте узнать, как вы догадались? Причем с такой точностью? Вас же там не было, и слышать никто не мог.

– Это несложно. То, что вы с самого начала так оберегаете Эльзу, дало понять, что ключ где-то здесь. Где? Сходство сюжетов... В тот день я и правда не был в опере, но я обратился к знакомой артистке, а она очень внимательна. Вы не аплодировали.

Что могло заставить забыть о «Гугенотах»? Взгляните на состав: Баттистини пел Невера, Нравина – Маргариту Валуа, Мазини – Рауля. Забыть о них – не шутка, даже не ссора, а что-то серьезнее.

– Вы снова правы, – выдохнул Виктор. – Что было дальше, вы знать не можете, я обязан дать некоторое пояснение. Скажу сразу: на первом допросе я не то, чтобы врал – я рассказал не все. Насколько я понимаю, Михаил сделал то же самое. После того, как прозвучал формальный вызов и была брошена перчатка...

– Почему же вызов последовал от Алексея? Ведь речь шла не о нем.

– Миша никогда не слушал, что говорят... Он, скорее всего, даже не заметил, – второй раз за вечер сказала свое слово вдова.

– Да, – подтвердил Васильевский. – А Алексей был взбешен. В антракте мы вышли обсудить условия дуэли и согласились, что привлекать посторонних не стоит. Сразу сообщили сторонам, где и когда будет дуэль. Оставалось решить вопрос с секундантами; мы подумали, что сами будем ими. Я стал секундантом кузена, а Михаил – Алексея.

– Но это против правил! – воскликнул Уваров. – Родственники стреляющихся не могут быть их секундантами.

– Это дело полно нарушений всяческих правил; дуэльный кодекс – не самое большое из них. Где провели ночь дуэлянты, этого мы, похоже, никогда не узнаем. А вы? Вы были вместе?

– Да, сняли по комнате в какой-то недорогой харчевне, где не спрашивают имен и паспортов.

– В Петербурге таких полно... – кивнул статский советник.

– Других вопросов там тоже не задают. Мы до поздней ночи сидели и обсуждали условия поединка. В конце концов мы даже пришли к тому, что можно уладить дело миром. Михаил объяснит брату, что все это ерунда и блажь, а я растолкую Дмитрию Павловичу, что все останется без свидетелей. Они выпустят пули в небо и выпьют шампанского за примирение. Я был так воодушевлен этой мыслью, что немедленно отправился домой за пистолетами и шампанским. Но после двух выстрелов они внезапно...

– Да, отсюда и полная бутылка... Получается, убедить их не удалось, – заключил Уваров. – Печальная история. А остальные, профессор? С ними что?

– Думать тут особенно не над чем. Михаила Званцева убил какой-нибудь бандит, их масса по подворотням шатается, – начал Филимонов, но тут же осекся – все-таки речь шла о городе, где он был начальником сыска. – Не до конца пока что преступность истреблена.

– А его сиятельство мог сам принять яд – не вынес смерти наследника. Что же касается Званцева-старшего, то потерять сразу двоих сыновей при его здоровье – это почти без вариантов сердечный приступ или апоплексический удар. Думается мне, что смерть старика была хоть и вызвана этими трагическими обстоятельствами, но вполне естественная. Итак, дело можно считать закрытым.

– Пойдите, буквально еще недолго, – сказал Каменев. – Уже полдень, а мы сидим без завтрака. Я предлагаю устроить небольшой перекус. Есть еще один момент, который надо знать – но только родственникам. Простите, господа, – обратился он к Гагаринскому и Тускатти.

Те отнеслись с полным пониманием: очень тактично, но твердо они уклонились от завтрака. Одному зачем-то понадобилось срочно ехать в городскую управу, второму – присутствовать на каком-то приеме. Они откланялись и ушли.

Оставшиеся выходили из комнаты по-разному. Все еще шарахавшийся от всякого резкого звука Васильевский что-то бормотал под нос, Уваров с Филимоновым спорили, достойно ли это дело писателя или нет, Эльза молчала.

Жена Каменева спросила мужа, долго ли еще это продлится, успеем ли к вечеру подготовить комнату для званого ужина? Тот кивнул: «На разговор – не больше четверти часа. А там видно будет». Варвара Георгиевна склонила голову набок, но больше ничего не спросила.

После завтрака все вернулись в гостиную.

Глава 21

– Я займу у вас еще буквально несколько минут, – сказал тенор, садясь во главу стола. – Все-таки это дело в каком-то смысле семейное, и мне не хотелось продолжать при посторонних людях... вы понимаете. Им необходимо было присутствовать хотя бы потому, что их неучастие в этом деле нужно было проговорить вслух. Но перед тем, как я задержу вас еще буквально на четверть часа, перед этим будьте любезны – ответьте на вопрос, кто поддерживает ту версию, которую с полчаса назад я озвучил? Можете проголосовать?

Неуверенно потянул левую руку Уваров, за ним – Эльза. Подумав пару секунд, поднял руку Васильевский, а за ним и Филимонов.

– Кто против этой версии? – Каменев задал протокольный вопрос и осмотрел собрание. Все опустили руки.

– Никто? – спросил он и поднял руку, – я против.

Уваров выразил общее недоумение: «Но вы только что очень логично и доказательно все объяснили: изложили версии полиции, опровергли их, представили свою – а теперь от нее отказываетесь? Зачем тогда мы отпустили этих двоих? – они могут быть причастны. Объяснитесь...»

– Дайте мне пятнадцать минут – и вы все поймете. Я сделал это не просто так. До этого момента, до этого голосования у меня были хоть и минимальные, но сомнения в моей правоте.

Один шанс на сто, может быть – на тысячу. Но он оставался. Теперь все сомнения рассеялись, и следующая версия остается единственно верной. Вы правы – та версия, что я озвучил, многое объясняет – практически все, но все же оставляет один вопрос. И если бы это была какая-то мелочь, на нее можно было бы закрыть глаза – но это самый главный вопрос. Пауза между вторым и третьим выстрелами.

– А что не так? – спросил Филимонов.

– Это было бы возможно, если бы не одно обстоятельство. Вы помните, что я говорил о выстрелах? Прозвучал первый – в 7:44, за ним спустя секунд шесть-семь – второй...

– И что же? Третий был спустя пять секунд.

– У вас хорошая память, Владимир Алексеевич, – погрузнев, сказал тенор. – За пять секунд невозможно договорится даже о том, что дуэль продолжается. Не говоря уже о том, что используются именно «Наганы». Почему после первого промаха никто не вынул сразу же этот «Наган» и не застрелил соперника?

– Договорились заранее? – предположил статский советник.

– Нет – только что Виктор Владимирович сообщил нам, что секунданы предприняли все действия, чтобы окончить дело миром. Даже если бы они взяли заранее с собой оружие и скрыли бы его от секундантов...

– И у тебя есть ответ, как все случилось? – настаивал на продолжении Антон Карлович.

– К сожалению, да, есть. Вы знаете, я ведь чуть не погиб во время расследования этого дела.

– Задумались и едва не попали под пролетку? – не к месту пошутил Уваров.

– Нет. Меня спасло чудо. Точнее, вот эта книга, – он показал на пухлый фолиант Уголовного Уложения. Когда я понял, что речь все-таки идет о дуэли, все встало на свои места. И ни под каким предлогом нельзя было показать убийце – а я тогда не знал, кто он, – что я был на месте преступления и слышал выстрелы. Если бы убийца узнал об этом, я бы уже играл на арфе в райском саду. Там бы оценили мой голос – и это единственное утешение. Помните, вы приезжали к Михаилу с допросом? Я немного опоздал, потому что искал книжный магазин, а потом листал этот внушительный том. И вы начали меня представлять... «Николай Каменев, профессор консерватории, наш консультант по музыкальной части и...» Я понял, что последует дальше – по привычке или недосмотру вы оговоритесь: и наш свидетель, услышавший выстрелы. Поэтому я и прервал вас, спросив не к месту, что из Мейербера предпочитает Михаил. Мне надо было не дать вам договорить.

– Зачем? Там, по вашему, был убийца? – выпучил глаза глава сыска.

– Да, – отрезал профессор. – Знаете, строгих доказательств у меня нет, но я знаю, как все происходило. Для начала расскажу, что меня смутило в истории с зашифрованным письмом. Я задал себе вопрос – зачем оно нужно? Допустим, что отправитель в самом деле маньяк. Но какова его цель?

– У него нет цели, он маньяк.

– Нет, так не бывает. Даже у извращенной логики есть какая-то системность. Предположим, он хотел, чтобы все о нем узнали. Но зачем посылать зашифрованное письмо? Почему бы не послать обычное.

– Он не хотел, чтобы письмо прочитали... – предположил надворный советник.

– Тогда зачем посылать? Ради интриги? Но тогда надо было использовать другой шифр – Плейфера или Вижинера. Это, как я сумел выяснить, очень надежные шифры. Зачем посылать письмо, зашифрованное таким образом, что криптограф-непрофессионал с двумя не-криптографами разгадают его за час? Это был компромисс. Письмо должно было быть зашифрованным, но шифр должен был легко ломаться. Это – алиби. Там не важен текст письма, там важно само его наличие – оно говорит о том, что в момент смерти Михаила убийца на свободе.

– Вы предполагаете, что...

– Не предполагаю – просто знаю. Все началось в опере – про это я уже рассказал. Будущие дуэлянты разъехались, оставив подготовку на секундантов. Те сели в недорогом трактире и договорились о мирном исходе. Каждый из них поехал и рассказал, как все устроить миром. Званцев был согласен. Васильевский – не удивляйтесь – тоже. Именно он взял из своих запасов бутылку шампанского, чтобы отметить мирное разрешение дела.

– И кто из них нарушил перемирие? – спросил Филимонов.

– Никто, – ответил тенор и повернулся к Виктору. – Когда к вам в голову пришла эта мысль? На обратной дороге от кузена? Или уже в трактире, по возвращении? Или это была идея Михаила?

– Какая мысль? – испуганно проговорил Виктор.

– Мысль простая, гениальная и ужасная – «зачем им жить?» Вы бедны, а тут возможность в один момент стать богатым наследником – и как! Ни свидетелей, ни возможного средства, ни мотива для двойного убийства – вы же Званцева едва знали. Вернее, свидетель есть – но он же и соучастник.

– Черт возьми, я уже ничего не понимаю! – пророкотал статский советник.

– Что тут понимать? Кто мог зарядить холостыми зарядами дуэльное оружие? Кто мог выстрелить под одинаковым углом? Разверните на фотопластине тело Алексея – вы получите два выстрела, которые идут из одной точки. Наконец, кто выигрывал от их смерти?

– Секунданты?

– Помните, я сказал, что показания свидетелей непротиворечивы и что они не врали? Я исходил из этого – и ошибся. Во всех показаниях были недоговоренности, были замалчивания – но они оставались непротиворечивыми. И самое удивительное: единственная ложная фраза, которую произнес Михаил, не нарушала этой непротиворечивости. Во время допроса он сказал: «Я обещал Эльзе, что не буду убивать этого негодяя – и сдержал обещание, я его не убивал». Нет, Михаил не забыл оскорбления – и отомстил. Каждый из секундантов стреляет. А дальше ситуация разворачивалась так, как я и описал ранее: убитым протерли ботинки – и вот перед нами несуществующий извозчик! Затем положили в карман Званцева перчатку... Но забыли о мелочи, которая привлекает внимание – о бутылке шампанского. Мы, впрочем, списали ее на характер Дмитрия Павловича – человека, любившего выпить по поводу и без.

– Но как Михаил мог согласиться в этом участвовать? – смотря в пол, почти шепотом спросил Владимир Алексеевич. – Да, он хотел мстить, но на его глазах должны были убить брата.

– Сейчас мы уже вряд ли это узнаем. Вероятно, его ослепила месть...

– Не делайте из него благородного мстителя, – внезапно прозвучал голос Виктора, утративший всю свою робость. – И не сочтите эту фразу за признательные показания. Все, что я говорю и впредь скажу – лишь гипотеза, предположение. Так вот: Михаил не был бессребреником. Он вполне мог искать наследства, как и его соучастник – если он, конечно, существовал.

Что еще может означать фраза «не сочтите за признательные показания»? Все всё поняли.

– Простите, не соглашусь – даже в рамках гипотезы, – перешел в контратаку Каменев. – У него был мотив – и мотив бескорыстный. Само существование Дмитрия Павловича во всякий момент угрожало Эльзе. Точно так же, как это случилось в опере, он мог неудачно пошутить или похвастаться на людях. И это был бы конец: скандал, который с гигантскими усилиями замяли, возвратился бы. Убивая Васильевского, он защищал жену. Он был порядочный человек, хотя и убил человека – иначе в том единственном, очень коротком разговоре он бы не дал мне подсказку.

– Подсказку?

– Помните, он сказал «Если бы я только знал, я бы отказался... Зачем мы тогда только пошли на эту чертову оперу?» Я не сразу понял, что речь об опере не как о событии – знаете, как говорят «сегодня вечером иду в оперу». Он не имел в виду конкретный театр – когда говорят «сегодня я в Мариинку». Он имел в виду именно сюжет «Гугенотов» – поэтому сказал «на оперу», а не «в оперу».

Видимо, и ярость и желание мстить, и даже желание защитить супругу прошли, и им на смену стало медленно приходить раскаяние. Но уши, я понял подсказку слишком поздно – и понял ее не только я. Этой короткой реплики убийце хватило, чтобы понять – «соучастник в сомнениях, а его муки совести опасны». Ее стало достаточно, чтобы в переулке его подстерег убийца – Михаил становился опасен: он мог стать свидетелем, который пришел с повинной – а для вас это каторга.

Если бы не его замечание, у вас была бы вторая линия обороны. В конце концов, отсидеть меньше года за честную дуэль, а потом стать наследником – это даже почетно. Но карты спутались: Михаил мог проговориться.

– Недоказуемо, не правда ли? – усмехнулся Васильевский. – А что недоказуемо, то ненаказуемо? Или в уголовное уложение внесли поправки?

– Почему же недоказуемо? – оживился Уваров. – У нас есть...

– У вас ничего нет, – прервал его Виктор. – Что вы хотите предъявить? Закрытую бутылку с шампанским? Эссе на тему «Дмитрий Павлович бы ее выпил»? Перчатки в разных карманах? Показания про три выстрела? Любой петербургский адвокат – любой, заметьте, – разобьет все это перед судом присяжных за четверть часа. Профессионал своего дела – а я теперь могу себе позволить дюжину дорогих адвокатов – уложится в три минуты. Камня на камне не оставит, не надейтесь.

– Вы правы – у меня и правда нету таких улик, чтобы отправить убийцу в крепость, – кивнул Каменев. – Он, конечно, наделал массу глупостей, но глупость – не улика. Орудий убийств нет – вероятно, они лежат на дне Фонтанки.

– Скорее, Невы.

– Вам виднее. Есть мотив, но как вы справедливо заметили, любой адвокат его разрушит. Нельзя ведь судить человека только за наличие мотива. Остальное – умозаключения, строить на них дело решительно невозможно. Впрочем... впрочем, есть еще один момент.

– Момент? Убийца что-то упустил? А мне казалось, совершенно недоказуемое убийство, – насмешливо отпустил Васильевский.

– Да, снова мелочь – но посильнее любой улики. – Каменев подошел к столику у окна и взял в руки плотную тетрадь. – Вот это.

– И что же это? – беззаботно продолжал убийца. – Впрочем, что бы там ни было, это вам мало поможет. Если только это не посмертные воспоминания убитых – но тогда у присяжных возникнут вопросы насчет вашего психического здоровья. Кстати, как вы себя чувствуете?

– Благодарю покорно, не жалуюсь. И прошу – не считайте меня за идиота. Это повесть про это дело. Тут все – с самого начала до разоблачения.

– Интересно, очень интересно. И что же вы намерены делать с этой занимательной беллетристикой? Куда отправите? В прокуратуру?

– Нет, разумеется.

Ее бы там, несомненно, приняли, прочитали бы не без удовольствия, но дело бы на этом и закончилось. Ну, может быть, какой-нибудь чиновник переписал бы ее себе в домашнюю библиотеку, сочтя новым романом покойного Габорио или господина Дойля. Да, на этом дело бы и закончилось.

А дело прямо или косвенно касается смерти пяти человек. Как минимум трое из них были убиты, смерти оставшихся двоих, возможно, также не были естественными.

– Я почти уверен, что смерть вашего дяди тоже ваших рук дело – вы сказали, что из дома ничего не пропало, а, между тем, вы единственный, кто из нашей четверки возвращался домой. Значит, дуэльные пистолеты вы взяли из домашней коллекции, а свеженькие наганы продаются вполне свободно. Но в любой момент его сиятельство мог обнаружить пропажу, а тогда не проблема сложить два и два. Слишком большая порция дигиталиса в портвейне?

– Возможно, вполне возможно.

– И после взламывания двери одна почти пустая бутылка меняется на другую – почти такую же. Раз это была привычка Павла Андреевича, то таких бутылок было много. стакан... там тоже могли обнаружиться следы наперстянки. Немного – но этого бы хватило для анализа. И я понял, как это было сделано: дигиталис – не только яд, но и лекарство – вопрос дозировки. Достаточно налить немного портвейна в бокал, смочить стенки бокалов и выпить эту крошечную порцию, пока слуга бегаёт за врачом.

– Так в чем вопрос?

– Вопрос в том, что это убийства, которые не в состоянии аффекта совершены, хоть наш закон и не считает это смягчающим обстоятельством или основанием для оправдания. Речь идет о продуманном, быстро и чрезвычайно хитро спланированном убийстве, где на жертвах играли точно как на флейте – по меткому выражению...

– То, что вы читали «Гамлета» – это похвально. Но давайте заканчивать, ваша четверть часа подходит к концу.

– Я заканчиваю, – бесстрастно сказал профессор. – Остался один вопрос: что с вами делать? Ждать, когда вы совершите еще одно преступление? Есть вероятность не дожидаться, своих целей

вы добились. Забыть? Ограничиться выволочкой, что так делать нельзя? Дать, извините, по физиономии? Нет...

Заключение первое

Филимонов с Уваровым как загипнотизированные глядели за этой словесной дуэлью, которая пока шла на равных.

– Ради чего вы все это затеяли? Из-за денег? Да, мысль о моментальном превращении нищего секретаря в мультимиллионера кому угодно вскружит голову. Но разве это основная причина? Вы хотели выйти в высшее общество, а деньги – лишь средство. Превратиться за ночь не просто в миллионщика, а в человека из высшего общества, в хорошего жениха и, как говорят англичане, джентльмена – это дорогого стоит.

– О да, это не меряется деньгами...

– Вы хотели признания и славы? – так получите. Сегодня же эта тетрадка отправляется в типографию Сытина. Тридцать тысяч экземпляров. *Sic venit gloria mundi*¹¹.

Васильевский отреагировал не сразу. Долю секунды на лице его держалась гримаса страха, но скоро он ушел и выражение стало просто презрительным. Он недовольно улыбнулся: «И это все? Я-то думал, будет что-то поэффектнее».

– И так недурно, – ответил тенор.

– Пустяки... Не сочтите опять-таки за признание вины, это снова гипотеза. Предположим, что я действительно убийца... скольких? – трех-четырех, а, может, и пяти человек. И что же? С таким состоянием рода Васильевских я проживу где угодно. Ну отвергнет меня наше так называемое «высшее общество» – есть Англия, Америка, Германия... Париж, наконец. Вы что же – свою брошюрку и там издавать будете? Кто вам поверит? А кто в ней убийцу узнает? Под настоящим именем выведете? На этот счет уголовный суд есть, а за клевету там не в пример нашему строго судят. Вот вам добрый совет – не тратьте денег.

– Моя бы воля – убил бы вас, – неожиданно встал Филимонов.

– И это чревато, господи сыщик, сами знаете, – уже злорадно ухмыльнулся Васильевский. – За мокрое дело, как ваша клиентура говорит, не только карьеры – свободы несложно лишиться. А вам дела расследовать надо, убийц ловить... Неужели из-за одного такого всех остальных сиротами оставите? В общем, что и говорить: было интересно вас послушать, даже забавно местами. Если закон в лице господ полицейских не имеет ко мне вопросов, я, пожалуй, пойду. Вы намерены предъявлять обвинение?

Сыщики переглянулись, Филимонов опустил в кресло, признав поражение. «Нет», – буркнул Уваров.

– В таком случае не смею вас более задерживать в своем доме, – слегка кивнув головой, сказал тенор.

– Тогда прощайте, – поднимаясь с кресла, ответил Виктор. – Будете в Париже, не премините заглянуть. В вашем распоряжении...

Последние слова потерялись в коридоре. За Васильевским сомнамбулой проследовала вдова.

– Дело закрыто, – стукнул массивным кулаком по подушке статский советник. – Каков мерзавец! – и окажется безнаказанным.

– Не думаю, – тихо заметил Каменев.

– Не думаете... – бросил Уваров. – И кто же ему...

«Помешает», хотел он сказать, но из передней один за другим раздались выстрелы.

– Что это? – вскочили с мест полицейские.

– Эльза, – ответил тенор. – У нее в сумочке шестизарядный «Велодог».

¹¹ Так приходит мирская слава (лат.)

– Вы знали! Черт вас подери, вы знали! – крикнул Филимонов, выбегая с Уваровым в коридор. За ними поспешила Варвара Георгиевна. Каменев, держась за сердце, неторопливо проследовал туда же.

Эльза успела всадить в убийцу мужа три пули, ранения явно были опасными. Двое полицейских с большим трудом удерживали стрелявшую, та рвалась к выпавшему из рук пистолету. Раненый прохрипел что-то, Варвара Георгиевна побежала на кухню за водой и перевязками.

Филимонов крикнул: «Николай, что стоишь? – звони врачу!». Тот зажмурился на миг и, махнув рукой, словно бы решаясь на какой-то шаг, бросился к телефону. Спустя секунду он повернулся и извиняющимся тоном произнес: «Простите, я такой неловкий». В руке у него был оборванный телефонный шнур.

Раненого перенесли на кровать и все-таки послали за врачом. Через четверть часа с ним все было кончено. Тенор лежал в соседней комнате с сердечным приступом.

– Идемте, Антон Карлович, – предложил надворный советник. – Ему сейчас нельзя волноваться.

– Сердце – не камень, – кивнул тот и направился к двери.

Заключение второе

Спустя всего неделю тенор вернулся к чтению лекций, а в следующее же воскресенье в квартире раздался звонок. Варвара Георгиевна открыла дверь: за порогом стоял ее супруг, рядом с ним был какой-то господин с двумя большими деревянными ящиками в руках.

– Прошу, Юлий Иванович, проходите. Здравствуй, Варя... Давайте в гостиную, тут как раз стоит рояль – я думаю, будет удобно. Варя, пойдем с нами. Ты сегодня в хорошем голосе?

– Как всегда, – сказала она.

К роялю придвинули обеденный стол, господин поставил на него деревянные коробки. Внутри находился небольшой рупор, несколько черных цилиндров и какое-то странное устройство с аккумулятором.

– Это дело все-таки убедило меня, что надо непременно оставить фонографические записи. Я договорился с господином Блоком, что нас с тобой запишут на цилиндры. Как тебе перспектива войти в историю?

– Войти в историю – не проблема, – улыбнулась она. – Проблема из нее выйти.

– Сегодня была очередная демонстрация – новые валики записывали, старые показывали... Это потрясающе! – знаешь, как Танеев возмущался по поводу своего голоса? Он у него и правда высокий, а если начнет смеяться – так совсем срывается. Пабст великолепно сыграл Шопена. Фигнер пел романс Кюи – правда, на записи не очень хорошо слышно. Донской записался. Не пора ли и нам?

– Уверен? – спросила Варвара Георгиевна. – Мазини говорил, что это профанация искусства. Рубинштейн отказывался записывать свою игру.

– И потом очень жалел, кстати. А месяц спустя Антон Григорьевич все-таки аккомпанировал «Серенаду Дон-Жуана», пел Самусь. Начинай, я сыграю на пианино что захочешь. Единственный момент – не больше 2,5 минут на один цилиндр. Оставим, так сказать, потомкам представление о своем искусстве.

Варвара Георгиевна выбрала хабанеру из «Кармен» – она всегда любила этот странный и непонятный ему веризм, и арию Фидес из «Пророка». Каменев записал укороченный вариант романса Рауля и «Сердце красавицы».

– Хотите послушать? – спросил Блок.

– Конечно, – кивнули в унисон Каменевы.

– Сейчас поставлю хабанеру... – сказал он и начал менять иглу.

– Нет, старик Рубини, конечно, был прав в свое время, – заметил Николай Константинович. – Теперь благодаря Эдисону всё несколько изменилось: теперь голос певца не просто сохраняется, он больше ему не принадлежит и может парить над миром даже после ухода артиста.

Послышался треск и дивно красивый голос выводил страстную мелодию испанской цыганки.

– Шумов, правда, многовато – но наверняка что-нибудь придумают, – улыбнулся тенор, когда запись кончилась. А можно услышать канцону из «Риголетто»?

Юлий Иванович переставил цилиндр и после небольшого фортепианного вступления слышались знаменитые слова «Сердце красавицы склонно к измене...» – однако их секунду спустя совершенно заглушил возмущенный крик «И за это мне платили?!»